

Теоретическая и прикладная ЛИНГВИСТИКА

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Периодичность 4 раза в год

Выпуск 1, № 1, 2015

Выпуск посвящается 40-летию юбилею Амурского государственного университета

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (США)

Бурькин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Ермакова Людмила Витальевна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)

Пирогова Марина Андреевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ www.amursu.ru/lingua

Адрес редакционной коллегии:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

Volume 1, Issue 1, 2015

The Issue is devoted to the 40th anniversary of the Amur State University

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region,
Russian Federation, Zip Code 675027

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Svetlana V. Guseva Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Ludmila V. Ermakova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Marina A. Pirogova Associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland).

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Publisher Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: www.amursu.ru/lingua
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81'24
UDC 81'24

*Андросова Светлана Викторовна,
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры иностранных языков
Амурского государственного университета*

*Svetlana V. Androsova,
Doctor of Philology, professor
Department of Foreign Languages
Amur State University*

НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ МОРФЕМ И СЛОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

NON-CANONICAL MODELS OF MORPHEMES AND WORDS IN RUSSIAN AND ENGLISH

Аннотация

Благодаря усилиям классической фонологии установлены наборы звуковых единиц для большинства языков мира и представлены в виде системы оппозиций. Канонические фонемные и аллофонные модели морфем и слов также строго определены. Однако в речевой деятельности функционирует другая фонология – фонология носителя языка, который оперирует моделями, построенными на основе других законов. Языковой материал даёт возможность их изучить и систематизировать. Акустический и перцептивный анализ американской спонтанной речи позволил продемонстрировать целый ряд таких слов с альтернативным каноническому фонемным и слоговым составом: *an* – /ɛn/, /ɪn/; *and* – /ɛnd/, /ɛn/, /ɪn/, /n/; *as* – /ɛz/, /ɪz/, /ɛs/, /ɪs/; *came* – /kɪm/; *major* – /mɪdʒə/; *get* – /gɛd/ (*getting*, *get a*) ['gɛr]; *every* – /ɜri/; *actually* – /æksʃli/; *being* – /biŋ/ и многие другие.

Abstract

It is a well-known fact that it is due to the efforts of pure Phonology that phonological units for most languages were determined and presented as a system of oppositions. Canonical phonemic and allophonic models of morphemes and words were strictly determined as well. However there is another phonology functioning during speech activity – the Phonology of the Speaker who applies different rules to build and operate models. Speech samples give an opportunity to scrutinize and systematize those rules. Acoustic and perceptual study of American spontaneous speech enabled to demonstrate a number of morphemes and words that have phonemic models and syllabic structure alternative to canonical ones: *an* – /ɛn/, /ɪn/; *and* – /ɛnd/, /ɛn/, /ɪn/, /n/; *as* – /ɛz/, /ɪz/, /ɛs/, /ɪs/; *came* – /kɪm/; *major* – /mɪdʒə/; *get* – /gɛd/ (*getting*, *get a*) ['gɛr]; *every* – /ɜri/; *actually* – /æksʃli/; *being* – /biŋ/ and many others.

Ключевые слова: фонемная модель, аллофонная модель, канонический / неканонический, чередования.

Keywords: phonemic model, allophonic model, canonical / non-canonical, alternations.

Щербовская триада «языковая система – речевая деятельность – языковой материал» общеизвестна. Однако не часто можно услышать о том, что суть языка, изложенная в этой гениальной триаде, предполагает существование разных фонологий, в которых принципы моделирования данного языкового уровня не совпадают.

Довольно долгое время известной была только одна – так называемая «чистая» или «классическая» фонология, созданная Николаем Сергеевичем Трубецким и изложенная им в книге «Основы фонологии», которая впервые вышла в 1939 году [Трубецкой, 2000].

Благодаря усилиям классической фонологии установлены наборы звуковых единиц для большинства языков мира и представлены в виде стройной системы чётко организованных оппозиций. Канонические¹ фонемные и аллофонные модели морфем и слов также строго определены. Их без сомнения можно считать своего рода математикой фонологического уровня языка. Как в классической математике $2 \times 2 = 4$, а две параллельные линии никогда не пересекаются, так и в классических – канонических – фонемных моделях в слове *получать* реализуется нижеследующий фонемный состав согласно трём популярным фонологическим школам – Московской (далее – МФШ), Пражской (далее – ПФШ) и Щербовской (далее – ЩФШ):

1) МФШ и ПФШ: /p^o lutʃátʲ/, где второй предударный гласный в непроверяемой слабой позиции ^a это гиперфонема (МФШ) либо архифонема о/а (ПФШ);

2) ЩФШ: /palutʃátʲ/, где второй предударный гласный в непроверяемой слабой позиции – это фонема /a/.

В случае с проверяемой слабой позицией в общеизвестных примерах типа водовоз второй предударный гласный, согласно МФШ и ПФШ, – это фонема /o/ (см., напр., у П. С. Кузнецова о типичном для МФШ способе определения фонемной принадлежности звука через позицию в морфеме [Кузнецов, 1970, с. 476–479]), тогда как ЩФШ указывает на наличие живого фонетического чередования о/а в рассматриваемой корневой морфеме. Говоря словами М. И. Матусевич, фонетические чередования – это результат взаимной приспособляемости фонем, артикуляционно и акустически также, как и при аллофонии, но итог данного процесса совпадает с уже имеющейся в данном языке фонемой [Матусевич, 1976, с. 179–180]. Здесь напомним одно из базовых положений ЩФШ, которых придерживается и автор настоящей статьи: у каждой фонемы имеется строго определённый набор аллофонов, и аллофон

¹ Под каноническим произношением понимается тщательное произнесённые в лабораторных строго контролируемых условиях изолированные слова и их сочетания, которые характеризуются гиперартикуляцией, не свойственной естественной речи [Ohala, 2005, с. 419 ; Smiljanic, Bradlow, 2008, с. 3171]. При таком произнесении намеренно ограничивается количество факторов, координирующих речепроизводство; оно призвано продемонстрировать действие одного-двух факторов в идеальных условиях: соседних сегментов и ударения или присутствие/отсутствие словесной границы на известных минимальных парах, в рамочных конструкциях и тому подобное). Высшая форма гиперартикуляции это то, что Щерба называет ясным отчётливым отчеканиванием каждого слога, при котором максимально ослабляется действие ударения, соседства и инертности органов произношения [Щерба, 1974]. Фонемные и аллофонные модели, отражающие такое произнесение, мы будем называть каноническими.

одной фонемы не может быть аллофоном другой фонемы [Зиндер, 2007, с. 67–68].

Относительно канонической аллофонной модели никаких разногласий между указанными школами нет. Разница между лингвистами может быть лишь в выборе системы транскрипции (латиница или кириллица). Здесь приведём аллофонную модель на основе знаков международного фонетического алфавита: [pəlʊtʃátʲ] с гласным в первом слоге – редуцированным непереднего ряда [ə] ([ъ] в кириллице) (см., напр., у Л. В. Щербы, 2002, с. 126 ; А. А. Реформатского, Л. Р. Зиндера [Реформатский, 1996, с. 99, 101–102 ; Зиндер, 2007, с. 264–265]). При этом, однако, не будем забывать о разной интерпретации фонемной принадлежности данного аллофона указанными школами (см. сравнение, приведённое В. Б. Касевичем [Касевич, 2006, с. 47–48]).

Возьмём два простейших примера из английского языка – союзы *as* и *and* со следующими фонемными моделями: /æz/ – /ænd/. Каноническая аллофонная модель в условиях безударности в потоке речи предполагает качественную редукцию до нейтрального гласного: [əz] – [ənd]. Такое моделирование требует следования установленным той или иной фонологической школой «математическим» правилам (см. напр., о правилах качественной редукции гласных, описанные в целом ряде известных работ [Реформатский, 1996, с. 107 ; Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 340]).

Между тем, помимо классической математики, существует Неэвклидова геометрия (= геометрия Лобачевского), где, например, две параллельные линии при определённых условиях могут пересекаться. Так и в речевой деятельности – второй составляющей упомянутой нами триады – функционирует другая фонология – фонология речевой деятельности. Это неканоническая фонология – фонология носителя языка, который оперирует моделями, построенными на основе законов, отличных от тех, которые действуют в классической фонологии. Языковой материал – последняя составляющая триады – даёт возможность их изучить и систематизировать. По словам Л. В. Бондарко [Фонетическое описание..., с. 43–44, 48], при анализе живой звучащей речи выясняется неоднозначность отношений между элементами фонологического уровня и способами их реализации: 1) фонологический признак – фонетическое свойство; 2) фонема – звук. Из этой однозначности, на наш взгляд, и вытекают неканонические модели.

Для русского языка неканонические фонологические модели были исследованы и продемонстрированы отечественными фонетистами Л. В. Бондарко [Бондарко, 1969, 1981], В. И. Кузнецовым [Кузнецов, 1997], П. А. Скредлиным [Скредлин, 1999], Н. В. Богдановой [Богданова, 2001] и другими. Богатейшим источником для изучения неканонической фонологии является спонтанная речь. Результаты исследований, проведённых Л. В. Бондарко и её последователями на материале русского языка, свидетельствуют о том, что, в частности, привычное понятие фонемы из-за размытости её фонетических характеристик оказывается неприложимым или плохо приложимым к спонтанной речи [Бондарко, 1969, 1981; Фонетика спонтанной..., 1988; Богданова, 2001].

Так, описанный нами русский пример в подавляющем большинстве случаев выглядит в аллофонной модели не как [pəlʊtʃátʲ], а как [pʊlʊtʃátʲ] (см. также о довольно частой реализации огубленных гласных [o] и [u] на месте

«идеального» /a/ в русской спонтанной / разговорной речи у О. Б. Болотовой [Болотова, 2004, с. 14–16] (гласных [э^у], [у] на месте [э] перед у во втором и других предударных слогах у Л. Л. Касаткина [Касаткин, 2006, с. 190]), что в фонемной модели, следуя взглядам Л. В. Щербы, предполагает возможность живого фонетического чередования² фонем а/и в первом слоге. Это обстоятельство неприемлемо в канонической модели: только о/а рассматривается как живое фонетическое чередование в подобного рода примерах.

Другое русское слово *журналист* (пример, приведённый П. А. Скредлиным на его лекционных и практических занятиях по акустической обработке речевого сигнала) в русском новостном дискурсе очень часто реализуется с гласным [i] в первом слоге – [ʒɪrɲɪlɪst] – вследствие обычно никем не замечаемых процессов делабиализации³ и продвижения гласного до центрального ряда под влиянием окружающих переднеязычных согласных и дистантного влияния ударного гласного /i/. Так возникает фонемная модель с совершенно немислимым с канонической точки зрения чередованием и/i.

В вышеупомянутых английских примерах *as* и *and* результатом редукции в американской спонтанной речи прежде всего выступает гласный [ɛ], довольно часто – [ɪ] и практически никогда не встречается нейтральный гласный. Эти факты канонической моделью попросту игнорируются.

Помимо описанных чередований, каноническая модель не учитывает многочисленные случаи выпадения звуков и целых слогов за редким исключением в «лице» союза *and*. Именно в нём в ряде словарей, хотя и не во всех, уже довольно давно фиксируется и выпадение конечного /d/, и даже начального гласного (сравните варианты транскрипций данного слова в указанных словарях: [Longman..., 1997, с. 25 ; Cambridge..., 2000, с. 28 ; Longman..., 2008, с. 29]). А ведь, как совершенно справедливо отмечает Л. Р. Зиндер [Зиндер, 1981, с. 106], «в реальной речи не все фонемы, образующие план выражения слова, должны быть представлены в его звуковом облике». Для ряда слов это означает не только изменение фонемного состава, но и слогового. Акустический и перцептивный анализ американской спонтанной речи позволил выявить целый ряд таких слов с альтернативным фонемным и слоговым составом. В нижеследующей таблице отражены типичные примеры (см. табл. 1).

² В МФШ и ПФШ интерпретация указанного процесса осуществляется через понятие нейтрализации, введённое Н. С. Трубецким [Трубецкой, 2000, с. 243–258]. Выражаясь словами В. М. Солнцева, «нейтрализации подвергаются несущественные или малосущественные в данный момент или для данных условий различия элементов, иными словами, различия, несущественные для реализации данной функции» [Солнцев, 1971, с. 88]. В нашем случае таковыми элементами оказались а/и, довольно далеко стоящие друг от друга в системе русских гласных, что с точки зрения последователей классической фонологии нетипично: «чем большими различиями обладают явления, тем меньше позиций и условий, в которых они могут быть нейтрализованы» [там же].

³ О случаях делабиализации пишет Л. Л. Касаткин: «В разговорном языке, реже в кодифицированном литературном языке на месте букв у, ю и редуцированного звука второй степени [у] встречается произношение [э] после твёрдого согласного и [и^э] после мягкого...» [Касаткин, 2006, с. 189].

Т а б л и ц а 1. Слова с альтернативным фонемным и слоговым составом

Альтернативный фонемный состав	Меньшее количество слогов
<i>an</i> – /ɛn/, /ɪn/; <i>and</i> – /ɛnd/, /ɛn/, /ɪn/ <i>as</i> ⁴ – /ɛz/, [ɪz], [ɛs], [ɪs] <i>badmouth</i> – /bædmæθ/ <i>came</i> – /kɪm/ <i>get</i> ⁵ – /gɛd/ (getting, get a) ['gɛr] <i>every</i> – /ɜːri/ <i>I</i> – /ɪ/ (I loved), /ɪ/ (like I said) <i>just</i> – /dʒɪst/, /dʒɪs/ <i>look</i> ⁶ – /lʊg/ (напр., look at a) <i>major</i> – /mɪdʒɜː/ <i>or</i> – /ɔː/; <i>our</i> – /ɔː/; <i>for</i> – /fɔː/; <i>are</i> – /ɜː/ <i>pristine</i> – /pɜːstɪn/ <i>problem</i> – /prɒbm/ <i>protect</i> – /pɜːtekt/, /pɜːtek/ <i>science</i> – /sɪns/ <i>there/their</i> – /ðɜː/ <i>they</i> – /ði/ <i>to, to-</i> – /tɪ/ (to you, places together), /dɪ/ – [rɪ] (be together), /də/ – [rə] (go to collage) <i>university</i> – /jɪnɜːvɜːsɪdi/ <i>will</i> – /wɒl/ <i>where</i> – /wɜː/ <i>you</i> – /jɪ/; /ɪ/	<i>Actually</i> – [æksʃl] – два вместо трёх <i>being</i> – [bɪŋ] – один вместо двух <i>believe</i> – [blɪv] – один вместо двух <i>corporations</i> – [kɔːpreɪʃnz], [kɔːbreɪʃnz] – три вместо четырёх <i>correct</i> – [krɛkt], [krɛk] – один вместо двух <i>example</i> – [zɛm] – один вместо трёх <i>Mexican</i> – [mɛkskɪn] – два вместо трёх <i>popular</i> – [pɒblɜː] – два вместо трёх <i>probably</i> – [prɒli] – два вместо трёх <i>very</i> – [vɜː] – один вместо двух

Для носителя языка оперировать такими моделями в процессе рече-производства и речевосприятия абсолютно естественно, и происходит это на уровне бессознательного контроля, в ходе которого координируется взаимодействие разных фонологических единиц под влиянием определённых лингвистических и экстралингвистических факторов⁷. Разумеется, носитель языка не задумывается о том, что он делает и как (вспомним известное высказывание С. Пинкера о том, что люди знают, как они говорят, также как па-

⁴ Два последних варианта транскрипции данного слова содержат фонологически глухой. Такая замена характерна для фонологически звонких шумных щелевых в абсолютном конце слова перед незаполненной паузой и перед фонологически глухим.

⁵ Фактически – это все слова, заканчивающиеся на «t»: *let, put, wallet, advocate* etc независимо от количества слогов.

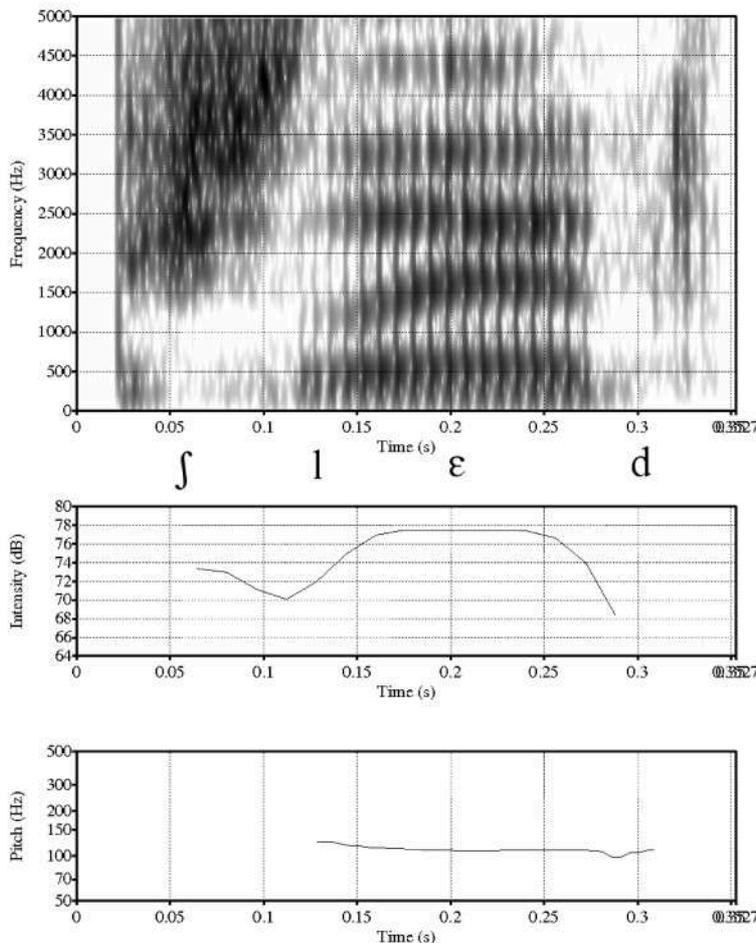
⁶ Данный процесс замены фонологически глухих взрывных на фонологически звонкие имеет место при следующем безударном гласном как в пределах слова, так и на словесной границе.

⁷ Ещё Л. В. Щерба в 1915 году писал о существовании разных произносительных моделей для одного и того же слова и о том, что они нормально не осознаются нами как таковые; некоторые из них могут стать достоянием сознания при передаче языка от поколения к поколению [Щерба, 1974]).

уки знают, как плести паутину [Pinker, 1994, с. 18], с которым, впрочем, не все могли бы согласиться).

Однако при обучении данному языку как иностранному или при создании систем искусственного интеллекта недостаточное внимание к таким моделям обычно становится серьёзной преградой при решении соответствующих задач. При этом проблемой является не единичная модификация (в одной точке фонологической модели), а серия модификаций, происходящих при речепроизводстве за небольшую единицу времени.

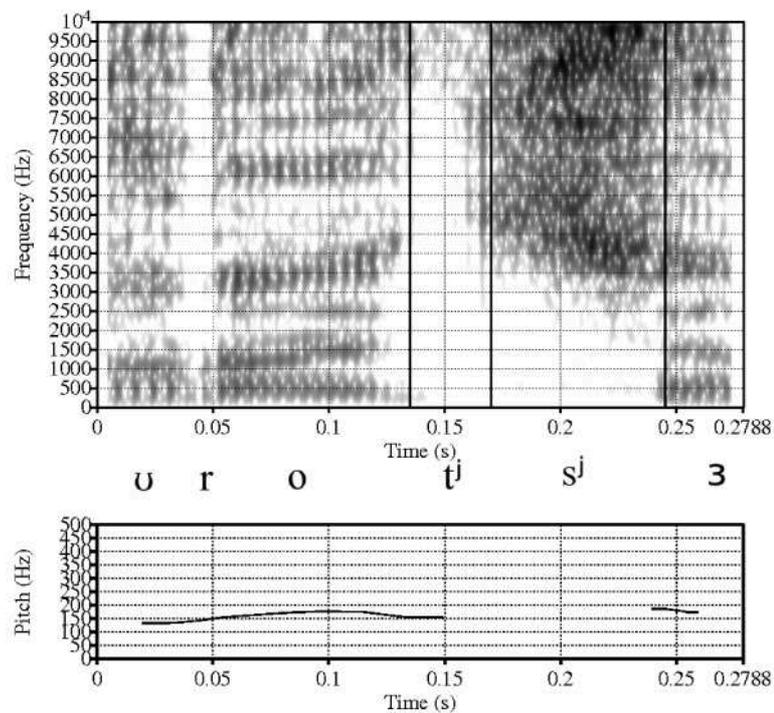
Рассмотрим это на примерах сочетания английских слов *actually I had* и сочетания русских слов *вроде всё* из фразы *вроде все нормально* (см. рис. 1–2). В первом примере (см. рис. 1) сочетание попало в сверхслабую позицию. Это способствовало эллиптированию /h/, что часто происходит в данном глаголе; в свою очередь это привело к стечению трёх гласных, которые подверглись количественной и качественной редукции. В результате вместо трёх гласных /i/, /ai/, /æ/, каждый из которых должен был стать вершиной своего собственного слога, был реализован один – [ɛ], по своим акустическим характеристикам не соответствующий ни одному из трёх упомянутых гласных. Общая длительность сегмента (указанное сочетание без первых двух фонем) составила 333 мс, в течение которых гипотетически должно реализоваться восемь фонем, из которых одна аффриката и два дифтонга (42 мс в среднем на каждую из восьми).

Р и с у н о к 1. Реализация сочетания *actually I had*

Во втором примере (см. рис. 2) – *вроде всё* – сочетание *вроде все нормально* произнесено очень быстро, и его общая длительность составила 279 мс, на которые гипотетически также приходится реализация восьми фонем (по 35 мс на каждую). Имело место выпадение конечного гласного в первом слове и начального согласного во втором слове. Кроме того, произошли: вокализация первого согласного первого слова (что нередко для русского /v/), оглушение /dʲ/ (на второй половине реализации /dʲ/ линия основного тона отсутствует), который оказался в непосредственном соседстве с /sʲ/.

Нетрудно понять, что в целом высказывании таких серий будет, мягко говоря, много, и что они способны за несколько секунд устроить коллапс восприятия иностранца, не приученного с ними работать на уровне говорения и аудирования.

Р и с у н о к 2. Реализация сочетания слов *вроде все*

Наличие неканонических моделей – это факт языковых изменений, свершившихся за сравнительно длительный период после создания классической фонологии. Поэтому игнорировать их и отказываться использовать в обучении, по словам Вильяма Лабова, будет означать вести войну, которую выиграть невозможно [Labove, 2001, с. 4–5]. Приходится с сожалением констатировать, что канонические модели настолько «неповоротливы», что не отражают даже явные изменения, например, положения гласных в системе и в их дистрибуции. Так, английский гласный /u/ уже достаточно давно не реализуется как гласный заднего ряда: он существенно продвинулся как минимум до центрального – [ʊ] – и, во многих случаях, до переднего ряда – [y] [Thomas, 2001, с. 33–34; Шевченко, 2011, с. 51]. Однако данный факт оставлен канонической моделью без внимания, равно как и то, что гласные /u/–/ʊ/ перед /l/ с трудом различимы (факт, отмеченный Вильямом Лабовым [Labov,

1994, с. 360–362]). По нашим экспериментальным данным, перед /l/ в словах типа school, pool реализуется скорее гласный /u/, чем /и/, что свидетельствует о возможном изменении дистрибуции этих гласных в данной точке языка.

Совершенно очевидно, что, во-первых, необходимо дальнейшее изучение языкового материала, поскольку о существовании хоть сколько-нибудь определённого перечня таких моделей говорить слишком рано, и, во-вторых, необходимо внедрение хотя бы уже известных частотных неканонических моделей в обучение. Соответственно, для создания адекватных систем искусственного интеллекта нужны базы данных по различным фонологическим моделям слов и во многих случаях – целых сочетаний слов.

Список литературы

1. Андросова, С. В. Акустические и перцептивные корреляты цельноформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19 / Андросова Светлана Викторовна ; Амур. гос. ун-т. – Благовещенск, 2012. – 535 с.
2. Богданова, Н. В. Живые фонетические процессы русской речи [Текст] / Н. В. Богданова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 186 с.
3. Болотова О. Б. Гласные в спонтанной речи и чтении (транскрипция как способ отображения различий между типами речи) [Текст] / О. Б. Болотова // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. – Вып. 5. Фонетическое многообразие языков мира [отв. ред. Л. В. Бондарко, С. Б. Степанова]. – СПб., 2004. – С. 7–19.
4. Бондарко, Л. В. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19 / Бондарко Лия Васильевна ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л., 1969.
5. Бондарко, Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи [Текст] / Л. В. Бондарко. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 200 с.
6. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика [Текст] / Л. Р. Зиндер // Общая фонетика и избранные статьи. – СПб. : Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, М. : Академия, 2007. – С. 7–354. – [1-е изд. 1960].
7. Зиндер, Л. Р. Реальный поток речи и «реконструкция» фонемного состава слов [Текст] / Л. Р. Зиндер // Теория языка. Методы его исследования и преподавания : к 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы / [ред. кол.: Р. И. Аванесов (отв. ред.), Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер и др.] ; Акад. наук СССР. – Л. : Наука, 1981. – С. 102–106.
8. Касаткин, Л. Л. Современный русский язык. Фонетика [Текст] / Л. Л. Касаткин. – М. : Academia, 2006. – 256 с.
9. Касевич, В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Труды по языкознанию [Текст] / В. Б. Касевич. – СПб. : Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. – С. 10-238.
10. Кодзасов, С. В. Общая фонетика [Текст] / С. В. Кодзасов, О. В. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 592 с.
11. Кузнецов, В. И. Вокализм связной речи [Текст] / В. И. Кузнецов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 248 с.
12. Кузнецов, П. С. Об основных положениях фонологии. – В кн.: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия [отв. ред. Р. И. Аванесов]. – М. : Наука, 1970. – С. 470–480.

13. Матусевич, М. И. Современный русский язык. Фонетика. [Текст] / М. И. Матусевич. – М. : Просвящение, 1976. – 288 с.
14. Реформатский, А. А. Введение в языковедение [Текст] / А. А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
15. Скрелин, П. А. Сегментация и транскрипция [Текст] / П. А. Скрелин. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 106, [2] с.
16. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1971. – 292 с.
17. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии [Текст] / пер. с нем. А. А. Холодовича / Н. С. Трубецкой. – 2-е изд. – М : Аспект Пресс, 2000. – 352 с. – [1-е изд. 1960].
18. Фонетика спонтанной речи [Текст] / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер и др. – Л. : Изд-во Ленигр. ун-та, 1988. – 245 с.
19. Шевченко, Т. И. Фонетика и фонология английского языка [Текст] / Т. И. Шевченко. – Дубна : «Феникс+», 2011. – 256 с.
20. Щерба, Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов [Текст] // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – С. 141–146.
21. Щерба, Л. В. Русские гласные в количественном и качественном отношении [Текст] / Л. В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – С. 124–152. – [1-е изд. 1958].
22. Labove, W. Principles of Linguistic Change: Internal Factors. – Blackwell Publishing Ltd., 1994. – Peking: Peking University press, 2007. – 641 p.
23. Labove, W. Principles of Linguistic Change: Social Factors. – Blackwell Publishing Ltd., 2001. – Peking: Peking University press, 2007. – 572 p.
24. Ohala, J. J. The Marriage of Phonetics and Phonology [Text] / J. J. Ohala // Acoustic Science and Technology. – 2005. – Vol. 26, N 5. – P. 418–422.
25. Pinker S. The language instinct [Text] / S. Pinker. – W. Morrow and Company, 1994.
26. Smiljanic, R. Temporal Organization of English Clear and Conversational Speech [Text] / R. Smiljanic, A. R. Bradlow // JASA. – 2008. – Vol. 124, N 5. – P. 3171–3182.
27. Thomas, E. R. An Acoustic Analysis of Vowel Variation in New World English [Text] / E. R. Thomas // Publication of American Dialect Society. – 2001. – N 85. – 231 p.
28. Cambridge Dictionary of American English [Text]. – New York : Cambridge University Press, 2000. – 1069 p.
29. Longman Dictionary of American English [Text]. – 2nd ed. – [S. l.] : Longman. – 1997. – 935 p.
30. Longman Pronunciation Dictionary [Text] / [ed. by J.C. Wells]. – UK : [S. n.], 2008. – 992 p.

References

1. Androsova, S. V. Akusticheskie i perceptivnye korreljaty cel'noofornlenosti sloga (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskoj spontannoju rechi) [Tekst] : dis. ... d-ra filol. nauk 10.02.19 / Androsova Svetlana Viktorovna ; Amur. gos. un-t. – Blagoveshhensk, 2012. – 535 s.
2. Bogdanova, N. V. Zhivye foneticheskie processy russkoju rechi [Tekst] / N. V. Bogdanova. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001. – 186 s.
3. Bolotova O. B. Glasnye v spontannoju rechi i chtenii (transkripcija kak sposob otobrazhenija razlichij mezhdju tipami rechi) [Tekst] / O. B. Bolotova // Jeksperimental'no-

foneticheskij analiz rechi: problemy i metody. – Vyp. 5. Foneticheskoe mnogoobrazie jazykov mira [otv. red. L. V. Bondarko, S. B. Stepanova]. – SPb., 2004. – S. 7–19.

4. Bondarko, L. V. Slogovaja struktura rechi i differencial'nye priznaki fonem (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale russkogo jazyka) [Tekst] : dis. ... d-ra filol. nauk 10.02.19 / Bondarko Lija Vasil'evna ; Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova. – L., 1969.

5. Bondarko, L. V. Foneticheskoe opisanie jazyka i fonologicheskoe opisanie rechi [Tekst] / L. V. Bondarko. – L. : Izd-vo Lenigr. un-ta, 1981. – 200 s.

6. Zinder, L. R. Obshhaja fonetika [Tekst] / L. R. Zinder // Obshhaja fonetika i izbrannye stat'i. – SPb. : Filol. fak. S-Peterb. gos. un-ta, M. : Akademiya, 2007. – S. 7–354. – [1-e izd. 1960].

7. Zinder, L. R. Real'nyj potok rechi i «rekonstrukcija» fonemnogo sostava slov [Tekst] / L. R. Zinder // Teorija jazyka. Metody ego issledovanija i prepodavanija : k 100-letiju so dnja rozhdenija L'va Vladimirovicha Shherby / [red. kol.: R. I. Avanesov (otv. red.), L. V. Bondarko, L. R. Zinder i dr.] ; Akad. nauk SSSR. – L. : Nauka, 1981. – S. 102–106.

8. Kasatkin, L. L. Sovremennyj russkij jazyk. Fonetika [Tekst] / L. L. Kasatkin. – M. : Academia, 2006. – 256 c.

9. Kasevich, V. B. Fonologicheskie problemy obshhego i vostochnogo jazykoznanija // Trudy po jazykoznaniju [Tekst] / V. B. Kasevich. – SPb. : Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, 2006. – S. 10-238.

10. Kodzasov, S. V. Obshhaja fonetika [Tekst] / S. V. Kodzasov, O. V. Krivnova. – M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. – 592 s.

11. Kuznecov, V. I. Vokalizm svjaznoj rechi [Tekst] / V. I. Kuznecov. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1997. – 248 s.

12. Kuznecov, P. S. Ob osnovnyh polozhenija fonologii. – V kn.: A. A. Reformatskij. Iz istorii otechestvennoj fonologii. Oчерk. Hrestomatija [otv. red. R. I. Avanesov]. – M. : Nauka, 1970. – S. 470–480.

13. Matusevich, M. I. Sovremennyj russkij jazyk. Fonetika. [Tekst] / M. I. Matusevich. – M. : Prosvjashhenie, 1976. – 288 s.

14. Reformatskij, A. A. Vvedenie v jazykovedenie [Tekst] / A. A. Reformatskij. – M. : Aspekt Press, 1996. – 536 s.

15. Skrelin, P. A. Segmentacija i transkripcija [Tekst] / P. A. Skrelin. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. – 106, [2] c.

16. Solncev, V. M. Jazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie [Tekst] / V. M. Solncev. – M. : Nauka, 1971. – 292 s.

17. Trubeckoj, N. S. Osnovy fonologii [Tekst] / per. s nem. A. A. Holodovicha / N. S. Trubeckoj. – 2-e izd. – M : Aspekt Press, 2000. – 352 s. – [1-e izd. 1960].

18. Fonetika spontannoj rechi [Tekst] / L. V. Bondarko, L. A. Verbickaja, L. R. Zinder i dr. – L. : Izd-vo Lenigr. un-ta, 1988. – 245 s.

19. Shevchenko, T. I. Fonetika i fonologija anglijskogo jazyka [Tekst] / T. I. Shevchenko. – Dubna : «Feniks+», 2011. – 256 s.

20. Shherba, L. V. O raznyh stiljah proiznoshenija i ob ideal'nom foneticheskom sostave slov [Tekst] // Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. – M.: Nauka, 1974. – S. 141–146.

21. Shherba, L. V. Russkie glasnye v kolichestvennom i kachestvennom otnoshenii [Tekst] / L. V. Shherba // Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2002. – S. 124–152. – [1-e izd. 1958].

22. Labove, W. Principles of Linguistic Change: Internal Factors. – Blackwell Publishing Ltd., 1994. – Peking: Peking University press, 2007. – 641 p.

23. Labove, W. Principles of Linguistic Change: Social Factors. – Blackwell Publishing Ltd., 2001. – Peking: Peking University press, 2007. – 572 p.
24. Ohala, J. J. The Marriage of Phonetics and Phonology [Text] / J. J. Ohala // Acoustic Science and Technology. – 2005. – Vol. 26, N 5. – P. 418–422.
25. Pinker S. The language instinct [Text] / S. Pinker. – W. Morrow and Company, 1994.
26. Smiljanic, R. Temporal Organization of English Clear and Conversational Speech [Text] / R. Smiljanic, A. R. Bradlow // JASA. – 2008. – Vol. 124, N 5. – P. 3171–3182.
27. Thomas, E. R. An Acoustic Analysis of Vowel Variation in New World English [Text] / E. R. Thomas // Publication of American Dialect Society. – 2001. – N 85. – 231 p.
28. Cambridge Dictionary of American English [Text]. – New York : Cambridge University Press, 2000. – 1069 p.
29. Longman Dictionary of American English [Text]. – 2nd ed. – [S. l.] : Longman. – 1997. – 935 p.
30. Longman Pronunciation Dictionary [Text] / [ed. by J.C. Wells]. – UK : [S. n.], 2008. – 992 p.

*Гусева Светлана Ивановна,
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет*

*Svetlana I. Guseva,
Doctor of Philology, professor
Department of foreign languages
Amur State University*

РЕАЛИЗАЦИЯ НЕМЕЦКОГО ВОКАЛИЗМА: СЕМАНТИКОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

REALIZATION OF THE GERMAN VOWEL SYSTEM: SEMANTIC-CENTRIC APPROACH

Аннотация

В статье рассматриваются соотношение понятий «значение» и «смысл» и потенциал фонетических средств для выражения смысла звучащего текста. Анализируются акустические и перцептивные характеристики немецких гласных в спонтанной монологической речи. На примере анализа гласных [e:], [ɛ:], [ɐ] определяется зависимость реализации сегмента от его положения в информационной структуре высказывания. Полученные результаты свидетельствуют о том, что характеристики гласных в целом могут служить звуковыми индикаторами информативно нагруженных участков высказывания, обладая полнотой выражения акустико-артикуляторных характеристик, которая обеспечивает восприятие гласного без привлечения широкого контекста.

Abstract

The article considers the notions of «meaning» and «sense» and the potential of phonetic means to express the sense in an oral text. The acoustic and perceptual features of German vowels in spontaneous monologues are examined. Segmental units realization peculiarities depending on their position in the informational structure of the utterance are determined using the examples of vowels [e:], [ɛ:], [ɐ]. The obtained results enable to conclude that vowel features on the whole can be indicators of highly informative parts of an utterance by being used in their full forms that provide reliable identification without a wider context.

Ключевые слова: немецкий вокализм, семантикоцентрический подход, информативный каркас дискурса, акустические характеристики, перцептивные характеристики.

Keywords: German vowel system, semantic-centric approach, informative frame of discourse, acoustic features, perceptual features.

1. Введение

В предыдущих работах мы попытались на основе экспериментально-фонетического анализа речи дополнить существующее представление о потенциальной связи фонемы со смыслом и показать на репрезентативном эмпирическом материале, что характеристики сегментных единиц, в частности немецкого консонантизма, на синтагматической оси – это не только функция комбинаторно-позиционных условий, коартикуляции и других, хорошо известных и описанных в литературе факторов, но и положения аллофона в информационной (тема-рематической) структуре высказывания [Гусева, 1998, 2012, 2014]. Учёт положения сегмента по отношению к коммуникативному фокусу высказывания, по нашему мнению, должен быть безусловным. Этот подход применён и в настоящем экспериментальном исследовании, целью которого является описание перцептивных и акустических свойств гласных, реализованных в континууме квазиспонтанной немецкой речи на участках разной коммуникативной нагрузки.

Семантикоцентрический подход к анализу фонетических единиц применяется в лингвистике давно. Его последовательным сторонником был основатель петербургской фонологической школы Л. В. Щерба, который отмечал, что «весь язык сводится к смыслу, к значению. Нет смысла, нет значения – нет языка» [Щерба, 1974, с.153]. Без сомнения, в такой трактовке речь идёт об общепринятом понимании терминов «смысл» и «значение» как о том, ради чего строится любое высказывание. В общем употреблении слова «значение» и «смысл» взаимозаменяемы и синонимичны, однако в лингвистике анализ этих понятий является объектом стратификационной семантики, предполагающей разграничение и соотнесение различных уровней семантического содержания. Концепт «значение» определяется как содержание единиц и категорий данного языка, включённое в его систему и отражающее её особенности, план содержания языковых знаков [Бондарко, 1999, с. 57]. Это стабильная, постоянная часть содержания знаков, общая у говорящих на одном языке, общественно признанная и закреплённая в словарях [Никитин, 2001, с.110]. «Смысл», напротив, категория личностная, достояние индивида. Смысл использует языковые формы лишь как строительный материал, который получает в высказывании коннотативные напластования, обусловленные особенностями индивидуального опыта и психики [Никитин, 2001, с.110].

Какова роль незнаковых по своей природе фонетических единиц в передаче разных аспектов семантического содержания? Сегментные единицы и супraseгментные средства служат целям манифестации языковых значений в виде разных по протяжённости лексико-грамматических единиц. Слово как основная единица языка представляет собой единство просодического и фонемного облика. Когда мы говорим о значении лексической единицы как о закреплённом в словаре содержании языкового знака, экспонент этого знака отражает характеристики хранящейся в памяти человека фонемной модели слова. Физический субстрат этой модели коррелирует с полным типом произнесения, при котором дифференциальные признаки фонем опознаются без привлечения характеристик контекстного окружения [Бондарко, Вербицкая и др., 1974]. Такой материал отражает денотативный план языка, очищенный от любых коннотативных смыслов. Однако в реальной речи мы имеем дело с большим количеством сегментов неполного типа, изучение которых обязыва-

ет нас учитывать образующие смысловую ткань высказывания коннотации, принимать во внимание положение слова и входящих в него языковых единиц в коммуникативной перспективе высказывания.

Необходимо отметить, что само понятие «смысл» предполагает внутреннюю дифференциацию. А. В. Бондарко предлагает различать системно-категориальный и речевой смысл, отмечая, что в сфере смысла намечаются различия, сходные с соотношением языка и речи [Бондарко, 1999, с. 60]. Системно-категориальный аспект смысла находит отражение в таких понятиях, как аспектуальность, темпоральность, модальность, субъектность, объектность, залоговость, качественность, количественность, локативность, бытийность, поссессивность и т.д. [Бондарко, 1999, с. 60–61]. Речевой смысл может быть охарактеризован как информация, которая передаётся говорящим и воспринимается адресатом в процессе коммуникации. Он возникает в результате взаимодействия языкового содержания высказывания (т.е. семантического комплекса, формируемого значениями языковых единиц и их комбинаций), контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информации и может рассматриваться как процесс, т.е. в аспекте мыслительно-речевой деятельности, а также как результат, т.е. смысл «готового текста» [Бондарко, 1999, с. 60–61].

При исследовании смысла готового текста в письменной форме роль фонетических единиц определяется, главным образом, путём анализа различных способов авторского обозначения интонации, характеристик голоса героев повествования и т.п. [Светозарова, 2000]. Метаязыковые средства передачи фонетических характеристик в письменной речи являются способом их субъективного отражения, не позволяющим применить методы экспериментально-фонетического анализа. Иное дело устный текст в аспекте мыслительно-речевой деятельности. Значение фонетики здесь трудно переоценить, поскольку все смысловые коннотации передаются с помощью интонационно-просодических средств. В качестве важного средства выполнения коммуникативного задания текстовая просодия тесно взаимодействует с другими аспектами организации текста, в первую очередь, семантическим. Особый статус просодии в языке заключается в том, что, с одной стороны, она связана с семантическим аспектом, участвующим в передаче смысловых оттенков высказывания, а с другой – выступает средством материализации языковых значений и в этой функции тесно взаимосвязана с единицами сегментного уровня. Очевидный факт взаимодействия при порождении речи всех уровней языка позволяет обратиться к экспериментально-фонетическому анализу аллофонного варьирования гласных с учётом позиции сегмента в информационной (тема-рематической) структуре высказывания.

Гипотеза нашего исследования состояла в том, что аллофоны гласных на информативно нагруженных отрезках высказывания приближаются к полному типу произнесения, т.е. такому, когда перцептивные характеристики аллофонов выводятся на основе их собственных акустико-артикуляторных характеристик, обусловленных комбинаторно-позиционными условиями, без привлечения данных широкого контекста. Для проверки выдвинутой гипотезы изучались акустические параметры сегментных единиц в словах, расположенных на участках разной информативной нагруженности.

2. Эксперимент

Эксперимент состоял из следующих этапов:

- 1) запись аутентичной спонтанной монологической речи носителей орфоэпического стандарта современного немецкого языка;
- 2) аудиторский эксперимент с целью индексирования текстов и определения индекса частотности информативно нагруженных слов;
- 3) составление информативного каркаса спонтанного дискурса (ИКД);
- 4) сегментация слов с помощью программы акустической обработки звукового сигнала PRAAT, выделение гласных в изолированном положении и в ближайшем контекстном окружении, исключая опознание значения слова;
- 5) перцептивный эксперимент по определению гласных, отсегментированных с участков разной информативной нагруженности;
- 6) интерпретация полученных экспериментальных данных.

2.1 Участники эксперимента

В экспериментальном исследовании приняли участие носители немецкого языка, владеющие немецким орфоэпическим стандартом. В ходе записи аутентичного языкового материала участникам (дикторам) предлагалось высказаться без подготовки на темы повседневной жизни (работа, учёба, отдых, путешествия, город и др.). Запись речи проводилась в разное время в лабораториях звукозаписи Боннского университета и Амурского государственного университета.

Носители немецкого языка – студенты, преподаватели и сотрудники Боннского университета в количестве 15 человек – участвовали на следующем этапе эксперимента в прослушивании аудиозаписей квазиспонтанной монологической речи и определении информативно нагруженных участков. Работа с аудиторами проводилась индивидуально, время для прослушивания не ограничивалось.

К участию в перцептивном эксперименте с целью определения сегментированных из речевого континуума гласных, расположенных на участках разной информативной нагруженности, приглашались также носители немецкого языка, лекторы фонда им. Р. Боша.

2.2 Метод исследования

При проведении аудиторского эксперимента был применён метод фонетического индексирования аудиотекста [Гусева, 1998; Гусева, 2012]. Цель фонетического индексирования заключается в выделении при помощи слухового метода информативно нагруженных отрезков текста (ремы). Логическим основанием для проведения процедуры фонетического индексирования служит тот факт, что выделение ремы как коммуникативно-прагматического фокуса высказывания осуществляется при помощи различных средств, основным из которых является интонационная маркировка. Противопоставление темы и ремы (известного и нового, несущественной и важной информации) реализуется в континууме речи путём особого интонационного подчёркивания: увеличения длительности сегментных единиц, изменения мелодического рисунка, усиления силы звука и др. Эти

маркеры информативно нагруженных участков дискурса дают основание для осуществления процедуры фонетического индексирования, которая состоит в выделении смысловых «опор» на основе фонетических характеристик ремы. В разных языках эти характеристики не совпадают, поэтому успех индексирования напрямую зависит от степени владения языком. Идеальным экспертом может считаться группа носителей языка с лингвистическим образованием, имеющая представление о теории актуального членения. В условиях иноязычной среды в качестве экспертов могут выступать преподаватели иностранного языка.

Для определения информативного каркаса записанных нами аудиотекстов оригинальной речи носителей немецкого языка привлекалась группа auditors – носителей немецкого языка. Задача перед экспертами формулировалась следующим образом: «Прослушайте аудиозапись оригинальной спонтанной речи и постарайтесь выделить в каждой фразе информативно нагруженные участки высказывания с опорой на его фонетические характеристики».

В ходе аудиторского эксперимента по восприятию участков разной информативной нагруженности происходит автоматическое сличение аудитором услышанного с хранящимися у него в памяти моделями коммуникативной стратегии высказывания. Знание коммуникативных стратегий и тактик и представление о них входит во все типы когнитивных пространств языковой личности [Попова, 2002, с. 39]. Без этого общего «разделённого знания», общего языка общения, общих правил речевого взаимодействия коммуникация невозможна [Койт, Ёйм, 1999, с. 65].

Полученные результаты подвергаются индексированию, при этом 100-процентному опознанию слова или группы слов как информативно нагруженных присваивается индекс 1,0. В случае опознания ремы 90 процентами auditors индекс равен соответственно 0,9 и т.д. Нижний порог при выборе ответов как информативно нагруженных, руководствуясь логикой квалифицированного большинства, представляется возможным ограничить индексом 0,6.

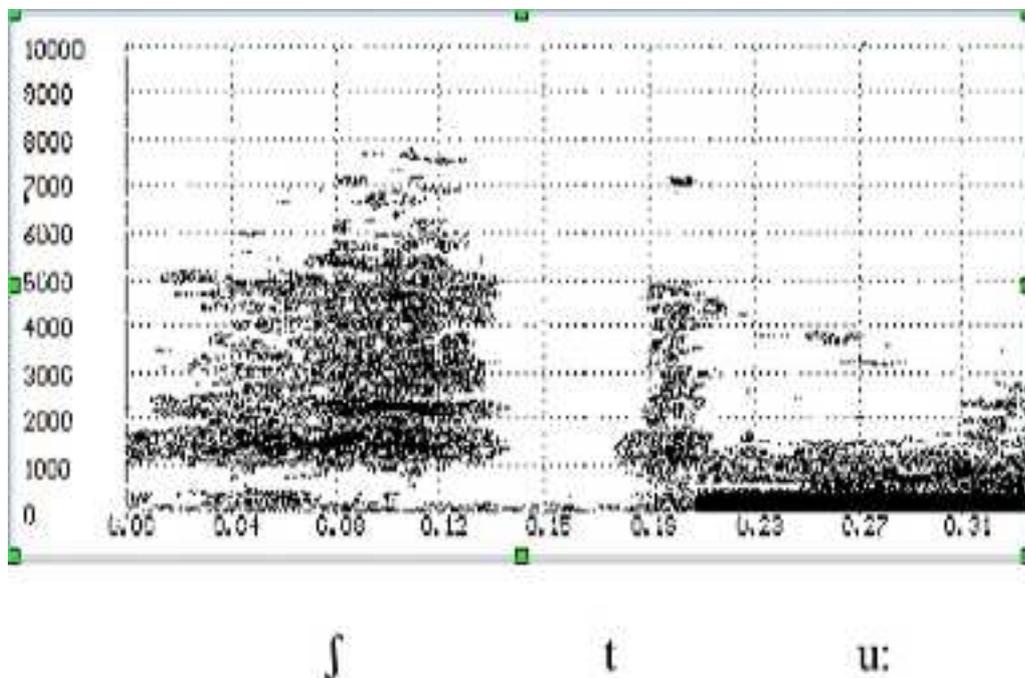
Отмеченные большинством auditors (от 100 до 60 % испытуемых) информативно важные слова и словосочетания представляют собой своего рода информативный каркас (ИКД), который выражает иерархию рем в анализируемом дискурсе. Ремы с индексами 1,0–0,8 можно отнести к ядру, а с индексами 0,6–0,7 – к периферии ИКД.

Применяемые в работе акустический и перцептивный методы анализа речи широко известны в экспериментальной фонетике и не нуждаются в подробном освещении. При выполнении процедуры сегментации речевого потока при помощи программ акустической обработки речевого сигнала мы опирались на принципы, изложенные в соответствующей литературе [Скрелин, 1999].

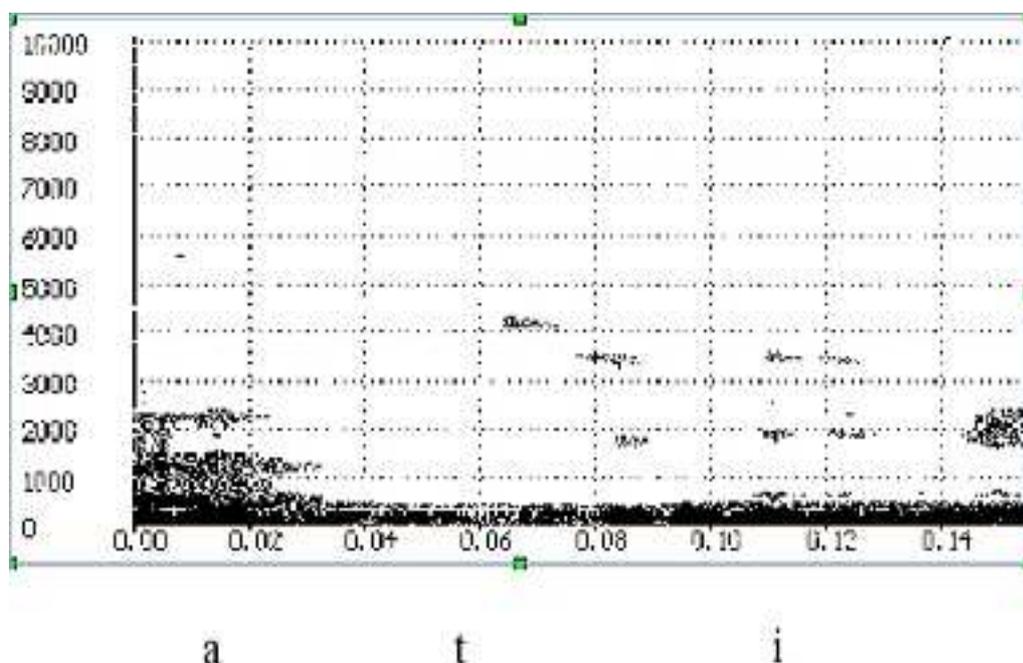
2.3 Результаты исследования

Некоторое общее представление о характере реализации одинаковых сочетаний звуков на участках разной информативной нагруженности дают спектрограммы на рисунках 1–3.

Сравнительный анализ спектральной картины реализации сегментных единиц на участках разной информативной нагруженности (рис. 1–3) свидетельствует о снижении напряжённости при произнесении звуков на малоинформативном участке. Доказательством этого являются понижение верхней границы шума и в целом более низкие значения интенсивности звуков.

Р и с у н о к 1а. Реализация фрагмента [a:ti] из слова *mathematischer* в речи диктора L: рема

Р и с у н о к 1б. Реализация фрагмента [a:ti] из слова *mathematischer* в речи диктора L: тема

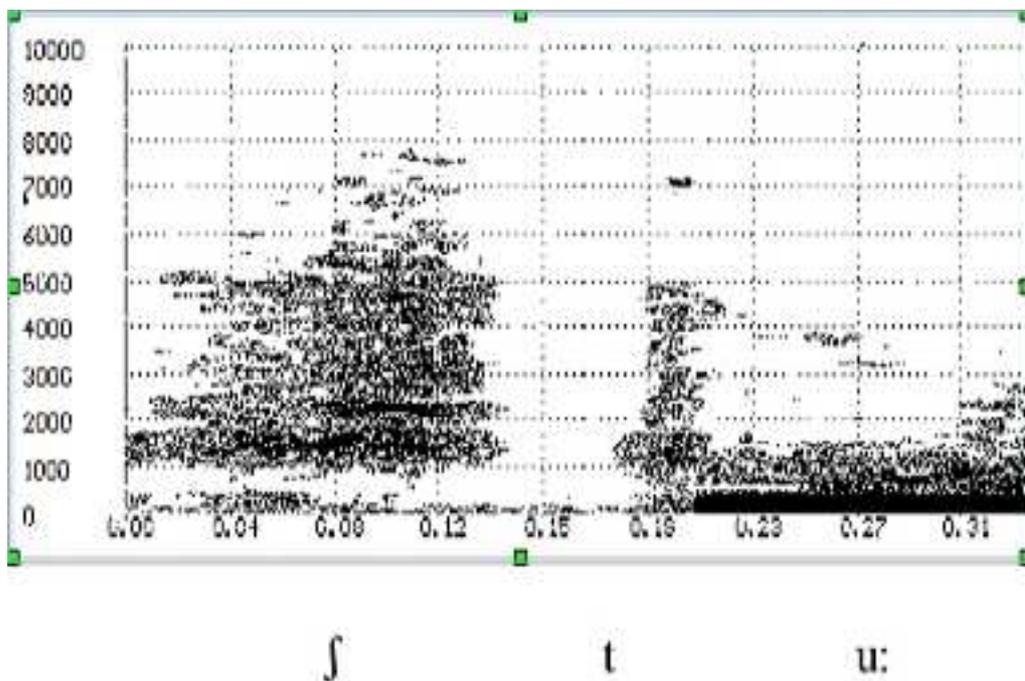

Рисунок 2а. Реализация слога [stu:]
из слова *Studiengang* в речи диктора М: рема

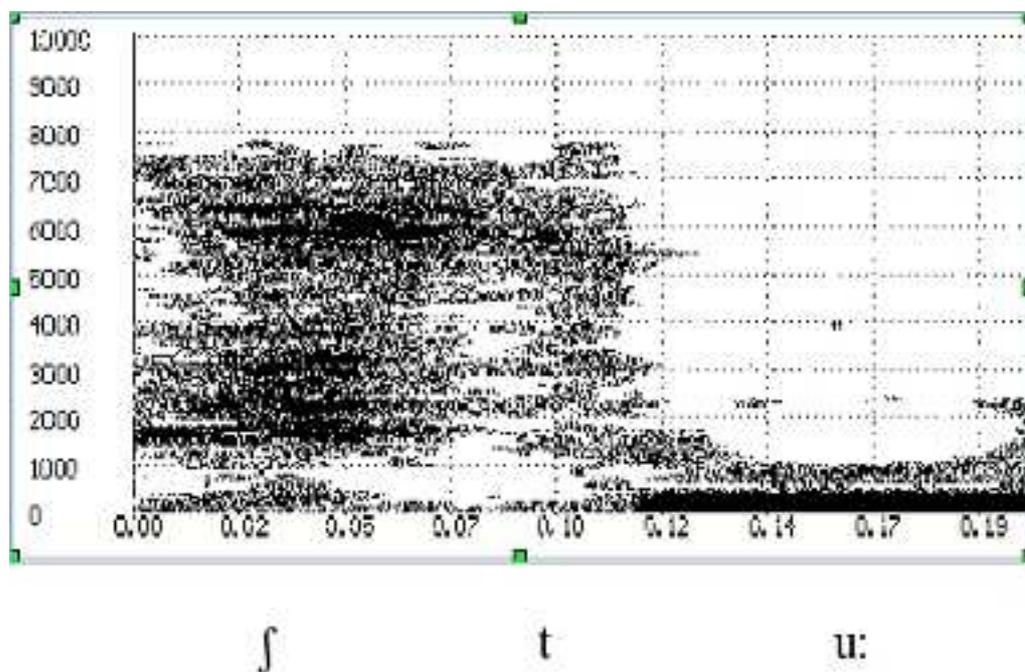
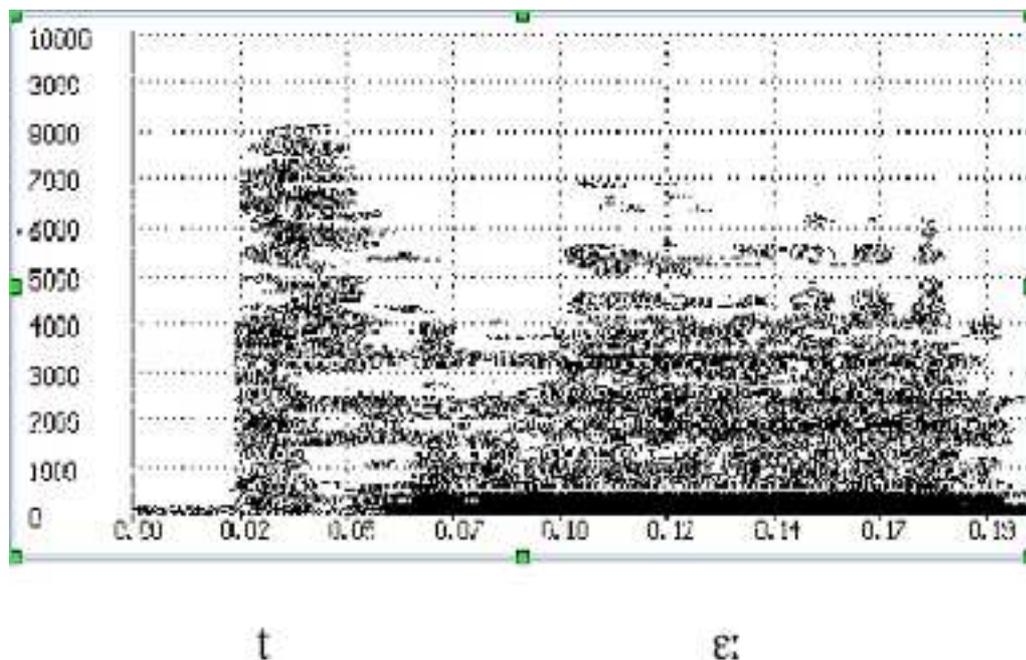
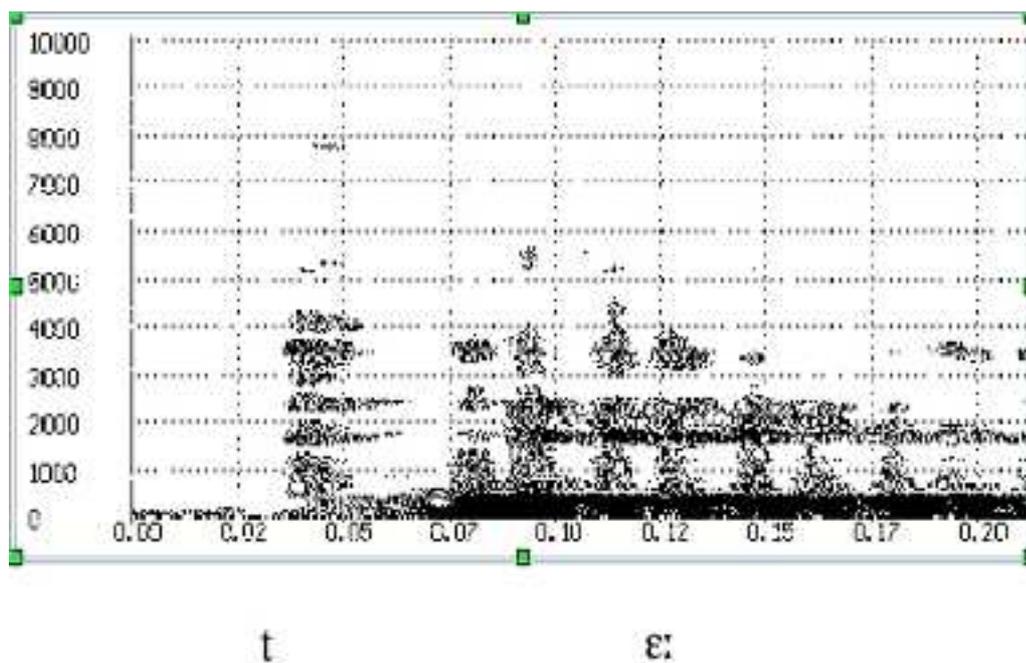

Рисунок 2б. Реализация слога [stu:]
из слова *Studiengänge* в речи диктора М: тема

Р и с у н о к 3а. Реализация слога [tɛ:]
из слова *tätig* в речи диктора L: рема

Р и с у н о к 3б. Реализация слога [tɛ:]
из слова *tätig* в речи диктора L: тема

Для проверки выдвинутой гипотезы изучались акустические параметры гласных в словах, расположенных на участках ремы и темы. При помощи программы акустической обработки речевого сигнала PRAAT производилась сегментация анализируемых слов, в ходе которой были вырезаны исследуемые гласные в минимальном фонетическом контексте, не позволяющем опознать слово в целом.

Отсегментированный звуковой материал предъявлялся для прослушивания группе носителей немецкого языка с целью опознания гласного, реализованного в словах различной информативной нагруженности. Перед испытуемыми ставилась задача прослушать троекратно предъявляемые стимулы и зафиксировать услышанные звуки в анкете. Общее количество предъявленных испытуемым стимулов составило 110, из них 58 стимулов, отсегментированных с участков ремы, и 52 стимула – с участков темы. При обработке результатов эксперимента учитывалось только восприятие гласного без учёта данных о восприятии контекста.

Рассмотрим некоторые результаты проведённого исследования на примере анализа гласных переднего ряда /e:/, /ɛ:/ и /ɛ/. Выбор этих гласных обусловлен их относительно высокой частотностью в речи, в частности краткого /ɛ/, который, согласно данным Г. Майнхольда и Э. Штока, занимает 4 ранг в таблице частотности немецких гласных в речи [Meinhold, Stock, 1983, с. 99]. Имеются также основания исторического плана для анализа этих гласных. Известно, что, начиная с позднего средневековья, в немецких диалектах наблюдалась большая пестрота в употреблении гласных типа “e” [Зиндер, 1965, с. 110; 1997, с. 109]. Однако к XVIII веку в реальной норме литературного языка уже отмечалось единообразное произнесение краткого гласного как открытого, в связи с чем при кодификации вопрос решался в пользу открытого /ɛ/. Что касается долгого гласного, то к моменту кодификации сохранялось противопоставление открытого и закрытого долгих гласных, причём в произношении одного и того же слова в одной части Германии употреблялся закрытый /e:/, а в другой – открытый /ɛ:/; в некоторых регионах противопоставление двух “e” было совсем утрачено. Тем не менее, кодификаторы включили в норму оба варианта долгого гласного, рекомендуя опираться на орфографию и произносить закрытый /e:/ там, где пишется буква e, а открытый /ɛ:/ – там, где пишется буква ä [Зиндер, 1997, с. 112].

Каковы особенности реализации разных e в современном немецком языке – вопрос, требующий специального глубокого анализа. Противопоставление в системе немецкого вокализма краткой фонеме /ɛ/ двух долгих – узкой напряжённой /e:/ и широкой ненапряжённой /ɛ:/ – является предметом дискуссии среди современных исследователей, так как в функциональном отношении фонемы /e:/ и /ɛ:/ тождественны [Стериополо, 1995, с. 10]. В реальном произношении, в частности в нижненемецком языковом ареале на севере Германии, эти фонемы совершенно не различаются как самостоятельные единицы [Werner, 1972, с. 78]. В рамках нашего исследования мы лишь представим некоторые собственные наблюдения, полученные в ходе акустического и перцептивного анализа гласных /ɛ/, /e:/ и /ɛ:/, занимающих разные позиции в информационной структуре высказывания.

Прежде чем перейти к интерпретации полученных данных, необходимо указать на трудности, возникшие при обработке результатов перцептивного эксперимента. Эти трудности связаны с тем, что аудиторы часто отражали на письме услышанное при помощи орфографической, а не транскрипционной графики. Практически отсутствовали значки долготы гласных. Это обстоятельство, к сожалению, не позволяет добиться необходимой и желаемой глубины интерпретации. Тем не менее, наши наблюдения и анализ полученных данных дают возможность представить в процентном выражении результаты

реализации гласных по признаку «открытый-закрытый» (в графике – ε, ä – е), а также определить в ответах аудиторов общее количество обозначений услышанного как е-образных реализаций.

Рассмотрим полученные результаты более подробно. В силу высокой частотности в речи наиболее репрезентативны данные о восприятии краткого открытого гласного /ε/. Надёжность результатов обеспечивается ещё и тем, что в обозначении гласного нет дополнительных значков, как в случае долгого гласного /ε:/, что существенно облегчает задачу испытуемым. Итак, на участках низкой информативной нагруженности краткий открытый /ε/ был правильно опознан в 29% ответов, как е-образный звук – в 55% ответов. На участке ремы правильные ответы составили 25%, восприятие гласного как е-образного зафиксировано в 75% ответах аудиторов. 100-процентное опознание краткого открытого /ε/ зафиксировано лишь в одном случае, в стимуле из слова endlich.

Что касается восприятия долгих гласных, полученные значения распределились следующим образом. Долгий закрытый /ε:/ на участках ремы опознан правильно не был ни разу. Однако литерой «е» как закрытый гласный он был обозначен в 42% ответов, а как е-образный (графически как «е», «ε», «ä») – в 83% ответов. На малоинформативных участках /ε:/ опознан как закрытый в 75% ответов, столько же составили ответы о восприятии звука как е-образного.

Долгий широкий /ε:/, частотность которого в речи крайне мала (по данным Г. Майнхольда и Е. Штока она составляет всего 0,73 % от употребления всех гласных в речи [Meinhold, Stock, 1982, с. 99]), встретился на участке ремы в нашем материале лишь один раз и был опознан всеми аудиторами как открытый /ε/, причём в одном случае гласный опознан правильно как долгий /ε:/. Отсегментированный с участков темы открытый долгий /ε:/ был воспринят как е-образный гласный в 17% ответов, из которых 8,5% приходится на ε-образный и 8,5% – на е-образный.

В ниже приведённых таблицах и на рисунках отражены на примере ряда слов перцептивные и акустические характеристики рассматриваемых гласных.

Т а б л и ц а 1. Перцептивные и акустические характеристики гласного /ε:/ из слова *auswählen* (рема – 1,0)

Опознание гласного /ε:/ как... (%)		Акустические характеристики			
ε:	ε	t (мс)	F1 (Гц)	F2 (Гц)	I ср. (дБ)
25	75	205	653	2385	74

Примечание к таблицам 1–8: t (мс) – время звучания в миллисекундах; F1 (Гц) – первая форманта в герцах; F2 – вторая форманта; I ср. (дБ) – средняя интенсивность в децибелах.

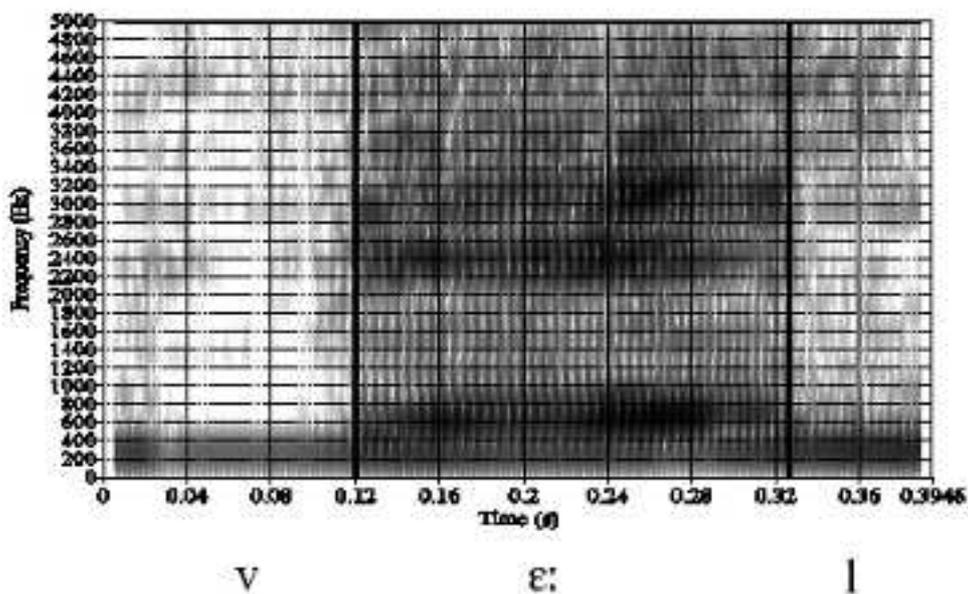

Рисунок 4. Спектрограмма стимула [ve:l]
из слова *auswählen* (рема – 1,0)

Таблица 2. Перцептивные и акустические характеристики гласного /e:/
из слова *mehr* (рема – 1,0)

Опознание гласного /e:/ как... (%)			Акустические характеристики			
е	ɛ	а	t (мс)	F1 (Гц)	F2 (Гц)	I _{ср.} (дБ)
50	25	25	107	332	2383	74

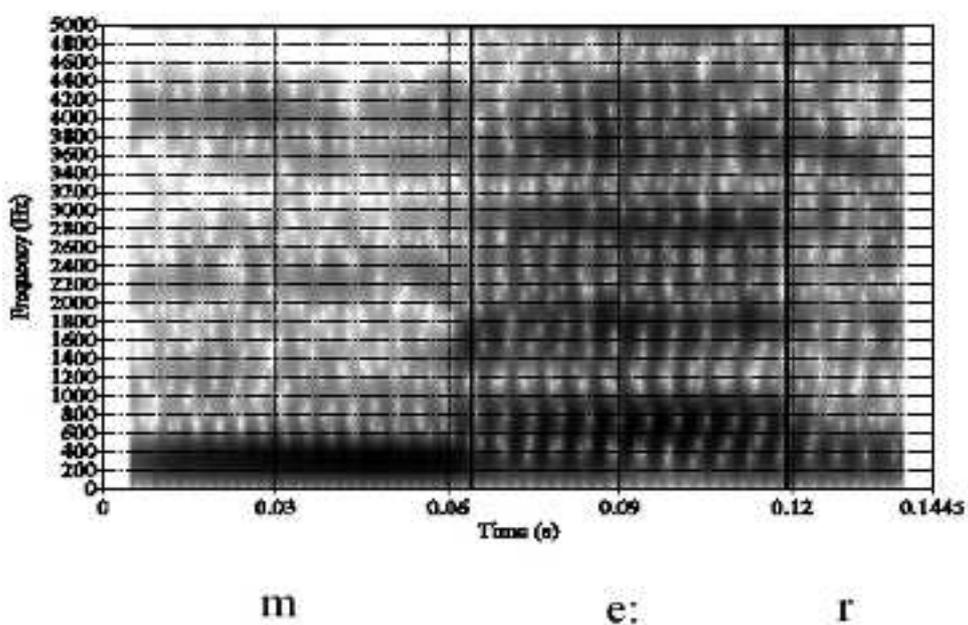
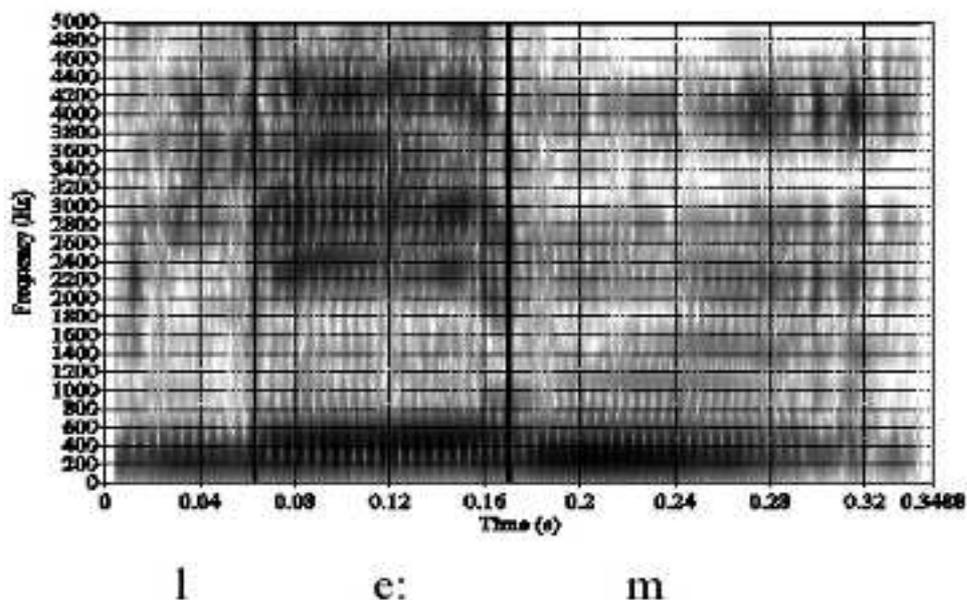

Рисунок 5. Спектрограмма слова *mehr* (рема – 1,0)

Т а б л и ц а 3. Перцептивные и акустические характеристики гласного /e:/ из слова *Problem* (рема – 0,6)

Опознание гласного /e:/ как... (%)			Акустические характеристики			
е	ε	і	t (мс)	F1 (Гц)	F2 (Гц)	I _{ср.} (дБ)
25	50	25	83	384	2347	74

Р и с у н о к 6. Спектрограмма стимула [le:m] из слова *Problem* (рема – 0,6)

Т а б л и ц а 4. Перцептивные и акустические характеристики гласного /e:/ из слова *Lehre* (тема)

Опознание гласного /e:/ как... (%)			Акустические характеристики			
е:	е	і	t (мс)	F1 (Гц)	F2 (Гц)	J _{ср.} (дБ)
25	50	25	83	381	2370	72

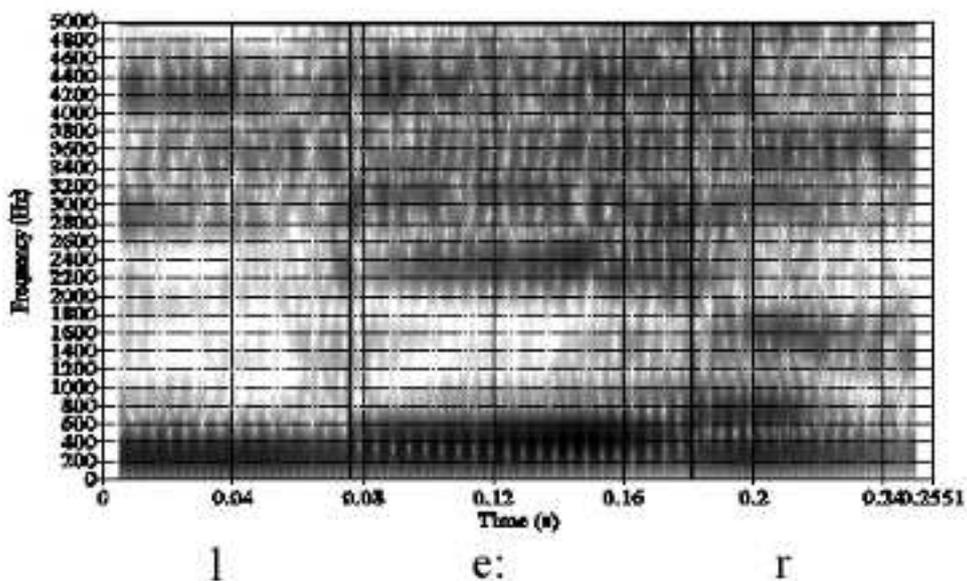

Рисунок 7. Спектрограмма стимула [le:r] из слова *Lehre* (тема)

Таблица 5. Перцептивные и акустические характеристики гласного /e:/ из слова *sehr* (рема – 0,9)

Опознание гласного /e:/ как... (%)		Акустические характеристики			
e:	ε	t (мс)	F1 (Гц)	F2 (Гц)	I _{ср.} (дБ)
25	75	115	475	2 073	73

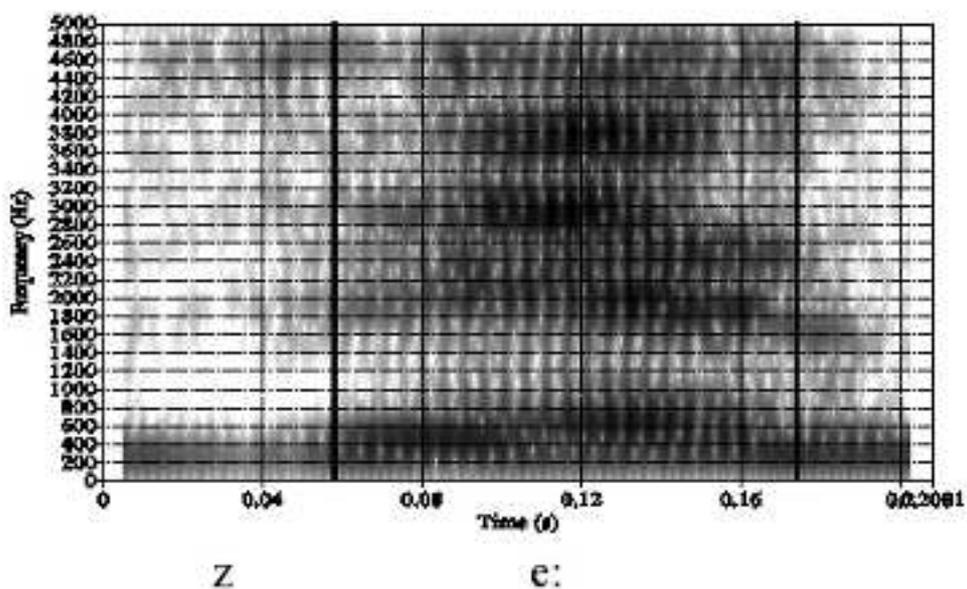
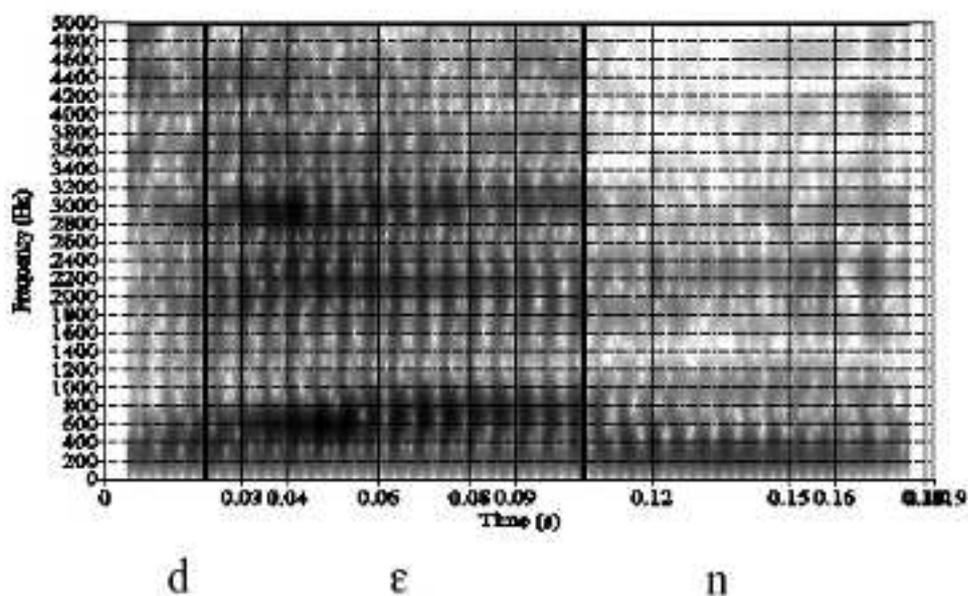

Рисунок 8. Спектрограмма стимула [ze:]
из слова *sehr* (рема – 0,9)

Т а б л и ц а 6. Перцептивные и акустические характеристики гласного /ε/ из слова *Studenten* (рема – 0,7)

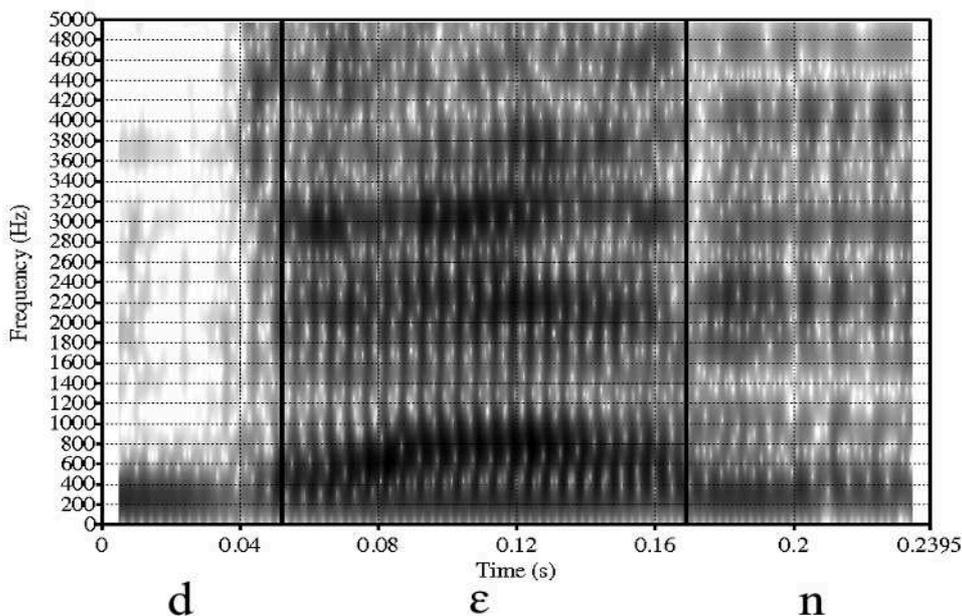
Опознавание гласного /ε/ как... (%)		Акустические характеристики			
ε	е	t (мс)	F1 (Гц)	F2 (Гц)	J ср. (дБ)
25	75	82	667	2123	73

Р и с у н о к 9. Спектрограмма стимула [den] из слова *Studenten* (рема – 0,7)

Т а б л и ц а 7. Перцептивные и акустические характеристики гласного /ε/ из слова *Studentenzahlen* (рема – 0,6)

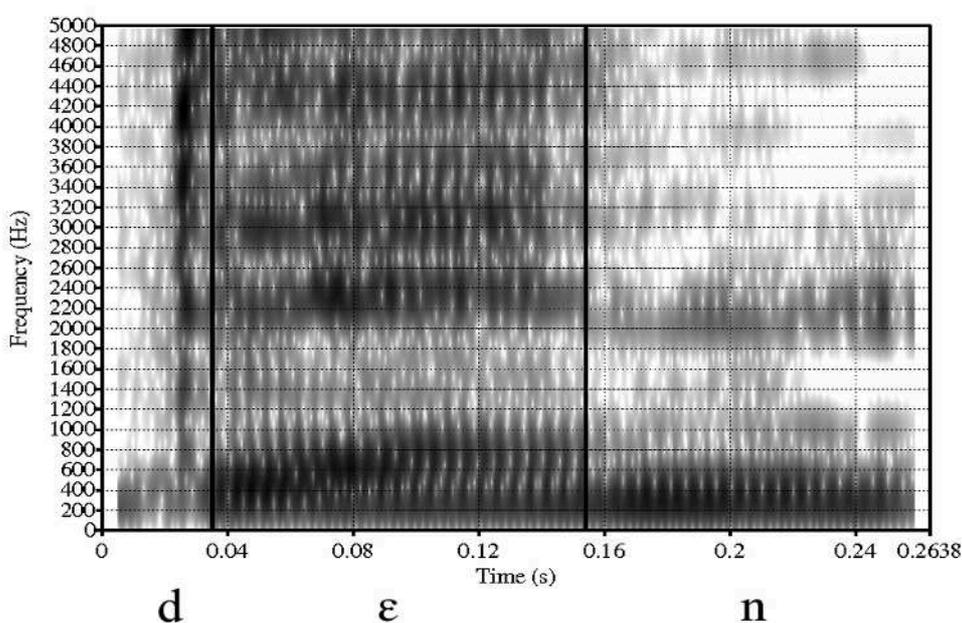
Опознавание гласного /ε/ как... (%)				Акустические характеристики			
ε:	е	и	а	t (мс)	F1 (Гц)	F2 (Гц)	I ср. (дБ)
25	25	25	25	114	750	1700	74

Р и с у н о к 10. Спектрограмма стимула [den]
из слова *Studentenzahlen* (рема – 0,6)

Т а б л и ц а 8. Перцептивные и акустические характеристики
гласного /ε/ из слова *Studenten* (тема)

Опознание гласного /ε/ как... (%)		Акустические характеристики			
ε	е	t (мс)	F1 (Гц)	F2 (Гц)	I _{ср.} (дБ)
75	25	90	308	2135	69

Р и с у н о к 11. Спектрограмма стимула [den]
из слова *Studenten* (тема)

Анализ спектральных характеристик свидетельствует об увеличении средних значений параметров длительности и интенсивности гласных на участках ремы по сравнению с малоинформативными участками. В ряде случаев длительность гласного значительно превосходит средние значения вследствие замедления темпа, как, например, при реализации слова *auswählen* с индексом 1,0 в ИКД (табл. 1, рис. 4).

Что касается формантных значений, под влиянием коартикуляции, комбинаторных и позиционных различий в употреблении анализируемых гласных значения формант широко варьируют и существенно отличаются от формант основных аллофонов. По данным Л. Р. Зиндера значения F1 и F2 основных аллофонов /e:/ и /ε: ε/ составляют 380 Гц и 2100 Гц, 500 Гц и 1900 Гц соответственно [Зиндер, 1997, с. 130–131].

Однако существует мнение о том, что инвариантными признаками гласного являются не частоты F1 и F2, а отношение между ними [Бондарко, 1981, с. 67]. Анализ гласных по этому параметру в приведённых выше примерах (табл. 1–8) не оставляет сомнений в том, что все реализованные гласные являются гласными переднего ряда и опознаны большинством аудиторов как таковые.

Реализация дифференциального признака подъёма гласного отличается значительным разнообразием. Узкий долгий /e:/ по своим характеристикам в нашем эксперименте приближается к гласному высокого подъёма /i/, причём в ряде случаев акустические значения коррелируют с перцептивными оценками гласного. Имеет место и противоречие между акустическими и перцептивными характеристиками. Так, в слове *auswählen* с орфоэпическим [ε:] отношение между формантами гласного совпадает с аналогичными характеристиками закрытого [e:]. По оценкам испытуемых, тем не менее, в данном слове реализован открытый [ε].

Из всех наблюдений в наибольшей степени приближается к основному аллофону по параметру отношения между формантами открытый гласный /ε/ из слова *Studenten* с индексом 0,7 в ИКД. В наименьшей степени – этот же гласный из слова *Studentenzahlen* с индексом 0,6.

Оценка перцептивных характеристик гласного не представляется простой и однозначной. Если при фиксировании услышанного аудиторы опираются на орфографию, то определить, о какой фонеме – открытой или закрытой, долгой или краткой – идёт речь в ответах аудиторов, во многих случаях не представляется возможным, поскольку графически на письме открытый гласный передаётся разными способами, в том числе буквой «е» (как в *Studenten*). В транскрипции этим значком, как известно, обозначается закрытый долгий гласный.

Таким образом, перед исследователем с неизбежностью возникает проблема отбора аудиторов. Наилучшим выходом, безусловно, является привлечение к эксперименту носителей языка – специалистов в области фонетики. Другой путь связан с изменением организации перцептивного эксперимента. Во-первых, необходимо сузить границы предмета исследования и ограничиться лишь предъявлением стимулов только с е-образными гласными. (В нашем случае испытуемым предъявлялись стимулы с разными гласными.) Задача перед аудиторами может быть поставлена следующим образом: прослушайте стимул и определите, на какой звук он похож: узкий

(закрытый) долгий гласный /e:/ (как, например, в слове...), или широкий (открытый) долгий гласный /ɛ:/ (как в слове...), или широкий (открытый) краткий гласный /ɛ/ (как в слове...), или какой-либо другой звук. Поставив испытуемого в ситуацию выбора, мы, безусловно, усложним ему задачу, но в итоге получим более надёжные результаты.

3. Заключение

Проведённый экспериментально-фонетический анализ немецкого вокализма на примере реализации гласных /e:/, /ɛ:/, /ɛ/ с целью проверки гипотезы о зависимости сегментных единиц от их положения в информационной структуре высказывания свидетельствует о том, что характеристики гласных в целом могут служить своего рода звуковыми индикаторами информативно нагруженных участков высказывания. На этих участках аллофоны гласных, как правило, характеризуются полнотой выражения акустико-артикуляторных характеристик, обеспечивающих восприятие гласного без привлечения широкого контекста.

Вместе с тем, для получения более надёжных и репрезентативных данных необходимо значительно расширить экспериментальную базу исследования, включив в неё слова одинакового фонетического и лексико-грамматического состава, расположенные на участках различной информативной нагруженности.

Изучение немецких гласных /e:/, /ɛ:/, /ɛ/ само по себе представляет интересную исследовательскую задачу, поскольку фонологический статус двух долгих фонем в системе немецкого вокализма до сих пор вызывает дискуссии и споры. Несомненный интерес представляет частотность употребления узкого (закрытого) и открытого (широкого) долгих гласных в различных дискурсивных артикуляционных практиках носителей немецкого языка. Кодификаторы немецкой произносительной нормы ещё в середине 70-х гг. прошлого века отмечали, что большинство дикторов радио и телевидения произносят долгое узкое e: на месте широкого ɛ: [Duden, 1974]. Исследование частотности позволило бы сделать вывод о том, насколько сильна тенденция к гармонизации в системе немецкого вокализма, где семи кратким фонемам противопоставлено восемь долгих фонем.

Следует отметить, что орфографический принцип, положенный немецкими кодификаторами в основу прескрипций, касающихся произношения узкого и широкого [e:] и [ɛ:], существенно осложняет задачу обработки результатов восприятия этих гласных, в связи с чем к организации перцептивного эксперимента необходимо применять специальные подходы. О некоторых из них шла речь выше. Наши наблюдения подтверждают справедливость высказывания Л. В. Бондарко о том, что, несмотря на то, что устная форма речи является основной формой существования языка, не учитывать влияния письменной формы нельзя [Бондарко, 1981, с.190].

Список литературы

1. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики [Текст] / А. В. Бондарко. – СПб : СПбГУ, 1999. – 260 с.
2. Бондарко, Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи [Текст] / Л. В. Бондарко. – СПб : СПбГУ, 1981. – 199 с.

3. Гусева, С. И. Коммуникативная перспектива и реализация сегментных единиц [Текст] / С. И. Гусева. – Благовещенск: АмГУ, 1998. – 153 с.
4. Гусева, С. И. О способах фонетического анализа различных типов дискурса [Текст] / С. И. Гусева, Н. В. Богданова, А. В. Венцов, Л. А. Вербицкая и др. // Человек говорящий: исследования XXI века / Под ред. Л. А. Вербицкой, Н. К. Ивановой. – Иваново, 2012. – С. 108–116.
5. Гусева, С. И. Восприятие спонтанной речи: информационный подход [Текст] / С. И. Гусева // Филологические науки. – 2014. – № 3. – С. 11–21.
6. Зиндер, Л. Р. Историческая фонетика немецкого языка [Текст] / Л. Р. Зиндер. – Москва-Ленинград: Просвещение, 1965. – 192 с.
7. Зиндер, Л. Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка [Текст] / Л. Р. Зиндер. – СПб : СПбГУ, 1997. – 184 с.
8. Койт, М. Диалог с компьютером на естественном языке [Текст] / М. Койт, Х. Ыйм // Прагматический аспект исследования языка. Тр. по рус. и слав. филологии. Лингвистика. Новая серия. II. Тарту, 1999. – С. 58–67.
9. Никитин, М. В. Знак, значение, язык [Текст] / М. В. Никитин. – СПб : РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 226 с.
10. Попова, Т. И. Интервью в коммуникативно-прагматическом аспекте [Текст] / Т. И. Попова. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 220 с.
11. Светозарова, Н. Д. Интонация в художественном тексте [Текст] / Н. Д. Светозарова. – СПб : СПбГУ, 2000. – 180 с.
12. Скредин, П. А. Сегментация и транскрипция [Текст] / П. А. Скредин. – СПб : СПбГУ, 1999. – 108 с.
13. Стериополо, Е. И. Система гласных и ее реализация [Текст]: Автореф. дис. ... докт. филол. наук 10.02.19 / Е. И. Стериополо. – СПб, 1995. – 36 с.
14. Стили произношения и типы произнесения [Текст] / В. Б. Касевич, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая и др. // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 64–70.
15. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – Л., 1974. – 428 с.
16. Duden. Aussprachewörterbuch. Band 6. Verlag: Bibliographisches Institut [Text] / Duden. – Dudenverlag, 1974. – 827 S.
17. Meinhold, G., Stock, E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. [Text] / G. Meinhold, E. Stock. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 256 S.
18. Werner, O. Phonemik des Deutschen [Text] / O. Werner. – Stuttgart: Metzler, 1972. – 348 S.

References

1. Bondarko, A. V. Osnovy funkcional'noj grammatiki [Tekst] / A. V. Bondarko. – SPb : SPbGU, 1999. – 260 s.
2. Bondarko, L. V. Foneticheskoe opisanie jazyka i fonologicheskoe opisanie rechi [Tekst] / L. V. Bondarko. – SPb : SPbGU, 1981. – 199 s.
3. Guseva, S. I. Kommunikativnaja perspektiva i realizacija segmentnyh edinic [Tekst] / S. I. Guseva. – Blagoveshhensk: AmGU, 1998. – 153 s.
4. Guseva, S. I. O sposobah foneticheskogo analiza razlichnyh tipov diskursa [Tekst] / S. I. Guseva, N. V. Bogdanova, A. V. Vencov, L. A. Verbickaja i dr. // Chelovek govornjashhij: issledovanija XXI veka / Pod red. L. A. Verbickoj, N. K. Ivanovoj. – Ivanovo, 2012. – S. 108–116.

5. Guseva, S. I. Vosprijatie spontannoj rechi: informacionnyj podhod [Tekst] / C. I. Guseva // Filologicheskie nauki. – 2014. – № 3. – S. 11–21.
6. Zinder, L. R. Istoricheskaja fonetika nemeckogo jazyka [Tekst] / L. R. Zinder. – Moskva-Leningrad: Prosveshhenie, 1965. – 192 s.
7. Zinder, L. R. Teoreticheskij kurs fonetiki sovremennogo nemeckogo jazyka [Tekst] / L. R. Zinder. – SPb : SPbGU, 1997. – 184 s.
8. Kojt, M. Dialog s komp'juterom na estestvennom jazyke [Tekst] / M. Kojt, H. Yjm // Pragmaticeskij aspekt issledovanija jazyka. Tr. po rus. i slav. filologii. Lingvistika. Novaja serija. II. Tartu, 1999. – S. 58–67.
9. Nikitin, M. V. Znak, znachenie, jazyk [Tekst] / M. V. Nikitin. – SPb : RGPU im. A. I. Gercena, 2001. – 226 s.
10. Popova, T. I. Interv'ju v kommunikativno-pragmaticeskom aspekte [Tekst] / T. I. Popova. – SPb.: SPbGU, 2002. – 220 s.
11. Svetozarova, N. D. Intonacija v hudozhestvennom tekste [Tekst] / N. D. Svetozarova. – SPb : SPbGU, 2000. – 180 s.
12. Skrelin, P. A. Segmentacija i transkripcija [Tekst] / P. A. Skrelin. – SPb : SPbGU, 1999. – 108 s.
13. Steriopolo, E. I. Sistema glasnyh i ee realizacija [Tekst]: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk 10.02.19 / E. I. Steriopolo. – SPb, 1995. – 36 s.
14. Stili proiznoshenija i tipy proiznesenija [Tekst] / V. B. Kasevich, L.V. Bondarko, L. A. Verbickaja i dr. // Voprosy jazykoznanija. –1974. – № 2. – S. 64–70.
15. Shherba, L. V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' [Tekst] / L. V. Shherba. –L., 1974. – 428 s.
16. Duden. Aussprachewörterbuch. Band 6. Verlag: Bibliographisches Institut. [Text] / Duden. – Dudenverlag, 1974. – 827 S.
17. Meinhold, G., Stock, E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. [Text] / G. Meinhold, E. Stock. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 256 S.
18. Werner, O. Phonemik des Deutschen. [Text] / O. Werner. – Stuttgart: Metzler, 1972. – 348 S.

УДК 81'34:81'42:811.11
UDC 81'34:81'42:811.11

*Деркач Светлана Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет*

*Шуйская Татьяна Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет*

*Svetlana V. Derkach,
PhD, associate professor
Department of Foreign Languages
Amur State University*

*Tatiana V. Shuiskaya,
PhD, associate professor
Department of Foreign Languages
Amur State University*

ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ДОЛГОТЫ ГЛАСНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

PHONEMIC STATUS OF VOWEL LENGTH IN ENGLISH

Аннотация

В статье представлены разные точки зрения на долготу гласных в различных вариантах английского языка. Приводятся данные акустического анализа относительно реализации долготы гласных /i/–/ɪ/ и /u/–/ʊ/ на разных участках высказывания. Результаты позволяют констатировать стабильное увеличение длительности перед звонким согласным и её сокращение перед глухим. Контраст оказывается более заметным на участках с ядерным тоном, особенно сложным, и при хезитационном удлинении сегментов.

Abstract

The article presents different views on vowel length in different accents of English. The results of the acoustic study of /i/–/ɪ/ and /u/–/ʊ/ duration in different parts of the utterance are described. The results enable to confirm steady increase of vowel duration before a voiced consonant compared to a voiceless one. The contrast turns out more noticeable within the parts with the nuclear tone, especially the complex one, and with hesitation lengthening of the segments.

Ключевые слова: гласные, длительность, монофтонги, дифтонги, долгий/короткий.

Keywords: vowels, duration, monophthongs, diphthongs, long/short.

Все описания вокалической системы английского языка включают деление гласных на две группы, которые, в зависимости от подхода исследователя, определяются как исторически долгие – исторически краткие (фонологически долгие – фонологически краткие) [Jones, 1956; O'Connor, 1973; Lewis, 1990;], свободные – усечённые [Либерман, 1972; Harris, 1994; Ladefoged, 1975], напряжённые – ненапряжённые [Peterson, Lehiste, 1960; Linguistics..., 1995]. Как отмечают сами исследователи, эти термины представляются весьма условными и часто не отражают реальные фонетические свойства гласного.

Известно, что длительность в противопоставлении английских гласных не используется [Pilch, 1955; Bernard, 1967]. Сокращение длительности фонологически долгих монофтонгов не ведёт к реализации фонологически кратких и наоборот, увеличение длительности фонологически кратких не приводит к реализации фонологически долгих. Об этом, в частности, свидетельствуют экспериментальные данные, полученные в результате анализа перцептивных характеристик исторически долгих и исторически кратких монофтонгов с участием носителей английского языка [Кукольщикова, 1981].

Однако, проблема фонологического статуса долготы в вокалической системе долгое время находилась в центре внимания фонетистов. Несмотря на некоторое количество работ, посвящённых этой проблеме, можно с известной степенью уверенности констатировать, что среди специалистов отсутствует единое мнение относительно статуса долготы гласных в разных вариантах английского языка.

Ряд исследователей считает, что американские гласные в отличие от британских не различаются по признаку «долгий/краткий», иными словами, не делятся на системно долгие и краткие гласные, поскольку все американские гласные – долгие [Jones, 1956, p. 356]. Именно поэтому автор употребляет термин «исторически» долгие или «исторически» краткие. По мнению Г. Пильха [Pilch, 1955], одно из основных различий в системах вокализма британского и американского вариантов английского языка состоит в том, что для британского варианта характерно комплексное противопоставление гласных по качественно-количественным признакам, в то время как в американском варианте основным различительным признаком является «дифтонгиальность/ монофтонгиальность»; долгота рассматривается как дефонемизированный признак американских гласных. Л. Е. Кукольщикова утверждает, что главным аргументом против рассмотрения длительности в качестве различительного признака является признаваемый всеми факт её позиционного варьирования, при этом в односложном слове для долгих гласных устанавливается, как правило, две степени, а для кратких – три степени долготы [Кукольщикова, 1981, с. 99].

Другая группа исследователей, также отрицая противопоставленность американских гласных по долготе, полагает главным отличием признак напряженности, утверждая при этом, что долгие гласные одновременно являются напряжёнными (*tense*), а краткие – всегда ненапряжённые (*lax*). При нейтрализации долготы в парах типа *beat* – *bid* признак напряжённости остаётся и способствует различению гласных [Peterson, Lehiste, 1960].

Существует точка зрения, что напряжённые гласные реализуются обычно под ударением, и они являются и более долгими, и более громкими. Без-

ударные гласные вероятнее всего ненапряжённые [Language Files, 1998, p. 58]. Но это означает, что признак напряжённости/ненапряжённости зависит от такого просодического параметра, как ударение, а значит, такое противопоставление есть не на уровне системы, а на уровне реализации. Есть и другая точка зрения о том, что напряжённые гласные произносятся с большим мускульным напряжением, которое выражено в том, что они несколько короче, чем ненапряжённые [Linguistics..., 1995, p. 73–74].

Третья группа исследователей придерживается мнения, что американские гласные, как и британские, различаются по оппозиции «долгий vs краткий». Вместе с тем, оппозиция между долгими и краткими гласными фонемами основана на комплексе количественного и качественного признаков, причём качество, по мнению ряда лингвистов, имеет больший контрастивный вес [Lewis, 1990 ; O'Connor, 1973].

Следует, однако, указать на ненадёжность этих экспериментальных данных, поскольку они были получены в совершенно разных условиях на неоднородном речевом материале: слоги, отдельные слова и, в лучшем случае, отдельные фразы [Шахбагова, 1985]. Что касается исследования признака долготы в связном тексте, тем более в спонтанном высказывании, таковых данных практически не представлено.

Кроме того, в фонетической литературе можно встретить точку зрения, согласно которой гласные противопоставлены по длительности. Так, мнению ряда зарубежных исследователей, в австралийском английском длительность является дифференциальным признаком некоторых гласных. К таким гласным относятся пары: /ɑ/ и /ʌ/, а также /i/ и /ɪ/ [Harrington et al., 1997 ; Clark, Yallop, 1999, p. 454 ; Fletcher et al., 1994, p. 656–661]. Важно отметить, что роль длительности в различении остальных монофтонгов остаётся неясной. Вместе с тем, авторы не приводят описание самого эксперимента, в ходе которого они пришли к подобным выводам. На наш взгляд, определение длительности, как различительного признака австралийских гласных /ɑ/ и /ʌ/, /i/ и /ɪ/, должно основываться на результатах специального фонологического анализа. При противопоставлении фонем будут выявлены те дифференциальные признаки, которые различают эти фонемы в AuE.

Между тем, вышесказанное не отрицает важности долготы гласного – интегрального признака. При исследовании восприятия долгих и кратких гласных на уровне изолированно произнесённых односложных слов на материале американского варианта английского языка выяснилось, что долгота гласного не столько отражается на восприятии самого гласного, сколько на восприятии последующего согласного. Указывалось, что эта особенность является общей для обоих вариантов. Например, при кратком гласном последующий согласный воспринимался как глухой, а при долгом гласном – как звонкий [Кукольщикова, 1981, с. 93]. То есть при ослабленной артикуляции конечного согласного долгота гласного становилась единственным средством различения парных глухих и звонких согласных. Сами же гласные отличаются, прежде всего, по качеству, а не по количественным показателям. На это обращают особое внимание авторы коллективной монографии «Фонетика спонтанной речи» [Фонетика..., 1988].

Был сделан вывод о том, что наибольшей долготой гласные обладают перед сонантом, а наименьшей – перед глухим согласным [Фонетика..., 1988]. Существует иная точка зрения [Шахбагова, 1985, с. 37], согласно которой

длительность гласного перед сонантом равна длительности гласного перед глухим или даже меньше её, что связано с тем, что сонант энергичнее глухого и требует большей длительности при произнесении. Между тем, не ясно, были ли просодические условия сравниваемых гласных одинаковы. Эти данные нуждаются в тщательной проверке.

Зависимость долготы гласного от качества последующего согласного чётко прослеживается в минимальных парах. Мнение о том, что любой системно долгий даже при «неблагоприятных» условиях реализации признака долготы будет превосходить системно краткий при «благоприятных» условиях представляется довольно спорным.

Длительность гласных находится в тесной взаимосвязи с просодическими характеристиками английского языка, такими как темп произнесения, место постановки логического, синтаксического и фразового ударения [Касевич, 1974 ; Erickson, 2000, с. 2174]. Гласные короче в безударных слогах и длиннее в ударных [Lewis, 1990 ; Erickson, 2000]. Как известно, полем для реализации просодических средств являются сегментные единицы, а степень просодической выделенности сегмента зависит от информативной нагруженности участков высказывания. На рематических участках, которые характеризуются большей степенью просодической маркированности, длительность гласных, как правило, больше, чем длительность соответствующих гласных на тематических участках. Это подтверждается результатами исследований, проведённых на материале русской, немецкой и английской спонтанной речи [Касаткина, 2005, с. 29 ; Гусева, 1998 ; Морозова, 2004, с. 158 ; Шуйская, 2013, с. 106].

Имеются также данные о прямой зависимости долготы гласного от степени его открытости: чем более открыт гласный, тем он длиннее [Шахбагова, 1985, с. 37 ; Language Files, 1998, с. 56]. По мнению Д. А. Шахбаговой, это справедливо, по крайней мере, для ударных слогов в связном тексте. Так, самые открытые гласные /æ/, /ɑ/ и /ɔ/ являются самыми долгими.

Интересно сравнить также долготу монофтонгов и дифтонгов. По мнению Джоунза, дифтонги равны по длине долгим гласным – /i/, /ɑ/, /ɔ/, /u/. Долгие и дифтонги всегда короче в безударных слогах и длиннее в ударных [Jones, 1956, с. 234].

По имеющимся данным, акустический контраст по длительности между дифтонгами и монофтонгами отсутствует (сравнивались долгие монофтонги и дифтонги /ei/, /ai/, /ɔi/, /aʊ/, /əʊ/ в изолированных словах и связном тексте) [Миронова, 1985, с. 2]. Произведены вычисления средней длительности дифтонгов в зависимости от положения во фразе в потоке речи:

- 1) в изолированном слове как предложении – 375–340 мс;
- 2) в слове под логическим ударением в конце предложения, синтагмы – 300–240 мс;
- 3) в первом ударном слоге перед логическим ударением, в первом ударном слоге в простом предложении – 225–172 мс;
- 4) во втором ударном слоге перед логическим ударением – 180–157 мс;
- 5) в третьем и четвёртом ударном слоге перед логическим ударением – 135–90 мс;

б) в заударном и преударном слоге, а также в артиклях и служебных словах – 90–60 мс, длительность дифтонгов в заударных и преударных слогах по отношению к длительности дифтонгов в ударном слоге примерно одинакова и составляет пропорцию 2:3 [Демидов, 1983, с. 12].

Хотя служебные слова гораздо чаще попадают в слабую фразовую позицию, они могут находиться в сильной фразовой позиции или подвергаться хезитационному удлинению перед соответствующей паузой, чего не учитывает автор. Было бы полезно получить аналогичные данные и по монофтонгам для осуществления корректного сравнения длительности монофтонгов и дифтонгов.

В спонтанном тексте, предположительно, самыми благоприятными просодическими условиями для реализации всех дифференциальных признаков гласных, в том числе и их долготы, могут быть названы:

- 1) положение в слоге, на который падает ядерный тон;
- 2) положение перед паузой хезитации или между такими паузами, где происходит хезитационное удлинение сегментов.

Осмелимся предположить, что на уровне связного текста, в том числе спонтанного, длительность гласного в американском варианте в основном зависит от просодических характеристик высказывания. Считается, что интонация в АЕ является монотонной [Шахбагова, 1986, с. 23]. Именно монотонность интонации обуславливает дефонологизацию признака долготы гласных [Шахбагова, 1986, с. 24]. Однако не вполне ясно, по каким критериям американская речь была описана как монотонная, и насколько это применимо к спонтанной монологической речи.

При подсчёте длительности гласных принималось во внимание положение гласного перед звонким, глухим и сонорным в сильной фразовой позиции, когда гласный был просодически отмечен ядерным тоном, в слабой фразовой позиции, когда гласный находился под ударением, и сверхслабой, когда гласный не был просодически маркирован и находился на участке с быстрым темпом артикулирования. Для анализа были взяты две пары гласных: /i/–/i/ и /u/–/u/. Выбор обусловлен тем, что, согласно мнению многих исследователей, именно эти гласные являются членами эквиполентной оппозиции по долготе при совпадении ряда и подъёма (но неодинаковой разновидности) [Jones, 1956].

Результаты анализа оказались следующими. В речи D1, носителя американского варианта, среднее значение длительности гласного /i/ составило 118 мс. Длительность этого гласного в слабой фразовой позиции была зафиксирована в пределах 70–90 мс, гласный перед глухим согласным оказался на 38 мс короче, чем перед звонким; в ударной позиции длительность составила 104–142 мс при этом гласный перед глухим согласным оказался на 20 мс короче, чем перед звонким; а в сильной фразовой позиции длительность могла доходить до 169 мс перед сонорным.

Средняя длительность гласного /i/ равнялась 119 мс. Значение длительности гласного на просодически немаркированных участках варьировало от приблизительно 72 мс перед глухими до 76 мс перед звонкими; в ударном положении – от 80 перед глухими до 122 мс перед звонкими; на участке ядерного тона – от 96 до 193 мс, при этом разница длительности гласных перед глухими и звонкими могла доходить до 71 мс. В абсолютном

конце односложного слова перед паузой при хезитационном удлинении было зафиксировано максимальное значение длительности – 217 мс. Гласный /i/ в силу ограниченной дистрибуции в данном положении не встречается.

В речи D2, носителя американского варианта английского языка, среднее значение длительности гласного /i/ составило 95 мс. Длительность этого гласного в слабой фразовой позиции была зафиксирована в пределах 47–60 мс, при этом гласный перед глухим согласным оказался в среднем на 13 мс короче; в ударной позиции – 72–97 мс, гласный перед звонким согласным был на 25 мс длиннее. В сильной фразовой позиции значение достигало 180 мс, разброс значений был зафиксирован от 84 до 180 мс. Максимальная разница длительности гласных перед глухими и звонкими составила 34 мс. Максимальная длительность была отмечена перед сонорными (120–180 мс), при этом отмечалось хезитационное удлинение сегментов.

Средняя длительность гласного /i/ равнялась 97 мс. В слабой фразовой позиции были отмечены значения от 50 до 66 мс, разница в длительности перед глухим и звонким равнялась 16 мс. В ударной позиции среднее значение длительности составило 80 мс, а в сильной фразовой позиции разброс значений составил от 99 до 161 мс. Разница длительности перед глухими и звонкими составила 62 мс.

Среднее значение длительности гласного /i/ в речи D3, носителя американского варианта английского языка, составило 117 мс. Длительность этого гласного в слабой фразовой позиции была зафиксирована в пределах 40–60 мс, при этом гласный перед глухим согласным оказался в среднем на 10 мс короче; в ударной позиции – 66–86 мс, гласный перед звонким согласным был на 20 мс длиннее. В сильной фразовой позиции значение достигало 233 мс перед звонким согласным и 235 мс перед плавным сонорным, при хезитационном удлинении сегментов разброс значений был зафиксирован от 111 до 233 мс. Максимальная разница длительности гласных перед глухими и звонкими равна 122 мс. Столь большая разница объясняется тем, что данный гласный перед звонким согласным подвергся существенному хезитационному удлинению. В среднем разница длительности указанного гласного составила 60 мс.

Средняя длительность гласного /i/ равнялась 113 мс. В слабой фразовой позиции были отмечены значения от 70 до 78 мс, разница в длительности перед глухим и звонким была равна 8 мс. В ударной позиции среднее значение длительности составило 80–84 мс, а в сильной фразовой позиции разброс значений составил от 185 до 200 мс. Разница длительности перед глухими и звонкими составила 15 мс. Очень часто указанный гласный подвергался хезитационному удлинению.

В речи D1 среднее значение длительности гласного /u/ составило 108 мс. Длительность этого гласного в слабой фразовой позиции была зафиксирована в пределах 61–70 мс, гласный перед глухим согласным оказался на 9 мс короче, чем перед звонким; в ударной позиции длительность составила 95 мс перед глухим согласным и 141 мс перед звонким при хезитационном удлинении сегмента. В сильной фразовой позиции длительность доходила до 137 мс перед сонорным, до 154 мс перед глухим согласным при сложном ядерном тоне и перед звонким согласным максимальная длительность гласного равнялась 250 мс.

Средняя длительность гласного /u/ равнялась 130 мс. Значение длительности гласного на просодически немаркированных участках варьировало приблизительно от 60 мс перед глухими до 70 мс перед звонкими; в ударном положении – от 90 мс перед глухими до 105 мс перед звонкими. На участке ядерного тона значение достигало 130 мс перед звонкими согласными, 200 мс – перед глухими при совпадении ядерного тона и логического ударения и замедлении темпа. Интересно отметить, что максимальное значение, отмеченное для этого гласного – 308 мс – было зафиксировано в ударном положении при хезитационном удлинении и отсутствии последующего согласного. За счёт этого произошло существенное увеличение средней длительности гласного по сравнению с /u/, имеющим ограниченную дистрибуцию.

В речи D2 среднее значение длительности гласного /u/ составило 82 мс. Длительность этого гласного в слабой фразовой позиции была зафиксирована в пределах 60–67 мс; при этом перед глухим согласным он оказывался короче в среднем на 7 мс; в ударной позиции длительность составила 64–80 мс, гласный перед звонким согласным был на 16 мс длиннее. В сильной фразовой позиции значение достигало 128 мс перед сонорным, разброс значений был зафиксирован от 108 до 128 мс. Максимальная разница длительности гласных перед глухими и звонкими составила 20 мс.

Средняя длительность гласного /u/ равнялась 104 мс. В слабой фразовой позиции были отмечены значения от 43 до 55 мс, разница в длительности перед глухим и звонким – 12 мс. В ударной позиции среднее значение длительности составило 107 мс перед звонким и 72 перед глухим, а в сильной фразовой позиции разброс значений составил от 108 мс перед глухими до 167 мс перед звонким. Разница длительности перед глухими и звонкими составила 59 мс. Большая средняя длительность по сравнению с /u/ может быть объяснена дифтонгоидным характером /u/ в подавляющем большинстве ударных реализаций гласного.

Среднее значение длительности гласного /u/ в речи D3 составило 93 мс. Длительность этого гласного в слабой фразовой позиции была зафиксирована в пределах 51–68 мс, при этом гласный перед глухим согласным оказался в среднем на 17 мс короче; интересно отметить, что перед сонорным было зафиксировано значение 172 мс при хезитационном удлинении. В ударной позиции отмечены значения 68–80 мс после глухих и звонких согласных соответственно, гласный перед звонким согласным был на 12 мс длиннее. В сильной фразовой позиции значение достигало 106 мс перед звонким согласным и 82 мс перед глухим.

Средняя длительность гласного /u/ равнялась 109 мс. В слабой фразовой позиции были отмечены значения от 55 до 62 мс, разница в длительности перед глухим и звонким – 7 мс. В ударной позиции среднее значение длительности составило 75–89 мс, а в сильной фразовой позиции разброс значений составил от 90 до 128 мс. Разница длительности перед глухими и звонкими составила 38 мс. Очень часто указанный гласный подвергался хезитационному удлинению и значение длительности достигало 268 мс перед звонким согласным.

Пик интенсивности в области F1 для гласного /u/ составил 29 дБ. Минимальное значение амплитуды – 44 дБ. Пик интенсивности в области F2 составил 46 дБ, минимальное значение амплитуды – 59 дБ. Пик интенсивно-

сти в области F1 для гласного /u/ составил 32 дБ. Минимальное значение амплитуды – 42 дБ. Пик интенсивности в области F2 составил 48 дБ, минимальное значение амплитуды – 60 дБ. Интересно отметить, что разница интенсивности указанных гласных в речи D3 выражена больше, чем в речи D2. В целом интенсивность гласных в речи D3 больше, чем в речи D2.

Проведённый анализ позволяет говорить об отсутствии противопоставления гласных по долготе. В похожих комбинаторно-позиционных условиях длительность исторически долгих и исторически кратких практически не отличается. Длительность исторически долгих гласных может существенно увеличиваться в абсолютном конце паузальной группы, подвергаясь хезитационному удлинению.

Таким образом, дифференциальный признак – долгота отсутствует в системе английских гласных, которые характеризуются различной длительностью, варьирующей в зависимости от многих вышеуказанных факторов.

Список литературы

1. Гусева, С.И. Коммуникативная перспектива и реализация сегментных единиц: Экспериментальное исследование на материале немецкого языка [Текст] / С. И. Гусева. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 1998. – 180 с.
2. Демидов, А. К. Анализ дифтонгов в системе вокализма американского и британского вариантов английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04/ Демидов А. К. ; Одесский ун-т. Одесса, 1983. – 14 с.
3. Касаткина, Р. Ф. Московское аканье в свете некоторых диалектных данных [Текст] / Р. Ф. Касаткина // Вопросы языкознания. – 2005. – № 2. – С. 29–45.
4. Касевич, В. Б. О восприятии речи [Текст] / В. Б. Касевич // Вопросы языкознания. – 1974. – № 4. – С. 71–80.
5. Кукольщикова, Л. Е. Еще раз о долготе английских гласных [Текст] / Л. Е. Кукольщикова // Фонетика и психология речи. – Иваново : [Б. и.], 1981. – Вып. 3. – С. 92–101.
6. Либерман, А. С. Дифтонги в английском языке [Текст] / А. С. Либерман // Иностр. яз. в школе. – 1972. – № 2. – С. 57–63.
7. Миронова, Т. В. Фонетическая разновидность и фонологический статус дифтонга в устной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Миронова Татьяна Васильевна ; М., 1985. – 21 с.
8. Морозова, О. Н. Аллофонное варьирование гласных (экспериментально-фонетическое исследование на материале канадского варианта английского языка) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Морозова Ольга Николаевна ; С-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 203 с.
9. Фонетика спонтанной речи [Текст] / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер и др. – Л. : Изд-во Ленигр. ун-та, 1988. – 245 с.
10. Шахбагова, Д. А. Фонетическая система английского литературного языка – целостность, устойчивость, вариативность [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Шахбагова Джульетта Аршавировна ; М., 1986. – 38 с.
11. Шахбагова, Д. А. О статусе долготы в вокалической системе американского варианта английского языка // Проблемы звучащего текста : сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза [отв. ред.: Л. П. Блохина]. – Вып. 259. – М.: [б. и.], 1985. – С. 30–41.

12. Шуйская, Т. В. Акустические и перцептивные характеристики гласных AuE: экспериментально-фонетическое исследование на материале спонтанной речи носителей австралийского варианта английского языка : монография [Текст] / Т. В. Шуйская. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. – 160 с.
13. Bernard, J. R. L. Length and Identification of Australian vowels [Text] / J. R. L. Bernard // AUMLA 27. – 1967. – P. 37–58.
14. Clark, J. An Introduction to Phonetics and Phonology [Text] / J. Clark, C. Yallop. – [S. l.] : [S. n.], 1999. – 473 p.
15. Erickson, M. L. Simultaneous Effects on Vowel Duration in American English. A Covariance Structure Modeling Approach [Text] / M. L. Erickson // JASA. – 2000. – Vol. 108, N 6. – P. 2980–2995.
16. Fletcher, J. Phonemic vowel length and prosody in Australian English [Text] / J. Fletcher, J. Harrington, J. Hajek // Proc. 5th Australian International Conf. on Speech Science and Technology, 1994. – Vol. II. – P. 656–661.
17. Harris, J. English Sound Structure [Text] / J. Harris. – Wiley-Blackwell : [S. n.], 1994. – 336 p.
18. Harrington, J. An Acoustic Phonetic Study of Broad, General, and Cultivated Australian English speech [Text] / J. Harrington, F. Cox, Z. Evans // Aus. J. Ling. – 1997. – Vol. 17, N 2. – P. 155–184.
19. Jones, D. The pronunciation of English [Text] / D. Jones. – Cambridge : Cambridge University press, 1956. – 223 p.
20. Ladefoged, P. A Course of Phonetics – 2nd ed. [Text] / P. Ladefoged. – Singapore: Cengage Learning, 2006. – 312 p. – [1st ed. 1975].
21. Language Files: Materials for an Introduction to Language and Linguistics. – 7th ed. [Text]. – Ohio : The Ohio State Univ., 1998. – 495 p.
22. Lewis, J. W. Happy land reconnoitered: the unstressed word-final –y vowels in General British pronunciation [Text] / J. W. Lewis // Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson / [ed. by S. Ramsaran]. – Great Britain : Routledge, 1990. – P. 159–167.
23. Linguistics. An introduction to Language and Communication [Text] / A. Akmajian, R. A. Demers, A. K. Farmer, R. M. Harnish. 4th ed. – USA Massachusetts Institute of Technology: 1995. – 576 p.
24. O'Connor, J. D. Phonetics [Text] / J. D. O'Connor. – [S. l.], Great Britain : Penguin, 1973. – 320 p.
25. Peterson, G. E. Duration of Syllable Nuclei in English [Text] / G. E. Peterson, I. Lehiste // JASA. – 1960. – N 32. – P. 693–703.
26. Pilch, H. The Rise of the American English Vowel System [Text] / H. Pilch // Word. – 1955. – Vol. 11, N 1. – P. 57–93.

References

1. Guseva, S.I. Kommunikativnaja perspektiva i realizacija segmentnyh edinic: Jeksperimental'noe issledovanie na materiale nemeckogo jazyka [Tekst] / S. I. Guseva. – Blagoveshhensk : Amur. gos. un-t, 1998. – 180 s.
2. Demidov, A. K. Analiz diftongov v sisteme vokalizma amerikanskogo i britanskogo variantov anglijskogo jazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04/ Demidov A. K. ; Odesskij un-t. Odessa, 1983. – 14 s.
3. Kasatkina, R. F. Moskovskoe akan'e v svete nekotoryh dialektnyh dannyh [Tekst] / R. F. Kasatkina // Voprosy jazykoznanija. – 2005. – № 2. – S. 29–45.

4. Kasevich, V. B. O vosprijatii rechi [Tekst] / V. B. Kasevich // Voprosy jazykoznanija. – 1974. – № 4. – S. 71–80.
5. Kukol'shhikova, L. E. Eshhe raz o dolgote anglijskih glasnyh [Tekst] / L. E. Kukol'shhikova // Fonetika i psihologija rechi. – Ivanovo : [B. i.], 1981. – Vyp. 3. – S. 92–101.
6. Liberman, A. S. Diftongi v anglijskom jazyke [Tekst] / A. S. Liberman // Inostr. jaz. v shkole. – 1972. – № 2. – S. 57–63.
7. Mironova, T. V. Foneticheskaja raznovidnost' i fonologicheskij status diftonga v ustnoj rechi (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka) [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 / Mironova Tat'jana Vasil'evna ; M., 1985. – 21 s.
8. Morozova, O. N. Allofonnoe var'irovanie glasnyh (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale kanadskogo varianta anglijskogo jazyka) [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / Morozova Ol'ga Nikolaevna ; S-Peterb. gos. un-t. – SPb., 2004. – 203 c.
9. Fonetika spontannoj rechi [Tekst] / L. V. Bondarko, L. A. Verbickaja, L. R. Zinder i dr. – L. : Izd-vo Lenigr. un-ta, 1988. – 245 s.
10. Shahbagova, D. A. Foneticheskaja sistema anglijskogo literaturnogo jazyka – celostnost', ustojchivost', variativnost' [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 / Shahbagova Dzhul'etta Arshavirovna ; M., 1986. – 38 s.
11. Shahbagova, D. A. O statuse dolgoty v vokalicheskoj sisteme amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka // Problemy zvuchashhego teksta : sb. nauch. tr. / Mosk. ped. in-t inostr. jaz. im. Morisa Toreza [otv. red.: L. P. Blohina]. – Vyp. 259. – M.: [b. i.], 1985. – S. 30–41.
12. Shujskaja, T. V. Akusticheskie i perceptivnye karakteristiki glasnyh AuE: jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale spontannoj rechi nositelej avstralijskogo varianta anglijskogo jazyka : monografija [Tekst] / T. V. Shujskaja. – Blagoveshhensk: Izd-vo AmGU, 2013. – 160 s.
13. Bernard, J. R. L. Length and Identification of Australian vowels [Text] / J. R. L. Bernard // AUMLA 27. – 1967. – P. 37–58.
14. Clark, J. An Introduction to Phonetics and Phonology [Text] / J. Clark, C. Yallop. – [S. l.] : [S. n.], 1999. – 473 p.
15. Erickson, M. L. Simultaneous Effects on Vowel Duration in American English. A Covariance Structure Modeling Approach [Text] / M. L. Erickson // JASA. – 2000. – Vol. 108, N 6. – P. 2980–2995.
16. Fletcher, J. Phonemic vowel length and prosody in Australian English [Text] / J. Fletcher, J. Harrington, J. Hajek // Proc. 5th Australian International Conf. on Speech Science and Technology, 1994. – Vol. II. – P. 656–661.
17. Harris, J. English Sound Structure [Text] / J. Harris. – Wiley-Blackwell : [S. n.], 1994. – 336 p.
18. Harrington, J. An Acoustic Phonetic Study of Broad, General, and Cultivated Australian English speech [Text] / J. Harrington, F. Cox, Z. Evans // Aus. J. Ling. – 1997. – Vol. 17, N 2. – P. 155–184.
19. Jones, D. The pronunciation of English [Text] / D. Jones. – Cambridge : Cambridge University press, 1956. – 223 p.
20. Ladefoged, P. A Course of Phonetics – 2nd ed. [Text] / P. Ladefoged. – Singapore: Cengage Learning, 2006. – 312 p. – [1st ed. 1975].
21. Language Files: Materials for an Introduction to Language and Linguistics. – 7th ed. [Text]. – Ohio : The Ohio State Univ., 1998. – 495 p.
22. Lewis, J. W. Happy land reconnoitered: the unstressed word-final –y vowels in General British pronunciation [Text] / J. W. Lewis // Studies in the Pronunciation of English.

A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson / [ed. by S. Ramsaran]. – Great Britain : Routledge, 1990. – P. 159–167.

23. Linguistics. An introduction to Language and Communication [Text] / A. Akmajian, R. A. Demers, A. K. Farmer, R. M. Harnish. 4th ed. – USA Massachusetts Institute of Technology: 1995. – 576 p.

24. O'Connor, J. D. Phonetics [Text] / J. D. O'Connor. – [S. l.], Great Britain : Penguin, 1973. – 320 p.

25. Peterson, G. E. Duration of Syllable Nuclei in English [Text] / G. E. Peterson, I. Lehiste // JASA. – 1960. – N 32. – P. 693–703.

26. Pilch, H. The Rise of the American English Vowel System [Text] / H. Pilch // Word. – 1955. – Vol. 11, N 1. – P. 57–93.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**MYTHOLOGIZATION OF THE POLITICAL DISCOURSE****Аннотация**

В данной статье рассматривается феномен мифологизации политического дискурса в современном английском языке. Анализ мифологических контекстов лексем *freedom, democracy, liberty, security* позволяет проследить изменение внутризнаковых отношений, которое приводит к появлению мифологем, и в дальнейшем симулякров.

Abstract

In the paper an attempt has been made to pursue the phenomenon of mythologization of the political discourse. The analysis of the mythological contexts of the lexemes *freedom, democracy, liberty, security* reveals the significant changes within the sign which result in mythologema, and later simulacra.

Ключевые слова: мифологизация, политический дискурс, языковой знак, мифологема, симулякр.

Keywords: mythologization, political discourse, sign, mythologema, simulacra.

Политический дискурс современного общества характеризуется высокой экспрессивностью, по словам А. П. Чудинова, «яркостью, граничащей с карнавальностью; раскрепощённостью, граничащей с вседозволенностью...» [Чудинов, 2008, с. 26], что приводит к изменению как содержания, так и форм коммуникативной деятельности. Политик не просто информирует, но пытается изменить и контролировать людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния, а также скрывать свои истинные намерения путём использования мифологем. Мифологемы являются такими способами оптимальной реализации речевых намерений, которые могут привести к той интерпретации информации, которая необходима автору.

В данной статье предпринята попытка проанализировать тексты выступлений американского политика Джорджа Буша-младшего за период с 2000 по 2008 годы, а также критических статей с целью определения степени мифологизации языкового материала.

Весь период президентства можно условно разделить на три этапа: первая предвыборная кампания и начало президентства, первый срок и вторая предвыборная кампания, и последний этап – второй срок президентства. На протяжении всех трёх этапов красной нитью проходит тема построения и развития демократического общества не только в Америке, но и по всему миру, в том числе достижения процветания, безопасности, свободы всех народов. В связи с этим, ключевыми словами, или приоритетными знаками, этого периода являются лексемы *democracy, responsibility, prosperity, liberty, security*. В. И. Карасик отмечает, что в данных лексемах вербализируются те человеческие ценности, которые являются наиболее фундаментальными характеристиками культуры и служат высшими ориентирами поведения [Карасик, 1996, с. 3–16].

Прежде всего, необходимо провести анализ лексико-семантической структуры данных лексем с целью выявления прототипического сценария каждой из них. Анализ основных словарных дефиниций, приводимых в словаре OED, позволил определить содержательный минимум данных лексем следующим образом:

Responsibility is when A takes obligations to do something for B;

Democracy (equality) is when A is equal in power, ability, achievement;

Liberty (freedom) is when A is not restrained by control;

Security is when A feels confident, safe and free from such danger, as poverty, want, espionage, etc.

Помимо собственно сигнификата, данные лексемы содержат также коннотативные смыслы, которые не фиксируются в словарях, но зависят от социокультурного аспекта, вследствие чего должны быть интерпретированы через окружающий контекст. Следовательно, анализ функционирования данных лексем как языковых знаков, а именно выявление особенностей связи означающего (далее – ОЦ) и означаемого (далее – ОМ) возможен путём сравнения семантических компонентов прототипического сценария лексем и прагматического контекста.

Как и любой знак, лексемы *democracy, responsibility, prosperity, liberty, security* можно представить в виде соотношения ОЦ и ОМ. Анализируя тексты исследуемого периода, можно увидеть закономерности изменения связи между ОЦ и ОМ в зависимости от этапа.

Во время первой предвыборной кампании Дж. Буш постоянно обращается к теме ценностей, которые он ставит в основу своей предвыборной программы.

Now is the time to give American workers security and independence that no politician can ever take away. We will strengthen Social Security and Medicare for the greatest generation, and for generations to come.

Политик в первую очередь обращается к лексеме *security*, так как считает её одной из необходимых составляющих успеха и процветания нации в целом. Словосочетание *Social Security* только подчёркивает социальный аспект данного тезиса.

Medicare does more than meet the needs of our elderly, it reflects the values of our society... For younger workers, we will give you the option to put a part of your payroll taxes into sound, responsible investments...

We will transform today's housing rental program to help hundreds of thousands of low-income families find stability and dignity in a home of their own.

Во второй части содержится аргументативный контекст, который полностью совпадает с содержательным минимумом лексемы. Прежде всего, автор делает упор на социальный аспект, обращаясь к наименее защищённым слоям населения – *elderly, younger workers, low-income families*. Кроме этого, появляются слова, семантика которых укладывается в прототипический сценарий лексемы *security*. Словарь MED даёт следующее определение ключевых компонентов контекста: *meet the needs – provide what is needed; sound, responsible investments – investments, which are safe and able to be trusted; stability – situation in which there are no harmful changes.*

Далее в своём выступлении Дж. Буш обращается к другой лексеме *responsibility*, энтропия которой снимается за счёт фактообразующей информации контекста.

We must usher in an era of responsibility. In a responsibility era, each of us has important tasks that only we can do. Each of us is responsible to love and guide our children, and help a neighbor in need. Corporations are responsible to treat their workers fairly, and leave the air and waters clean. Our nation's leaders are responsible to confront problems, not pass them on to others.

В иллюстративном контексте лексемы эксплицитно представлена информация о том, кто берёт на себя обязательства – *Each of us, Corporations, Our nation's leaders*, перед кем эти обязательства – *children neighbor workers others*, а также есть указание на сами обязательства – *tasks – a specific piece of work required to be done as a duty or chore*, и саму ситуацию их принятия – *not pass on –not to transfer, fulfill oneself*.

Таким образом, во время первого этапа своей политической карьеры в качестве президента политиком достаточно корректно используется языковой материал и высказывания строятся по всем правилам аргументации: каждый тезис сопровождается аргументирующим его контекстом. Следовательно, связь ОЩ и ОМ устойчиво присутствует в высказывании благодаря семантическому согласованию содержания лексем с семантическими параметрами контекста.

В выступлениях второго этапа, когда президент высказывает своё мнение по поводу военных действий в Афганистане, Ираке, вновь звучит тема свободы, ответственности, демократии, однако лексемы *democracy, responsibility, prosperity, liberty, security* употребляются в несколько иных контекстах, вследствие чего наблюдается внутризнаковое смещение ОЩ от ОМ. Это обусловлено тем, что при определённых условиях знаки естественного языка «похищаются» из Мира Действий и насильно внедряются в Мир Ценностей. При этом смысл (ОМ первичного знака) обедняется, и знак превращается в практически пустую форму, которая наполняется уже другим содержанием в Мире Ценностей. Однако смысл первичного знака полностью не исчезает, так как он служит своего рода алиби, оправданием употребления знака именно в таком прагматическом контексте. Вследствие этого, ОМ смещается от ОЩ, что приводит к появлению мифологемы, т.е. знака вторичной семиотической системы, основное предназначение которого не скрыть, а натурализовать истинные интенции говорящего.

Рассмотрим примеры подобного смещения в следующих высказываниях. Во время своего первого президентского срока Буш ставит первоочередную цель как перед США, так и перед всем миром в целом – положить конец тирании *to end the tyranny of the world* и перейти на демократические основы функционирования государства *to build a working/practicing/ lasting democracy*, что касается, прежде всего, стран Азиатского региона.

I call upon them (the Palestinian people) to build a practicing democracy, based on tolerance and liberty.

Политик обращается к *liberty* как одной из составляющих *democracy*. Представляется возможным в данном случае определить прототипический сценарий лексемы *democracy* как *when A is equal in power, ability, achievement; not restrained by control*. В первой части высказывания не содержится фактообразующей информации, поэтому вопрос о соотношении ОЩ и ОМ остаётся открытым.

Во второй части высказывания мы также не находим семантических признаков, которые бы совпадали с лексико-семантической информацией лексемы *democracy*. Скорее, наоборот, аргументативная часть высказывания строится на основе ключевых слов, семантика которых не совпадает, а противопоставлена прототипическому сценарию лексемы.

And when the Palestinian people have new leaders, new institutions and new security arrangements with their neighbors, the United States of America will support the creation of a Palestinian state whose borders and certain aspects of its sovereignty will be provisional until resolved as part of a final settlement in the Middle East.

Исходя из того, что содержательный минимум лексемы *democracy* содержит только А, свободного от контроля кого-либо, в данном случае это *Palestinian state*, то наличие других участников, а именно *the United States of America* указывает на смещение внутри знака.

Это смещение подтверждается ещё в большей степени появлением новых участников в следующей части: *the European Union, Arab states, the international community, the World Bank*.

The United States, along with the European Union and Arab states, will work with Palestinian leaders to create a new constitutional framework, and a working democracy for the Palestinian people. And the United States, along with others in the international community will help the Palestinians organize and monitor fair, multi-party local elections by the end of the year, with national elections to follow.

The United States, the international donor community and the World Bank stand ready to work with Palestinians on a major project of economic reform and development. The United States, the EU, the World Bank the World Bank, the International Monetary Fund are willing to oversee reforms in Palestinian finances, encouraging transparency and independent auditing.

Анализ дефиниций ключевых слов также позволяет говорить о внутризнаковом смещении и замене ОМ мифологическим конструктом: *support – to give aid or approval to somebody; help – to assist or aid somebody, with – together; oversee – to watch over and direct somebody; monitor – to observe somebody* (MED). Очевидно, что все эти слова имеют общий признак общности, когда более чем один участник вовлечён в процесс осуществления какой-

либо деятельности, что полностью противоречит семантике лексемы *democracy*.

Следовательно, в данном примере мы наблюдаем смещение ОЩ *democracy* от ОМ *a situation, when someone is equal in power, ability, achievement, not restrained by control*. Смысл, т.е. ОМ, опустошается, обедняется, превращаясь в полую форму, вследствие чего знак *democracy* становится лишь ОЩ во вторичной семиотической системе. Он служит лишь материалом, на котором паразитирует миф. В данном случае таким материалом послужила лексема, означающая одну из человеческих ценностей, которая имеет огромный потенциал к мифологизации, так как образы действительности, с которыми она соотносится, совпадают с ценностными ожиданиями слушающего.

В результате подобного смещения, смысл теряет свою собственную значимость, но продолжает жить, питая собой форму мифа, и оправдывая его существование через слова *sovereignty – an independent state* (MED).

The world is prepared to help, yet ultimately these steps toward statehood depend on the Palestinian people and their leaders.

В конце высказывания вновь появляется прозрачный сценарий лексемы *democracy* за счёт употребления *depend on*, что означает *to be resultant from* (MED). В данном случае это *the Palestinian people and their leaders*, которые приводят страну к желаемым результатам, а именно достижению статуса государственности и демократии в целом, что является свидетельством того, что деформация содержательной стороны знака не ведёт к полному исчезновению смысла, вследствие чего связь между ОЩ и ОМ условна, но не разрывается в контексте.

Другой пример употребления мифологемы мы обнаруживаем в следующем примере.

A free Iraq can be a source of hope for all the Middle East...

The US plans to take complete, unilateral control of a post-Saddam Iraq, with an interim administration headed by a yet-to-be named US civilian, who will direct the reconstruction of the country and the creation of a "representative" Iraqi government, according to a now-finalized outline described by US officials and other sources.

Очевидно, что лексема *free* является мифологемой, так как семантические признаки контекста не укладываются в её прототипический сценарий. Рассмотрев определения ключевых слов, которые содержит словарь OED: *take control – to command, direct, or rule, head – to be in the commanding or most important position, direct – to give commands or orders with authority to*, можно выделить один общий семантический признак, а именно *to have control or authority over*. Семантика контекста не совпадает с семантической информацией, содержащейся в лексеме *free*, так как все они служат для определения иерархических отношений, но не равных.

Более того, в очередной раз число участников больше, чем предполагает прототипический сценарий – помимо самого государства Ирак, которое предположительно свободно от контроля со стороны кого-либо, присутствует государство США, официальные представители, и даже правительство Ирака предположительно возглавит *US civilian*, что сводит идею о свободе и равенстве на нет.

Фундаментальным свойством мифологического знака является его предназначенность. Миф – это сообщение, определяемое в большей мере своей интенцией, чем своим буквальным смыслом. Внешний мир поставляет мифу некоторую историческую реальность, в данном случае человеческие ценности, в которых уже содержатся некоторые предпосылки для мифологизации. В дальнейшем миф опустошает их, наполняя совершенно новым содержанием. Однако первоначальный смысл всегда остаётся, пусть и обеднённый, лишённый историчности, с целью скрыть истинные интенции говорящего. В результате, миф не верифицируется на уровне референции, невозможно проследить процесс мифологизации, истоки образования, так как миф воспринимается как готовый продукт.

Однако повтор знаков со смещённым ОМ в одних и тех же прагматических контекстах позволяет опытному интерпретатору выявить мифологему, то есть указать на её симулятивный характер, так как постоянство определённого типа поведения даёт возможность выявить истинную интенцию говорящего.

Третий этап политической карьеры Буша характеризуется именно преобладанием симулякров, так как мифу уже не удаётся скрыть истинные интенции, что приводит к демифологизации. Рассмотрим несколько примеров, когда политики, журналисты, учёные развенчивают мифы, создаваемые президентом.

Some are already suggesting the President's expansive pledges have simply set the US Government up to be accused of hypocrisy and failing to measure up to its own rhetoric.

When American public diplomacy talks about bringing democracy to Islamic societies, this is seen as no more than self-serving hypocrisy...

Авторы этих высказываний указывают на симулятивный характер лексем *pledges* (под которой подразумеваются все вышеупомянутые ценности) путём сопоставления их с лексемой *hypocrisy*, одно из значений которой, согласно словарю синонимов есть *insincerity, something simulated*.

The notions of true independence and a real end to the occupation are so thoroughly undermined by the conditions attached and the full backing given to an Israeli government that openly opposes these goals as to be utterly meaningless.

В данном примере так же идёт речь о мифологическом знаке, связь между ОЩ и ОМ которого разорвана в контексте, в результате чего последнее опустошается, становится полым, исходя из значения слова *meaningless – futile or empty of meaning*.

Вследствие разрыва связи между ОЩ и ОМ, означаемое смещается в сторону другого означаемого, смысл которого не только не совпадает, но и может противоречить первоначальному смысловому содержанию знака.

Contrary to what Bush might think, not even the people of Iraq are experiencing the joys of freedom and democracy. How could they given that they're living under one of the most oppressive and brutal military occupations in history? Torture. the unlawful premeditated killing of one human being by another. Denial of due process. Denial of trial by jury. Cruel and unusual punishments. Bombs. Missiles. Checkpoints. Curfews. Suicide bombers. Arbitrary arrests. Censorship. Gun control. Indefinite incarcerations.

Данную цепочку ключевых слов можно разбить на подгруппы: причинение вреда, боли – *torture, killing, punishment, bomb, missile*, ограничение свободы – *curfew, arrest, censorship, incarceration*. Однако ни одна из подгрупп не подходит по смысловому критерию под сценарий лексем *freedom, democracy*, а вступает с ними в противоречие, что является результатом попыток президента скрыть свои интенции, вернее натурализовать их путём обращения к человеческим ценностям. Однако симулякр уже не маскирует разрыв ОЩ и ОМ, то есть истинные намерения становятся очевидными.

...freedom can also be what the philosopher Nikolas Rose calls a "formula of power". Bush speaks of freedom to justify both the invasion of Iraq – at a time when all other justifications have been discredited – and a conservative agenda at home.

Таким образом, включение мифологем в политический дискурс обусловлено прежде всего стремлением оказать определённое воздействие на адресата. Мифологизация контекста употребления отдельных лексем приводит к неизбежному смещению означаемого от означаемого внутри языкового знака, и в отдельных случаях заканчивается появлением симулякра. Опыт анализа мифологических контекстов позволяет не только провести критический анализ выступлений современных политиков, но может быть использован при написании речей и выступлений политиков.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3–16.
2. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика [Текст] / 3-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 256 с.
3. A Dictionary of Synonyms and Antonyms (DSA) [Text]. – London: Oxford University Press, 2005.
4. Macmillan English Dictionary (MED) [Text]. – London: Bloomsbury Publishing, 2006.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) [Text]. – London: Oxford University Press, 1998.
6. The Market Oracle [Electronic resource]. URL: <http://www.marketoracle.co.uk>
7. The Nation [Electronic resource]. URL: <http://www.thenation.com>
8. The Oxford English Dictionary (OED) [Text]. – London: Oxford University Press, 1933, vol. 8.
9. The Scotsman [Electronic resource]. URL: <http://www.thescotsman.scotsman.com>
10. The Sunday Times [Electronic resource]. URL: <http://www.timesonline.co.uk>

References

1. Karasik, V. I. Kul'turnye dominanty v jazyke [Tekst] / V. I. Karasik // Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty: sb. nauch. tr. Volgograd – Arhangel'sk : Peremena, 1996. – S. 3–16.
2. Chudinov, A. P. Politicheskaja lingvistika [Tekst] / 3-e izd., ispr. – M. : Flinta : Nauka, 2008. – 256 s.
3. A Dictionary of Synonyms and Antonyms (DSA) [Text]. – London: Oxford University Press, 2005.
4. Macmillan English Dictionary (MED) [Text]. – London: Bloomsbury Publishing, 2006.

5. Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) [Text]. – London: Oxford University Press, 1998.
6. The Market Oracle [Electronic resource]. URL: <http://www.marketoracle.co.uk>
7. The Nation [Electronic resource]. URL: <http://www.thenation.com>
8. The Oxford English Dictionary (OED) [Text]. – London: Oxford University Press, 1933, vol. 8.
9. The Scotsman [Electronic resource]. URL: <http://www.thescotsman.scotsman.com>
10. The Sunday Times [Electronic resource]. URL: <http://www.timesonline.co.uk>

*Кравец Татьяна Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет*

*Tatyana V. Kravets,
PhD, associate professor
Department of Foreign Languages
Amur State University*

**ТИПОЛОГИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ
В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
НЕМЕЦКОГО ПРОЩАНИЯ (ABSCHIED)**

**TYPOLOGY OF SPEECH ACTS
IN THE COMMUNICATIVE PRAGMATIC SITUATION
OF GERMAN PARTING PATTERN (ABSCHIED)**

Аннотация

Статья посвящена исследованию речевых актов в ситуации прощания. Объектом научного анализа является коммуникативно-прагматическая ситуация реализации актов прощания, представленных в диалогических фрагментах художественных произведений. Предметом исследования являются прямые и косвенные речевые акты, эксплицируемые в коммуникативной ситуации немецкого прощания. Автор констатирует, что в ситуации прощания в зависимости от контекста и функций речевых актов могут преследоваться различные иллокутивные цели. На основании данного вывода составлена типология речевых актов прощания в немецком диалогическом дискурсе, включающая 18 типов прощания: вежливое и невежливое, невербальное, долгосрочное и краткосрочное, нейтральное, прощание-благодарность, прощание-пожелание, прощание-обещание, прощание-надежда, прощание-ободрение, прощание-поздравление, прощание-просьба, прощание-совет, прощание-извинение, прощание-предложение, прощание-отказ, прощание-ритуал.

Abstract

The paper studies speech acts in the situation of parting. The object of the scientific analysis is a communicative pragmatic situation of realization of the acts of parting represented in dialogues that can be found in literary works of fiction genre. Particularly, direct and indirect speech acts, which are explicated in the communicative situation of German parting are examined. The results enable to conclude that different illocutionary goals can be pursued during the communicative situation of parting depending upon the context and functions of speech acts. The typology of speech acts of parting in German dialogue discourse is presented including 18 types of parting patterns: polite and impolite farewell, parting for short- and long-term period, neutral-style farewell, farewell-gratitude, farewell-wish, farewell-promise, farewell-hope, encouraging farewell, farewell-congratulation, farewell-request, farewell-advice, farewell-apology, farewell-offer, farewell-denial, ritual parting.

Ключевые слова: немецкое прощание, теория речевых актов, коммуникативная ситуация, иллокутивные цели.

Keywords: German parting, the theory of speech acts, a communicative situation, the illocutionary purposes.

Семантика внутреннего мира человека реальна, она воспринимаема и адекватно декодируема Другим. Множественность вариантов её бытия в языке позволяет представить каждую семантически дискретную реальность в рамках определённой понятийной категории как ментальную «сущность», имеющую установку на смысл [Малинович, 2012, с. 165].

Целью научного исследования является комплексное лингвистическое исследование семантической категории ABSCHIED как элемента немецкого языкового сознания с позиций антропологического подхода к анализу естественного языка. Данная статья представляет собой этап изучения семантической категории ABSCHIED с позиций теории речевых актов.

Одним из важных результатов изучения ФСП семантической категории немецкого прощания ABSCHIED является вывод о том, что центральным смысловым компонентом поля прощания ABSCHIED является понятие «Ситуация прощания», которая характеризуется определенным соотношением между говорящим, адресатом и каузируемым действием. В сознании носителей немецкого языка категория ABSCHIED выступает как процесс разделения, разрыва, отлучения, прекращения отношений, освобождение, раздельное проживание и связана с определенной ситуацией, так как рассматривается в качестве семиотического пространства межличностных отношений, в котором действия и события создают определенную ситуацию.

Согласно М. А. Кронгаузу, значение высказывания во время речевого акта – это отношение между употреблением предложения и ситуацией, которую оно описывает [Кронгауз, 2005, с. 40.]. Исходным моментом любого речевого действия является речевая (коммуникативная) ситуация, т. е. такое стечение обстоятельств, которое побуждает человека к речевому действию (например, к высказыванию). Речевая ситуация порождает *мотив* высказывания, который в отдельных случаях перерастает в потребность совершения этого действия [Гойхман, 2003, с. 4].

Понятие «ситуация», по Э. Б. Яковлевой, включает в себя несколько аспектов: культурный, предметный, инструментальный [Яковлева, 2006, с. 24]. Первый план – предметный, который охватывает окружающую собеседников физическую реальность. Во-первых, источником информации об этом плане ситуации для собеседников служат в основном их органы чувств, а природа сенсорной информации весьма далека от формы вербального кода и недостаточно изучена. Сами коммуниканты являются составной физической частью предметного плана. Во-вторых, говоря об этом плане, следует иметь в виду образную память партнеров, которая может оказать сильное влияние на ход беседы. Обстановка, окружающая собеседников, относительно ее восприятия и оценки удобства, её привычности или непривычности, ассоциативных связей может предстать для каждого коммуниканта совершенно по-разному. Социальная функция обстановки и как определяют эту функцию собеседники являются также немаловажными факторами для формирования речевой ситуации.

Второй план ситуации устного общения – инструментальный – представляет собой набор вербальных и невербальных средств для осуществления коммуникации, которыми располагают его участники.

Третий план ситуации – культурный – представляет собой информационный и культурный запас, которым обладает каждый из участников коммуникативного акта, всю информацию, которая накоплена человеком на протяжении всей его предшествующей деятельности. Это и культурно обусловленные структуры ценностей участников коммуникативного акта, и принятые правила поведения в различных ситуациях и т.д.

Характеристики ABSCHIED как коммуникативно-прагматической ситуации соотносятся со всеми вышеперечисленными аспектами. Предметный аспект прощальной ситуации ABSCHIED подразумевает наличие субъекта, объекта прощания и отношений между ними, официальность/ неофициальность прощальных реплик, зависимость/ независимость автора от адресата и наоборот, постоянный/ переменный статус говорящего и адресата, эмоциональное/ рациональное воздействие на адресата и др. [Карасик, 2002, с. 33].

Инструментальный аспект включает набор формул прощания, реализующих ситуацию ABSCHIED: *auf Wiedersehen, leb(t) wohl/leben Sie wohl, grüß dich, grüß Gott, auf (bis) bald, auf Wiedersehen, gehab dich wohl/gehabt euch, wohl/gehabten Sie sich wohl, addio, bye-bye, cheerio, pfiat di, pfiat euch, pfiat Gott, bis dann, bis morgen, bis zum nächsten Mal, Tschüss, mach's gut, Adieu, Ade, Adios, Hallo, Ciao, alles Gute, Servus, Lebewohl* [Duden, 2007]. Кроме этого, ритуал прощания может сопровождаться невербальными средствами типа поцелуя, объятий, пожимания рук (руки), поклона, махания платком или рукой.

Культурный аспект прощальной ситуации ABSCHIED напрямую связан с понятием этикета, который является системой устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников. Содержание, которое несут в себе средства речевого этикета – это выражение определенной интенции со стороны говорящего по отношению к адресату в ходе этикетной ситуации.

Коммуникативная ситуация определяется такими обстоятельствами, которые вынуждают человека нечто сказать (или во всяком случае участвовать в речевой деятельности), при этом действовать (с помощью речи) в более или менее строгом соответствии с определяющими ситуацию признаками. В процессе общения люди не просто строят предложения, а используют эти предложения для совершения таких действий, как информирование, просьба, совет, вопрос, приказание, предупреждение, обещание, выражение благодарности и т.п. [Austin, 1986, р. 33]. Ссылаясь на Дж. Остина, в своей работе мы исходим из положения, что формулы прощания перформативны, т.е. эквивалентны социальным действиям и поступкам, даже в том случае, если формально они не содержат средств выражения перформативности. В этом случае их можно рассматривать как прагматические перформативы. Перформативные предложения – это предложения, повествовательные по своей структуре, но обладающие тем замечательным свойством, что высказывание, в составе которого они употреблены, не описывает соответствующее действие, а равносильно самому осуществлению этого действия. Перформатив-

ные высказывания – это высказывания, производя которые говорящий или пишущий не говорит (сообщает или утверждает) нечто, но совершает некоторое действие [Лайонз, 2003, с. 255].

Основная цель прощального речевого акта – завершить речевой контакт. В акте прощания как перформативном высказывании могут преследоваться другие (дополнительные) цели для осуществления определенных действий. Говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции [Маслова, 2001, с. 195]. Так, коммуникант, прощаясь, обещает прийти вновь, совершая некое действие: *Ich sagte ihm nochmals, er solle schlafen gehen, vielleicht stelle sich noch alles als harmlos heraus und die Frau sei abends schon wieder zurück, er nickte und gab mir die Hand. «Ich komme abends noch mal rein», sagte ich und ging.* [Remarque, 2000, S. 277].

Как показал анализ примеров, в речевую ситуацию прощания входят как основные, так и дополнительные иллокутивные цели. Другими словами, коммуникативно-прагматическая ситуация прощания **ABSCHIED** может включать несколько типов речевых актов. Исходя из содержательной направленности проанализированного материала, и по характеру иллокутивной силы речевого акта составлена классификация типов речевой ситуации прощания в немецком языке:

1. **«Вежливое» прощание**, имеющее этикетный характер и оставляющее положительное впечатление от разговора. Данный тип прощания реализуется в сфере речевого этикета Германии, под которым в работе понимается некий свод норм и правил, согласно которым строится общение, и соответствующий инструментарий для исполнения этих правил – набор относительно устойчивых ритуализированных единиц, понятных для носителей данного языка на данном этапе его развития, служащих для обеспечения контакта между коммуникантами согласно предписываемым этикетом нормам и правилам [Ярцева, 2000, с. 293]:

Elisa Kirschbaum öffnet den Schrank ein zweites Mal, ein Schal, sie hält ihn ihrem Bruder hin. «Ich brauche ihn nicht. Draußen ist es warm», sagt er. «Du brauchst ihn», sagt Elisa Kirschbaum...Er steckt den Schal in die Tasche, Meyer macht die Tür auf, der Abschied steht bevor. «Auf Wiedersehen, Elisa.» «Auf Wiedersehen.» So sieht ein Abschied aus [Becker, 1999, S. 207].

2. **«Невежливое» прощание**, выражающее негативное отношение к субъекту, в котором используются грубые формы прощания директивного характера:

Und er wollte aufstehen, zur Tür hinausgehen, seine Augen suchten in dem dunklen Raum nach der Tür. Da drückte ihn der Alte auf das Sofa zurück: «Nun bleibt doch, was wollt Ihr denn.» Er wollte hinaus. Der Alte schrie: «Nun, Ihr werdet schon sitzenbleiben. Ihr werdet schon hören, was ich sage, junges Blut. Nehmt euch zusammen, Bösewicht.» Und zu dem Roten, der den Mann bei den Schultern griff: «Geht Ihr weg, weg hier. Hab ich Euch gerufen. Ich werd schon mit ihm fertig werden» [Döblin, 2003, S. 20].

3. **«Невербальное» прощание**, усиливающее воздействие вербальных средств:

So standen wir und nahmen Abschied. Ich küsste sie – sie verweigerte jeden Kuß. Während ich sie hielt, ohne etwas anderes zu wollen als einen letzten Kuß,

und ihren Körper spürte, drehte sie ihr Gesicht zur Seite; ich küsste zum Trotz...ich küsste ihr Ohr, ihren straffen Hals, ihre Schläfe, ihr bitteres Haar – Sie stand wie eine Kleiderpuppe. Sie rauchte nicht nur ihre Zigarette, als wäre es die letzte, hinunter bis zum Filter, in der anderen Hand hielt sie ihr leeres Glas [Frisch, 1991, S. 65].

4. **«Долгосрочное» прощание**, когда коммуниканты прощаются надолго либо навсегда:

«Ich muß jetzt gehen. *Mach's gut*. Wir werden uns wohl nicht mehr sehen.» «Nicht, bevor ich wiederkomme. Das ist nicht lange. Nur drei Wochen.» «Ja, richtig. Also, *Mach's gut*.» «Du auch.» [Remarque, 2004, S. 38];

«...Da – da – ja, geh nur.» «Ich muß, Lisa.» «Du kommst nicht wieder.» «Doch, Lisa.» «*Nein, nein, du kommst nicht wieder* – ich weiß es! Du sollst auch nicht wiederkommen! *Geh nur, so geh doch*.» Sie weinte. Ich ging die Treppen hinunter und sah mich nicht um [Remarque, 2000, S. 156.]. В данной ситуации прощания коммуниканты понимают, что больше никогда не увидятся.

5. **«Краткосрочное» прощание**, когда коммуниканты прощаются на небольшой отрезок времени. Признаками «краткосрочного» прощания являются формулы речевого этикета: *bis bald*, *bis morgen*, *mach's gut*, *adieu*, *bis dann* и т.д.: Sie knöpfte den Spenzer zu, hielt Poldi ihre Hand hin. «Also mach was aus mit ihm. Ich muß jetzt gehen. Es ist schon sechs vorbei. *Adieu, Poldi!*» [Weiskopf, 1955, S. 182].

6. **«Нейтральное» прощание**, когда у адресанта нет интимных отношений с адресатом. В «нейтральном» прощании субъект выходит из пространства другого субъекта без всякой дополнительной интенции:

Er steckt den Schal in die Tasche, Meyer macht die Tür auf, der Abschied steht bevor. «*Auf Wiedersehen*.» «*Auf Wiedersehen*.» [Becker, 1999, S. 207].

7. **Прощание-благодарность**, когда собеседник хочет выразить благодарность, воспользовавшись ситуацией прощания:

Er verabschiedete den jungen Mann mit den Worten: «Lieber Doktor, meine Zeit ist gemessen. Ich danke Ihnen. Diese Unterredung – von ihrer peinlichen Veranlassung abgesehen – hat mich sehr befriedigt. Ich mache mir das Vergnügen, Ihnen das Albrechtskreuz dritter Klasse mit der Krone zu verleihen. Ich werde mich an Ihnen erinnern. *Ich danke*» [Goethe, 2005, S. 30].

8. **Прощание-пожелание**, выражающее напутствие адресату. Например, разговорная формула пожелания «*Alles Gute!*» свидетельствует о сложившихся между собеседниками дружеских отношениях: Ich war zu müde, um sie noch zu verstehen. *Gute Nacht, sagte ich, und alles Gute, vielleicht wirst du Wind, und wir treffen uns wieder. Dann küßte ich sie* [Maron, 1991, S. 88].

Часто ситуация прощания включает и пожелание, и благодарность в одном перформативном высказывании: Aber die Frage kommt ohnedies zu spät. Maximiliane hat sich bereits erhoben, um sich zu verabschieden. *Die Frauen wünschen einander «alles Gute»: Mirka knickt und bedankt sich* [Brückner, 1990, S. 119].

Кроме этого, ситуацию прощания с дезидеративной семантикой можно подразделить на следующие разновидности, а именно:

- **прощание как пожелание счастья**. Для пожелания счастья на прощание употребляют выражение «*Gut Glück!*»:

Er gab hierauf mehrere Schüsse auf die Ehrenscheibe ab, von denen in den Berichten nicht gesagt war, wohin sie getroffen hatten, pflog später mit drei

aufeinander folgenden Männern ein dieselbe Unterredung über die Vorzüge des Schützenwesens, die im «Eilboten» als «gemütliche Aussprache» gekennzeichnet war, und verabschiedete sich endlich mit einem herzlichen «*Gut Glück!*», das unbeschreiblichen Jubel hervorrief [Mann, 1997, S. 159–160];

- **прощание как пожелание удачи.** В некоторых профессиях существуют своеобразные выражения. Так, для пожелания удачи на прощание употребляется морское приветствие *Ahoi*: Wir setzen uns die gelben Helme auf und steigen in die Anlage. «Na, dann Glück auf!», wir nicken Horst Steindel zu. Der lacht. «Sagen wir lieber *Ahoi*.» [Мальцева, 1998, с. 261–262]. Как пожелание удачи при прощании употребляются слова *Weidmannsheil!* «*Glück ab!*», *Glück auf!* (при проводах в полёт);

- **прощание как пожелание здоровья и счастья адресату.** Для этого используются сочетания *Heil + адресат*, *Gut Heil!*» Например, Diese Grußformel hatte ihm Generaladjutant von Hühnemann, nachdem er Erkundigungen eingezogen, im letzten Augenblick; zugeflüstert denn natürlich hätte es störend gewirkt, hätte die schöne Täuschung der Sachkenntnis und ersten Vorliebe aufgehoben, wenn Klaus Heinrich zu den Schützen «*Glück auf!*» und zu Bergleuten etwa «*Gut Heil!*» gesagt hätte [Mann, 1997, S. 160];

- **прощание как пожелание успеха:**

Und dann verabschiedete Klaus Heinrich Herrn Martini, *wünschte ihm guten Erfolg* in seiner poetischen Laufbahn und begleitete den ehrerbietigen Rückzug des Dichters mit Lächeln und jener ein wenig theatralischen, gnädig grüßenden Handbewegung von oben nach unten, die nicht immer gleichmäßig schön gelang, aber in der er es zu hoher Vollendung gebracht hatte [Mann, 1997, S. 178].

9. **Прощание-обещание:** «Für mich gibt's keinen Bazar mehr, Kai! Ich schmeiße das Ganze hin. Ende.» «Abwarten, Kira! *Wir telefonieren.*» Kai geht den Gang hinunter. Ich sehe ihm nach... [Reider, 2004, S. 250];

Wir trinken im kleinen Cafe an der Bundesstraße Bier, und mein Freund unterhält sich mit einem Zirkusarbeiter, *der uns beim Abschied verspricht, vor dem Eingang auf uns zu warten* [Roth, 2001, S. 17].

10. **Прощание-надежда**, выражающее ожидание скорой встречи:

Im Hausflur fand er sich dem Doktor Roediger gegenüber...»Wie geht es Fräulein Marianne?» fragte Fridolin... «Sie war lange genug auf das Ende vorbereitet, Herr Doktor...Es wird sie gewiss freuen, Sie noch zu sehen, Herr Doktor. Morgen bringen wir sie nämlich nach Mödling, meine Mutter und ich», und auf einen höflich fragenden Blick Fridolins: «Meine Eltern haben nämlich dort ein kleines Häuschen. Auf Wiedersehen, Herr Doktor. Ich habe noch allerlei zu besorgen. Ja, was so ein Fall zu tun gibt! *Ich hoffe, Sie noch oben anzutreffen, Herr Doktor, wenn ich zurückkomme.*» [Schnitzler, 2004, S. 74–75]; «Leb'wohl, Lotte! Leb'wohl, Albert! *Wir seh'n uns wieder*» [Goethe, 2005, S. 102].

11. **Прощание-ободрение**, которое воспринимается адресатом как положительная оценка:

Er verabschiedet sich und sagt, was alle zu ihr sagen: «*Du wirst es schon schaffen*». An der Haustür, als er mit ihr allein ist, wendet er sich ihr noch einmal zu. «Dein Großvater hat etwas anderes gesagt, als ich zum letzten Mal auf Poenischen war.

«Wenn ich einen Sohn hätte, Merzin», hatte er gesagt, «würde ich zu ihm sagen: *Verlaß Poenischen nicht!*» Vielleicht hat er recht gehabt. Vielleicht hatten

wir alle bleiben müssen...» Er bricht ab, Tränen treten ihm in die Augen. Maximiliane sieht ihm nach, wie er den Gartenweg hinuntergeht [Brückner, 1990, S. 87].

12. Прощание-поздравление:

«Sie bleiben wohl einige Tage auf dem Land», begann er gezwungen. «Ich hoffe, Sie geben mir Nachricht...Herr Doktor Roediger sagt mir übrigens, dass die Hochzeit bald stattfinden werde. *Erlauben Sie mir schon heute Ihnen meinen Glückwunsch auszusprechen*» [Schnitzler, 2004, S. 76].

13. Прощание-просьба:

«Ist schon in Ordnung, Marie. Fahr ruhig nach Hause! Hast du deine Sachen schon gepackt?» Marie lächelt. «Klar, lauter schickes Zeug. Mein Vater wird staunen!» Ich nicke. «Viel Spaß, und *ruf mich gleich an, wenn du zurück bist, okay?* Ich will alles genau wissen.» ...[Reider, 2004, S. 232].

Нередко при прощании просят передать привет:

«Was macht die Arbeit?» fragt sie. «Alles bestens», sagt Jakob, «danke für die Nachfrage.» «Was habt ihr denn heute getan? Bist du wieder auf der Lokomotive gefahren?» «Wie kommst du darauf?» «Neulich bist du doch bis Rudpol gefahren und wieder zurück, weißt du nicht mehr?» «Ach ja. Aber heute nicht, die Lokomotive ist schon seit ein paar Tagen kaputt.» ... «Wie geht es eigentlich Mischa? Er war schon so lange nicht mehr hier?» «Er hat viel zu tun. Aber gut, dass du mich erinnerst, *ich soll dich von ihm grüßen.*» «Danke», sagt Lina. «*Grüß ihn auch von mir.*» «Wird besorgt.» [Becker, 1999, S. 82].

14. Прощание-совет:

«Laura! *Verdirb mir nicht meine Jungs!*» sagt Lebert und lacht. «Das werde ich nicht», antwortet sie. «Ich muß nun sowieso los. Also *macht's gut!* Viel Spaß noch, ihr Süßen! *Und kommt nicht zu nah an Sammy heran!* Er ist ein Tiger!» Sie lacht und verschwindet in der Menschenmenge... [Lebert, 2001, S. 161].

15. Прощание-извинение:

Er stürzte vor ihr nieder, küsste den Saum ihres Mantels und rief: «*Verzeih mir! Verzeih mir!*» ...Sie winkte ihm...; sie gab ihm Mütze und Handschuh, ebenso unwillkürlich, wie sie dieselben mitgenommen hatte, ergriff Zügel und Peitsche und fuhr vorwärts [Keller, 1961, S. 92–93].

16. Прощание-предложение (на прощание сопровождают или предлагают проводить):

Er geleitete mit Herrn von Braunbart die Damen zum Automobil, als die Verabschiedung von den Ärzten und den Schwestern beendet war [Mann, 1997, S. 213].

Иногда при расставании предлагают остаться друзьями, но при этом не сближаться, соблюдать дистанцию, чтобы разобраться в своих чувствах:

Sie gehörten zusammen und diese Freundschaft war über Jahre gut und selbstverständlich gewesen. Doch, plötzlich der Bruch. Donata hatte es ganz sachlich gesagt, nach der Schule, als er sie zu ihrem kleinen Auto brachte: «Laurenz, ich brauche jetzt ganz viel Luft zum Atmen. Ich habe mich verändert, ich bin erwachsen geworden. Und ich muss mich unbedingt erst einmal zurechtfinden. In meinem Kopf ist keine Ordnung. Bitte, versteh mich! *Wir können ja auch auf Distanz Freunde bleiben*» [Pestum, 1998, S. 30].

17. Прощание-отказ (при некоторых обстоятельствах при прощании отказываются от предложения проводить):

«Der Zug fährt um sechs Uhr», sagte er. «Ich habe alle meine Sachen erledigt. Ich muß jetzt fort. *Bring mich nicht zur Bahn.* Ich will von hier weggehen und will das von hier mitnehmen – so wie du hier lebst, nicht das Gedränge und die Verlegenheit am Bahnhof.» [Remarque, 2004, S. 320].

18. Прощание-ритуал (ситуация прощания с усопшим или умирающим):

Die Träger lassen den Sarg über Gurte vorsichtig in die Grube gleiten.

Michael Beerenbaum, seine Frau, der Sohn und das Doppelkinn stehen nebeneinander, zwei Meter vom Grab entfernt. Später, wenn die Reihe an mir sein wird, *drei Handvoll Erde auf Beerenbaums Sarg zu werfen*, werde ich an sie herantreten müssen. Ich werde meine Hand ausstrecken, in der Furcht, daß niemand sie ergreift, und sagen müssen: *Herzliches Beileid* [Maron, 1991, S. 214].

Рассмотрение коммуникативной ситуации ABSCHIED в немецком диалогическом дискурсе с точки зрения теории речевых актов позволило выявить факторы и условия формирования исследуемой ситуации. В процессе исследования выяснилось, что речевые акты прощания перформативны, т.е. эквивалентны социальным действиям и поступкам. Это значит, что в акте прощания как перформативном высказывании помимо основной цели (завершение контакта) преследуются дополнительные иллокутивные цели, которые соотносятся с коммуникативными намерениями (интенциями) прощающихся. Проанализированный материал дал возможность составить классификацию типов речевых актов в коммуникативной ситуации прощания в немецком диалогическом дискурсе.

Список литературы

1. Гойхман, О. Я. Речевая коммуникация: учебник [Текст] / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 272 с.
2. Карасик, В. И. Язык социального статуса. [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. – 330 с.
3. Кронгауз, М. А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
4. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение. [Текст] / Дж. Лайонз. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
5. Малинович, М. В. Универсальные смыслы и категории в языке: классические традиции. Современность. Перспективы [Текст] / М. В. Малинович, Ю. М. Малинович // Вестник Иркутск. гос. лингвистич. ун-та. Серия «Филология», 2012. – № 2. – С. 162–170.
6. Мальцева, Д. Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь. [Текст] / Д. Г. Мальцева. – М.: Русские словари, 1998. – 382 с.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высших уч. заведений [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Изд. центр Академия, 2001. – 208 с.
8. Яковлева, Э. Б. Многосторонние формы общения. Полилог как объект лингвистического анализа. Аналитический обзор [Текст] / Э. Б. Яковлева. – М.: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2006. – 72 с.
9. Ярцева, В. Н. Большой энциклопедический словарь «Языкознание». [Текст] / В. Н. Ярцева. – М.: Науч. изд-во Большая Российская Энциклопедия, 2000. – 685 с.
10. Austin, J. L. How to do things with words [Text] / J. L. Austin. – New York: Oxford University Press, 1986. – 167 p.
11. Becker, J. Jakob der Lügner: Roman. [Text] / J. Becker. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1999. – 328 S.

12. Brückner, C. Nirgendwo in Poenichen: Roman. ungekürzte Ausg., 11. Aufl. [Text] / C. Brückner. – Frankfurt a. M.; Berlin: Ullstein, 1990. – 317 S.
13. Döblin, A. Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte vom Franz Biberkopf: Roman. 43. Auflage [Text] / A. Döblin. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. – 454 S.
14. Duden. Das Synonymwörterbuch, 4. Aufl. Mannheim 2007 [CD-ROM].
15. Frisch, M. Homofaber: Ein Bericht. [Text] / M. Frisch. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1991. – 203 S.
16. Goethe, J. W. Die Leiden des jungen Werthers = Страдания юного Вертера. Роман. Избранная лирика: Книга для чтения на немецком языке [Text] / J. W. Goethe. – СПб.: Копрона, принт, КАРО, 2005. – 256 с.
17. Keller, G. Novellen [Text] / G. Keller. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1961. – 175 S.
18. Lebert, B. Crazy. [Text] / B. Lebert. – Köln: Goldmann Verlag, 2001. – 175 S.
19. Mann, T. Königliche Hoheit: Roman. [Text] / T. Mann. – Frankfurt a/M: S. Fischer Verlag GmbH, 1997. – 360 S.
20. Maron, M. Stille Zeile sechs: Roman. 5. Auflage. [Text] / M. Maron. – Frankfurt: Verlag GmbH, 1991. – 218 S.
21. Pestum, Jo: Zugeschnappt: Ein Joker-Krimi. [Text] / Jo Pestum. – Stuttgart; Wien; Bern: Thiermann, 1998. – 171 S.
22. Reider, K. Schulgeschichten. [Text] / K. Reider. – München : C. Bertelsmann Jugendbuch Verlag, 2004. – 279 S.
23. Remarque, E. M. Drei Kameraden [Text] / E. M. Remarque. – М.: НВИ-Тезаурус, 2000. – 400 S.
24. Remarque, E. M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben: Roman. на нем. яз. [Text] / E. M. Remarque. – М.: Юпитер-Интер, 2004. – 356 S.
25. Roth, G. Landläufiger Tod. 2. Auflage. Band 3. [Text] / G. Roth. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2001. – 795 S.
26. Schnitzler, A. Traumnovelle: Novelle [Text] / A. Schnitzler. – München: Süddeutsche Zeitung GmbH, 2004. – 93 S.
27. Weiskopf, F. C. Abschied vom Frieden (1913-1914): Roman [Text] / F. C. Weiskopf. – Berlin: Dietz Verlag, 1955. – 490 S.

References

1. Gojzman, O. Ja. Rechevaja komunikacija: uchebnik [Tekst] / O. Ja. Gojzman, T. M. Nadeina. – М.: INFRA-M, 2003. – 272 s.
2. Karasik, V. I. Jazyk social'nogo statusa. [Tekst] / V. I. Karasik. – М.: In-t jazykoznanija RAN, 2002. – 330 s.
3. Krongauz, M. A. Semantika: Uchebnik dlja stud. lingv. fak. vyssh. uceb. zavedenij [Tekst] / M. A. Krongauz. – 2-e izd., ispr. i dop. – М.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2005. – 352 s.
4. Lajonz, Dzh. Lingvisticheskaja semantika: Vvedenie. [Tekst] / Dzh. Lajonz. – М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. – 400 s.
5. Malinovich, M. V. Universal'nye smysly i kategorii v jazyke: klassicheskie tradicii. Sovremennost'. Perspektivy [Tekst] / M. V. Malinovich, Ju. M. Malinovich // Vestnik IGLU, 2012. – S. 162–170.
6. Mal'ceva, D. G. Germanija: strana i jazyk. Landeskunde durch die Sprache. Lingvostranovedcheskij slovar'. [Tekst] / D. G. Mal'ceva. – М.: Russkie slovari, 1998. – 382 s.
7. Maslova, V. A. Lingvokul'turologija: uceb. posobie dlja stud. vysshih uch. zavedenij [Tekst] / V. A. Maslova. – М.: Izd. centr Akademija, 2001. – 208 s.

8. Jakovleva, Je. B. Mnogostoronnie formy obshhenija. Polilog kak ob#ekt lingvisticheskogo analiza. Analiticheskij obzor [Tekst] / Je. B. Jakovleva. – M.: Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam (INION) RAN, 2006. – 72 s.
9. Jarceva, V. N. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' «Jazykoznanie. [Tekst] / V. N. Jarceva. – M.: Nauch. izd-vo Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija, 2000. – 685 s.
10. Austin, J. L. How to do things with words [Text] / J. L. Austin. – New York: Oxford University Press, 1986. – 167 p.
11. Becker, J. Jakob der Lügner: Roman. [Text] / J. Becker. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1999. – 328 S.
12. Brückner, C. Nirgendwo in Poenichen: Roman. ungekürzte Ausg., 11. Aufl. [Text] / C. Brückner. – Frankfurt a. M.; Berlin: Ullstein, 1990. – 317 S.
13. Döblin, A. Berlin Alexanderplatz. Die Geschichte vom Franz Biberkopf: Roman. 43. Auflage [Text] / A. Döblin. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. – 454 S.
14. Duden. Das Synonymwörterbuch, 4. Aufl. Mannheim 2007 [CD-ROM].
15. Frisch, M. Homofaber: Ein Bericht. [Text] / M. Frisch. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1991. – 203 S.
16. Goethe, J. W. Die Leiden des jungen Werthers = Stradanija junogo Vertera. Roman. Izbrannaja lirika: Kniga dlja chtenija na nemeckom jazyke [Text] / J. W. Goethe. – SPb.: Korona, print, KARO, 2005. – 256 s.
17. Keller, G. Novellen [Text] / G. Keller. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1961. – 175 S.
18. Lebert, B. Crazy. [Text] / B. Lebert. – Köln: Goldmann Verlag, 2001. – 175 S.
19. Mann, T. Königliche Hoheit: Roman. [Text] / T. Mann. – Frankfurt a/M: S. Fischer Verlag GmbH, 1997. – 360 S.
20. Maron, M. Stille Zeile sechs: Roman. 5. Auflage. [Text] / M. Maron. – Frankfurt: Verlag GmbH, 1991. – 218 S.
21. Pestum, Jo: Zugeschnappt: Ein Joker-Krimi. [Text] / Jo Pestum. – Stuttgart; Wien; Bern: Thiermann, 1998. – 171 S.
22. Reider, K. Schulgeschichten. [Text] / K. Reider. – München : C. Bertelsmann Jugendbuch Verlag, 2004. – 279 S.
23. Remarque, E. M. Drei Kameraden [Text] / E. M. Remarque. – M.: NVI-Tezaurus, 2000. – 400 S.
24. Remarque, E. M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben: Roman. na nem. jaz. [Text] / E. M. Remarque. – M.: Jupiter-Inter, 2004. – 356 S.
25. Roth, G. Landläufiger Tod. 2. Auflage. Band 3. [Text] / G. Roth. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2001. – 795 S.
26. Schnitzler, A. Traumnovelle: Novelle [Text] / A. Schnitzler. – München: Süddeutsche Zeitung GmbH, 2004. – 93 S.
27. Weiskopf, F. C. Abschied vom Frieden (1913-1914): Roman [Text] / F. C. Weiskopf. – Berlin: Dietz Verlag, 1955. – 490 S.

**ФОНЕТИЧЕСКИЙ СИНГАРМОНИЗМ
В АМЕРИКАНСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ****PHONETIC VOWEL HARMONY
IN AMERICAN SPONTANEOUS SPEECH****Аннотация**

Статья посвящена акустическим характеристикам некоторых безударных качественно редуцированных гласных в американской спонтанной речи. Гипотеза исследования состояла в том, что такие факторы как безударность, окружающие гласные и согласный контекст оказывают комплексное влияние, координируя фонетические характеристики указанных гласных, приводя в ряде случаев к фонетическому сингармонизму. Подобное влияние наблюдается как в предударных, так и в заударных позициях. Результаты акустического анализа подтвердили выдвинутую гипотезу и позволили выявить три типа фонетического сингармонизма, обладающих разной частотностью: [ɪ]-образный, [ɜ]-образный и [ɔ]-образный. Других типов зафиксировано не было.

Abstract

The current research deals with the acoustic features of some unstressed vowels in American spontaneous speech. We hypothesize that such complex of factors as unstressed position, surrounding vowels and surrounding consonants have the impact on the reduced unstressed vowels coordinating their phonetic features and leading to the vowel harmony in certain instances. Such an impact is observed both in pre-stressed and post-stressed positions. The results of the acoustic study proved the hypothesis and enabled to single out three types of phonetic vowel harmony: [ɪ]-type, [ɜ]-type and [ɔ]-type. No other types were found.

Ключевые слова: фонетический сингармонизм, формантные значения, согласный контекст.

Keywords: phonetic vowel harmony, formant values, surrounding consonants.

1. Введение

В научных работах по фонетике и фонологии выделяют два типа сингармонизма: фонологический и фонетический. Первый тип общеизвестен и

подробно описан, в частности, в работе выдающегося отечественного языковеда В. Б. Касевича (см. раздел «Сингармонизм» в работе «Морфонология» [Касевич, 2006, с. 345–357]). По словам В. Б. Касевича, во-первых, законы сингармонизма определяют фонологический облик морфем, диктуя, какие фонемы могут сочетаться в пределах морфемы, а какие – нет; во-вторых, фонемы аффиксов в сингармонистических языках варьируют в зависимости от фонологических характеристик корня; в-третьих, законы сингармонизма определяют фонологический облик слова (словоформы) в целом [Касевич, 2006, с. 345].

Под фонологическим сингармонизмом К. Гуссенховен и Х. Джейкобс понимают ассимиляцию, которая может распространяться на несколько слогов. Как отмечают исследователи, в некоторых языках невозможна определённая комбинация гласных в слове. Например, если в слове в финском языке есть гласные заднего ряда, то оно не может содержать гласные переднего ряда [Gussenhoven et al., 1998, с. 191]. По словам Дж. Кларка и К. Яллопа примеры фонологического сингармонизма можно найти в турецком и венгерском языках. Так в турецком языке гласные кроме первой могут быть немного огубленными и высокого подъёма: другие характеристики таких гласных как бы «заимствуются» у первой гласной в слове. Сингармонизм не является лишь результатом коартикуляции гласных, но он так же связан с укладом губ и позицией языка, которые должны влиять на согласные, находящиеся между данными гласными [Clark et al, 1999, с. 399]. Сингармонизм носит фонологический характер и выполняет дистрибутивную функцию, например, в эвенкийском языке [Морозова и др., 2014, с. 92], тувинском и тюркских языках [Селютина, 2008, с. 72].

Согласно Дж. Охала, под фонетическим сингармонизмом понимается ассимилятивное (о видах ассимиляции см. в работе Ю. С. Маслова [Маслов, 2007, с. 47–48]) влияние гласного одного слога на гласный находящегося рядом слога [Ohala, 1994, с. 378]. Как отмечает В. И. Кузнецов, в слабой позиции возрастает влияние контекста, в том числе и влияние гласных соседних слогов и даже слов [Кузнецов, 1997, с. 42] (так же о влиянии согласного контекста на акустические характеристики безударных редуцированных гласных см. в работах С. В. Андросовой и Ю. С. Луганцевой [Луганцева и др., 2009; Lugantseva, 2015]). Эту же точку зрения подтверждают исследования К. Фаулер, которая отмечает, что ударные гласные влияют на акустические характеристики безударных гласных. Она подчёркивает, что влияние ударного гласного на последующий безударный гласный больше, чем влияние ударного гласного на предыдущий безударный гласный [Fowler, 1980, с. 127, 131]. М Гросвальд отмечает, что указанное влияние может быть дистантным и распространяться на гласные трёх прилежащих слогов. Такое дистантное влияние хорошо воспринимается на слух, что подтвердили перцептивные эксперименты [Grosvald, 2009, с. 185].

Общеизвестно, что английский язык не относится к языкам, где сингармонизм носит фонологический характер. Однако, учитывая свойства связной речи, можно выдвинуть гипотезу о наличии неоднократных случаев фонетического сингармонизма в потоке речи, обусловленных, во-первых, безударностью как таковой, во-вторых, дистантным воздействием на безударные гласные окружающих гласных, как ударных, так и безударных, в-третьих,

поддерживающим контактным влиянием согласных. Указанные три фактора координируют фонетические свойства безударных гласных, вызывая фонетический сингармонизм. Для проверки данной гипотезы было проведено акустическое исследование.

2. Случаи фонетического сингармонизма

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужила спонтанная монологическая речь трёх дикторов (D1, D2, D3) – носителей американского варианта английского языка (SA). Возраст дикторов – 33–50 лет, образование – высшее. В ходе предварительной беседы выяснилось, что 1) никто из дикторов не сослался на проблемы со слухом и нарушения речи, 2) хотя дикторы происходят из разных регионов США, в их речи проявлялась большая произносительная общность и, по нашей предварительной оценке, не наблюдалось заметных диалектных черт. Экспертная группа, состоящая из трёх фонетистов (специалистов в области американского варианта английского языка) при прослушивании образцов речи никаких ярких диалектных черт не отметила. Это позволило рассматривать дикторов как носителей стандартного американского варианта английского языка (SA).

Дикторам был предложен список вопросов, на которые они должны были ответить без предварительной подготовки. При ответе на каждый вопрос дикторам рекомендовалось говорить не менее 2 минут. В процессе записи дикторы не выказывали боязни микрофона и вели себя естественно.

Запись материала осуществлялась в лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков Амурского государственного университета. Запись производилась с микрофона через микшерный пульт на звуковую плату компьютера при помощи программы Audacity. Микрофон был закреплён на расстоянии 2,5 см от лица говорящего. Параметры оцифровки: частота дискретизации – 44 кГц, разрядность – 16 бит, моно. В результате записи были получены спонтанные монологи, которые подверглись сегментации, акустическому анализу и количественной обработке.

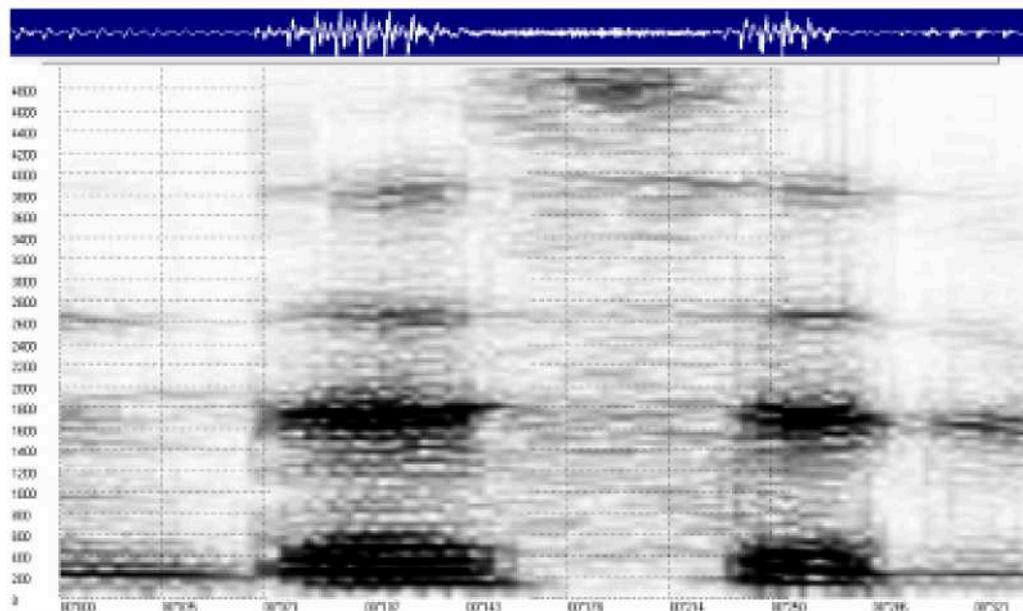
2.2. Результаты акустического анализа

В ходе акустического анализа безударных редуцированных гласных на предварительном этапе было выявлено 20 случаев фонетического сингармонизма.

Примеры фонетического сингармонизма наблюдаются в речи всех трёх дикторов. По формантным характеристикам – значениям первой и второй формант (далее – F1 и F2 соответственно) – их условно можно разделить на три типа: [ɪ]-образный, [ɜ]-образный и [ɔ]-образный. Других типов на предварительном этапе обработки экспериментального материала отмечено не было. Опишем акустические характеристики ярких примеров указанного фонетического явления.

2.2.1. [ɪ]-образный фонетический сингармонизм

В слове *disadvantage* в речи D2 (см. рис. 1) во втором предупредном слого F1 составило 410 Гц, F2 – 1720 Гц. В данном случае соседство с переднеязычным, а так же влияние гласного /ɪ/ предыдущего слога, для которого значение F1 составило 374 Гц, а F2 – 1729 Гц, способствовали реализации *ɪ*-образного гласного. Это согласуется с данными Дж. Охала о сильном влиянии гласных переднего ряда [Ohala, 1994, с. 378].

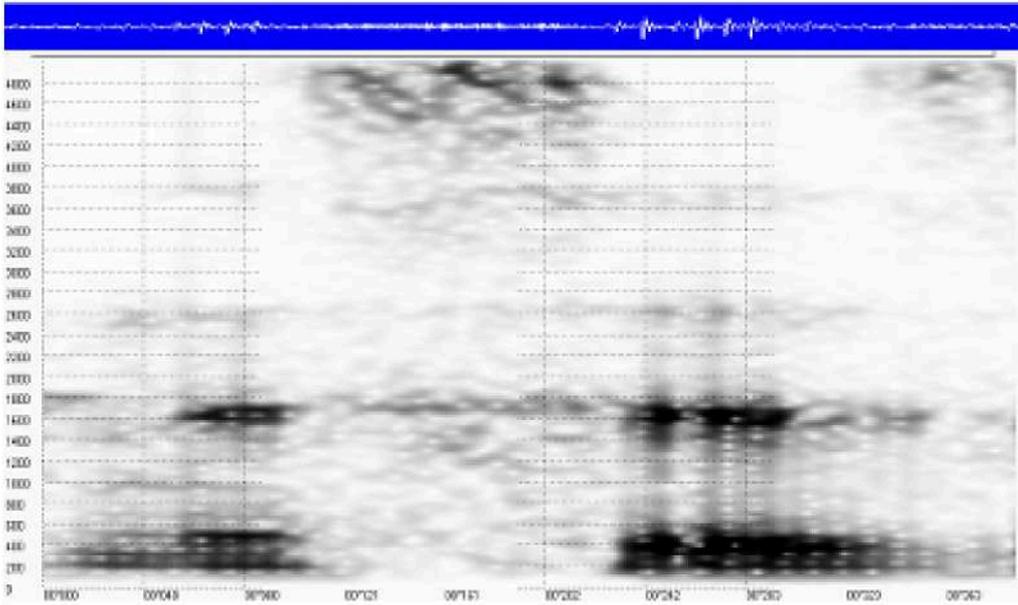

Р и с у н о к 1. Реализация части слова *disadvantage*

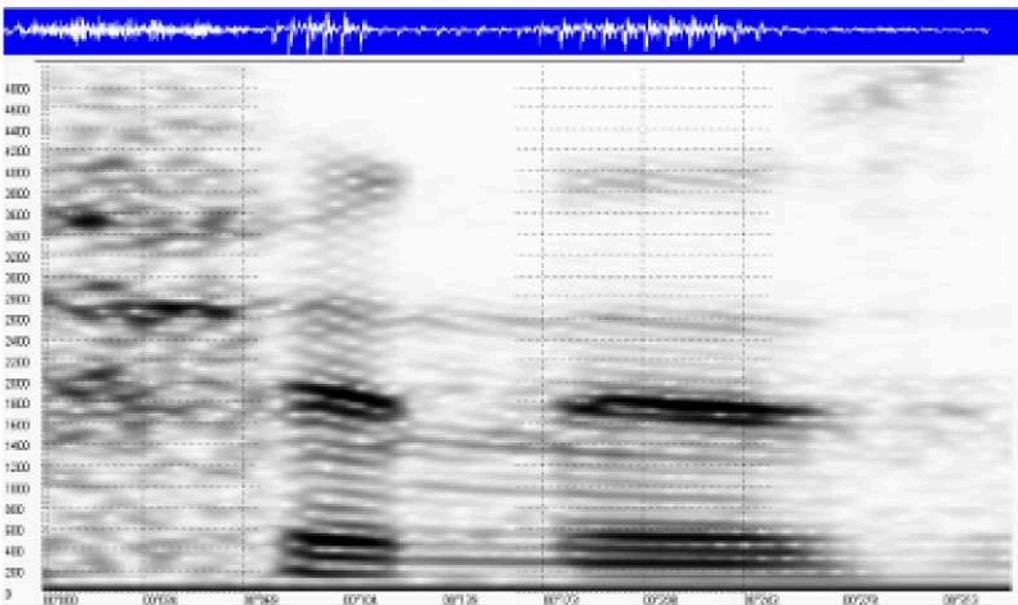
Схожее фонетическое явление отмечается и у того же диктора, где в первом заударном слого в слове *businesses* (см. рис. 2) значение F1 составило 417 Гц, F2 – 1527 Гц. В данном случае отмечается противоположное влияние носового сонанта /n/ (понижающее) и переднеязычного согласного /s/ (повышающее) на F2, значение которой концентрируется в области, промежуточной между гласными переднего отодвинутого назад ряда и центрального ряда. В ударном слого F1 составляет 417 Гц, а F2 – 1665 Гц. Формантные значения ударного и первого заударного гласных могут быть сопоставимы, учитывая диапазон значений ударного /ɪ/: F1 варьировала от 359 Гц до 568 Гц, а F2 – 1484 Гц до 1797 Гц [Деркач, 2003, с. 111].

В речи D2 отмечены случаи фонетического сингармонизма безударных сегментов. В словосочетании *taxation is* (см. рис. 3) F1 первого заударного слога составляет 490 Гц (что обусловлено влиянием глайда предыдущего дифтонга /ei/ и гласного /ɪ/ последующего слова *is* – *taxation is*), а второго – 519 Гц. В первом заударном слого наблюдается перепад значения по F2 (здесь и далее указываются начальное и конечное значения второй форманты – F2_н и F2_к соответственно): F2_н – 1937 Гц, F2_к – 1795 Гц; во втором сегменте такого перепада нет, что связано с иным согласным контекстом. Стоит отметить, что, несмотря на большую длительность, – 85 мс, – гласный в слове *is* не является просодически маркированным и не обладает характеристиками ударного гласного. Высокое значение FII также объясня-

ется соседством с переднеязычными согласными, один из которых (предыдущий) – палатоальвеолярный, фрикативный шум, которого концентрируется в средне-верхних частотах. В этом же примере было отмечено максимальное значение F1 для D2 – 491 Гц. Данное значение немногим отличается от среднего значения F1 для гласного /i/ в ударной позиции по литературным данным [Hillebrand et al., 1995, 3103].

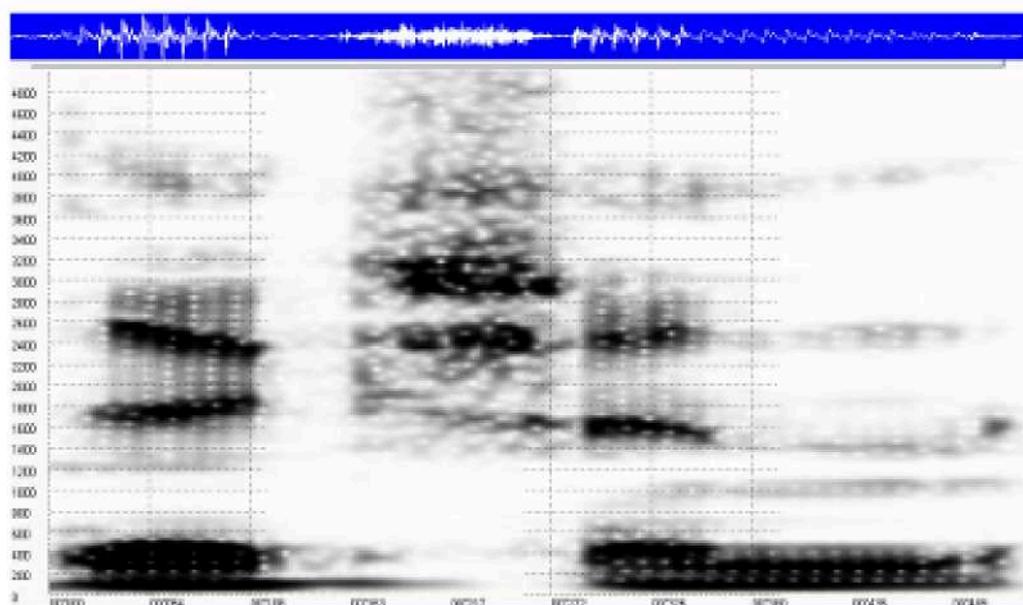
Р и с у н о к 2. Реализация части слова **businesses**

Р и с у н о к 3. Реализация сегмента из словосочетания **taxation is**

В слове *addiction* в речи D3 (см. рис. 4) в заударном слоге отмечено максимальное значение F1 – 455 Гц. В данном случае наблюдается незначительный перепад по F2: F2_н – 1644 Гц, F2_к – 1560 Гц, что объясняется соседством с носовым сонантом /n/. Формантные значения ударного слога следующие:

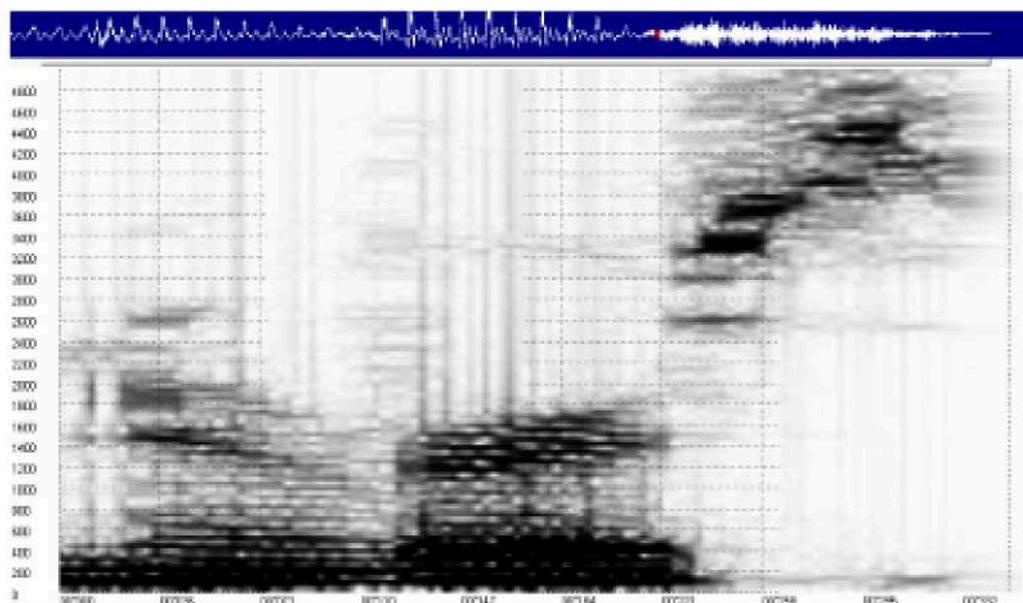
F1 – 453 Гц, F2 – 1758 Гц. Результаты акустического анализа позволяют говорить о фонетическом сингармонизме и в данном случае.

Р и с у н о к 4. Реализация части слова **addiction**

2.2.2. [э]-образный фонетический сингармонизм

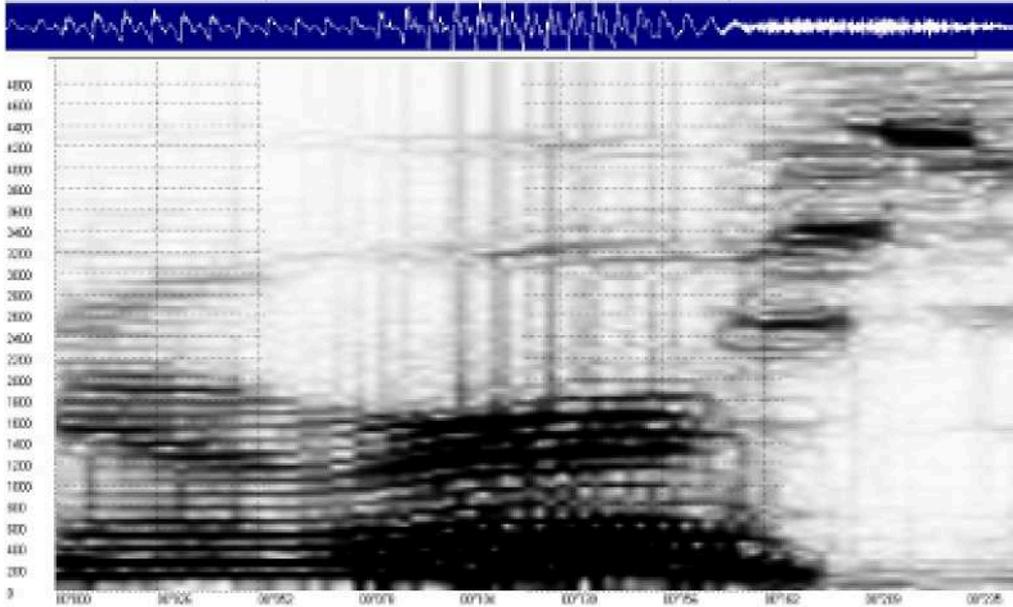
Такой пример зафиксирован в речи D1 в слове *university*. Для гласного первого предударного слога F1 составила 455 Гц, F2 – 1480 Гц. F1 ударного слога имеет значение 455 Гц, F2 – 1309 Гц – данные вполне сопоставимы и характерны для гласного /э/.

Р и с у н о к 5. Реализация части слова **university**

Фонетический сингармонизм в данном слове в речи D1 является типичным. В речи данного диктора это слово встретилось пятнадцать раз. Фонетический сингармонизм был зафиксирован во всех этих словоупотреблениях.

Подобная реализация, с одной стороны, обусловлена антиципационным влиянием ударного гласного, навязывающего ретрофлексию, а с другой – поддерживается конфликтующим согласным контекстом, в котором переднеязычный предшествующий и губно-зубной последующий согласные обеспечивают центральный характер гласного.

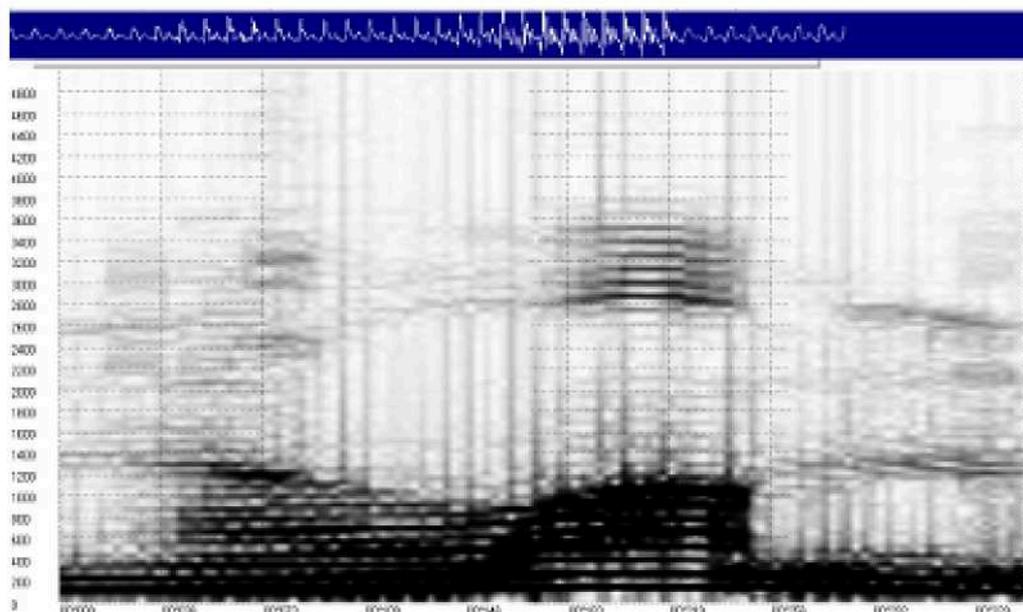

Р и с у н о к 6. Реализация части слова *rice university*

В данном случае у первого предударного гласного $F1 = 493$ Гц, $F2_n = 1461$ Гц, $F2_k = 1300$ Гц. Эти значения сопоставимы с формантными значениями ударного слога: $F1 = 493$ Гц, $F2 = 1337$ Гц. При анализе перцептивных характеристик было выявлено, что анализируемый безударный сегмент в 81% случаев воспринимается как слово *nerve* [Андросова, 2010, с. 205, 257].

2.2.3. [ɔ]-образный фонетический сингармонизм

Самый редкий случай сингармонизма отмечен в словосочетании *an alumni*. В первом предударном слоге был реализован ɔ -образный гласный. Этому способствовал согласный контекст (соседство с носовым сонантом и «тёмным» плавным латеральным), а так же ударный слог, где был реализован гласный со схожими формантными характеристиками. Открытость гласного сохраняется даже в безударном положении, что не характерно для гласных четвертого ранга ударности при отсутствии паузы. В первом предударном слоге $F1$ составила 664 Гц, $F2 = 1205$ Гц. Такие значения характерны для открытого гласного заднего ряда, которым и является гласный [ɔ]. В ударном слоге $F1$ составила 683 Гц, $F2_n = 982$ Гц, $F2_k = 1043$ Гц, что так же указывает на реализацию гласного [ɔ] на месте канонического /ʌ/. Перепад по $F2$ обусловлен соседством с плавным «тёмным» латеральным /l/.

Р и с у н о к 7. Реализация сегмента из словосочетания *an alumni*

3. Выводы

Акустический анализ спонтанной речи показывает, что фонетический сингармонизм достаточно распространённый феномен в американской спонтанной речи. Он является результатом координирующего влияния трёх факторов – безударности, окружающих ударных и безударных гласных и согласного контекста, – которому подвержены гласные как в предударных, так и в заударных позициях.

Согласно формантной структуре были выявлены три типа фонетического сингармонизма, обладающих разной частотностью: [ɪ]-образный (4 случая), [ɜ]-образный (15 случаев) и [ɔ]-образный (1 случай). Других типов зафиксировано не было.

Нельзя не отметить, что в условиях ограниченного контекста типа CVC носители языка опознают качественно изменённые в результате фонетического сингармонизма безударные гласные в соответствии с их акустическими характеристиками (подробнее о перцептивных характеристиках см. в нашей предыдущей работе [Луганцева, 2010, с. 60–64].

Для выявления более полной картины фонетического сингармонизма, а именно типов по гласным и частотности каждого типа, необходимо проведение дополнительных исследований.

Список литературы

1. Андросова, С. В. Слог как единица координации (экспериментально-фонетическое исследование на материале спонтанной речи) [Текст] / С. В. Андросова. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2010. – 272 с.
2. Деркач, С. В. Фонетические свойства гласных в спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка) [Текст] : дис. ...канд. филол. наук : 10. 02. 19 / Деркач Светлана Викторовна ; С-Петербург. гос. ун-т. – СПб, 2003. – 209 с.

3. Касевич, В. Б. Морфонология // Труды по языкознанию [Текст] / В. Б. Касевич. – СПб. : Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. – С. 239–370.
4. Кузнецов, В. И. Вокализм связной речи [Текст] / В. И. Кузнецов. – СПб. : Изд-во С-Петербург. гос. ун-та, 1997. – 248 с.
5. Луганцева, Ю. С. Акустические характеристики безударных редуцированных гласных в американской спонтанной речи [Текст] / Ю. С. Луганцева, С. В. Андросова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. – 2009. – № 3. – С. 209–215.
6. Луганцева, Ю. С. Перцептивные характеристики безударных редуцированных гласных [Текст] / Ю. С. Луганцева // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение / гл. ред. А. Ю. Шатин. – Челябинск, 2010. – 34 (215). – С. 60–64.
7. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание [Текст] / Ю. С. Маслов. – 6-е изд., стер. – М.: СПб : Изд-во Филол. фак., Академия, 2007 (1-е изд. 1975). – 303 с.
8. Морозова, О. Н. Некоторые особенности реализации гласных и согласных эвенкийского языка и их обозначение на письме [Текст] / О. Н. Морозова, А. Лаврилье, А. Н. Болелая // Актуальные проблемы фонетики и методики преподавания иностранных языков: Материалы XI регионального научно-исследовательского семинара, посвященного памяти профессора Л. В. Бондарко / редкол. С. И. Гусева [и др.]. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2014. – С.84–97.
9. Селютина, И. Я. Фарингализация как типологический признак звуковых систем в тюркских языках Южной Сибири [Текст] / И. Я. Селютина // Вестник ВЭГУ. – 2008. – № 4 (36). – С. 69–75.
10. Acoustic characteristics of American English vowels [Text] / J. Hillebrand, L. A. Getty, M. J. Clark et al. // JASA – 1995. – Vol. 97. – N 4. – P. 3099–3111.
11. Clark, J An Introduction to Phonetics and Phonology [Text] / J. Clark, C. Yallop. – [S.1.]: [S.n.], 1999 – 473 p.
12. Fowler, C. A. Production and perception of coarticulation of stressed and unstressed vowels [Text] / C. A. Fowler // Journal of Speech and Hearing Research. – 1980. – P. 1271.
13. Grosvald, M. Interspeaker variation in the extent and perception of long-distance vowel-to-vowel coarticulation [Text] / M. Grosvald // J. of Phonetics. – 2009. – Vol. 37, N 2. – P. 173–188.
14. Gussenhoven, C. Understanding Phonology [Text] / C. Gussenhoven, H. Jacobs. – Beijing : Edward Arnold Limited, 1998. – 295 p.
15. Lugantseva, Y. American Vowels in Terms of Word Stress and Accent (in American Spontaneous Speech and Singing) / Y. Lugantseva // Phonetics without borders: Proceedings of the 2nd International Conference (Blagoveshchensk, June 9–11, 2014) / ed. by S. V. Androsova. – Blagoveshchensk : Amur State University, 2015. – P. 55–59.
16. Ohala, J. J. Hierarchies of environments for sound variation; plus implications for neutral vowels in vowel harmony [Текст] / J. J. Ohala // Acta Linguistica Hafniensia. – 1994. – Vol. 27. – P. 371–372.

References

1. Androsova, S. V. Slog kak edinica koordinacii (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale spontannoј rechi) [Текст] / S. V. Androsova. – Blagoveshchensk : Izd-vo AmGU, 2010. – 272 s.
2. Derkach, S. V. Foneticheskie svojstva glasnyh v spontannoј rechi (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka) [Текст] : dis. ...kand. filol. nauk : 10. 02. 19 / Derkach Svetlana Viktorovna ; S-Peterb. gos. un-t. – SPb, 2003. – 209 s.

3. Kasevich, V. B. Morfonologija // Trudy po jazykoznaniju [Tekst] / V. B. Kasevich. – SPb. : Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, 2006. – S. 239–370.
4. Kuznecov, V. I. Vokalizm svjaznoj rechi [Tekst] / V. I. Kuznecov. – SPb. : Izd-vo S-Peterb. gos. un-ta, 1997. – 248 s.
5. Luganceva, Ju. S. Akusticheskie karakteristiki bezudarnyh reducirovannyh glasnyh v amerikanskoj spontannoj rechi [Tekst] / Ju. S. Luganceva, S. V. Androsova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. – 2009. – № 3. – S. 209–215.
6. Luganceva, Ju. S. Perceptivnye karakteristiki bezudarnyh reducirovannyh glasnyh [Tekst] / Ju. S. Luganceva // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie / gl. red. A. Ju. Shatin. – Cheljabinsk, 2010. – 34 (215). – S. 60–64.
7. Maslov, Ju. S. Vvedenie v jazykoznanie [Tekst] / Ju. S. Maslov. – 6-e izd., ster. – M.: SPb : Izd-vo Filol. fak., Akademija, 2007 (1-e izd. 1975). – 303 s.
8. Morozova, O. N. Nekotorye osobennosti realizacii glasnyh i soglasnyh jevenkijskogo jazyka i ih oboznachenie na pis'me [Tekst] / O. N. Morozova, A. Lavril'e, A. N. Boelaja // Aktual'nye problemy fonetiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov: Materialy XI regional'nogo nauchno-issledovatel'skogo seminaru, posvjashhennogo pamjati professora L. V. Bondarko / redkol. S. I. Guseva [i dr.]. – Blagoveshhensk : Amurskij gos. un-t, 2014. – S. 84–97.
9. Seljutina, I. Ja. Faringalizacija kak tipologicheskij priznak zvukovyh sistem v tjurkskih jazykah Juzhnoj Sibiri [Tekst] / I. Ja. Seljutina // Vestnik VJeGU. – 2008. – № 4 (36). – S. 69–75.
10. Acoustic characteristics of American English vowels [Text] / J. Hillebrand, L. A. Getty, M. J. Clark et al. // JASA – 1995. – Vol. 97. – N 4. – P. 3099–3111.
11. Clark, J An Introduction to Phonetics and Phonology [Text] / J. Clark, C. Yallop. – [S.l.]: [S.n.], 1999 – 473 p.
12. Fowler, C. A. Production and perception of coarticulation of stressed and unstressed vowels [Text] / C. A. Fowler // Journal of Speech and Hearing Research. – 1980. – P.127–139.
13. Grosvald, M. Interspeaker variation in the extent and perception of long-distance vowel-to-vowel coarticulation [Text] / M. Grosvald // J. of Phonetics. – 2009. – Vol. 37, N 2. – P. 173–188.
14. Gussenhoven, C. Understanding Phonology [Text] / C. Gussenhoven, H. Jacobs. – Beijing : Edward Arnold Limited, 1998 – 295 p.
15. Lugantseva, Y. American Vowels in Terms of Word Stress and Accent (in American Spontaneous Speech and Singing) / Y. Lugantseva // Phonetics without borders: Proceedings of the 2nd International Conference (Blagoveshchensk, June 9–11, 2014) / ed. by S. V. Androsova. – Blagoveshchensk : Amur State University, 2015. – P. 55–59.
16. Ohala, J. J. Hierarchies of environments for sound variation; plus implications for neutral vowels in vowel harmony [Текст] / J. J. Ohala // Acta Linguistica Hafniensia. – 1994. – Vol. 27. – P. 371–372.

**Артикуляторно-акустические характеристики
переднеязычного глухого смычного /т/
в эвенкийском языке**

**ARTICULATORY AND ACOUSTIC FEATURES
OF THE FORE-LINGUAL VOICELESS PLOSIVE CONSONANT /T/
IN THE EVENKI LANGUAGE**

Аннотация

В статье рассматриваются артикуляторные и акустические характеристики эвенкийского переднеязычного глухого смычного согласного /т/. Аллофоны согласного /т/ исследуются во всех позициях его употребления. В результате слухового и спектрального видов анализа определен набор свойственных данному согласному аллофонов. В их число входят импловивные и слабопридыхательные аллофоны /т/, которым несвойственны спирализация, палатализация и полное озвончение. Аффрикатизации эвенкийский /т/ подвержен только в начальной позиции перед гласными переднего ряда.

Abstract

The paper deals with articulatory and acoustic features of the Evenki fore-lingual voiceless plosive consonant /t/. Allophones of the consonant /t/ are researched in all positions of its realization. The results of auditory and spectrum analyses are a set of allophones of /t/, including implosive and weakly aspirated ones without effect of spirantization, palatalization and full voicing. Affricated Evenki /t/ is realized only in the initial position before front vowels.

Ключевые слова: эвенкийский язык, селемджинский говор, вариативность единиц звукового уровня языка, согласные, артикуляторные и акустические характеристики

Keywords: Selemdzha variety of the Evenki language, allophonic variation of the sound system of the language, consonants, articulatory and acoustic features

**1. Социолингвистическая ситуация
у селемджинских эвенков Амурской области**

Артикуляционно-акустическая база как динамический стереотип, видоизменяясь, передаётся из поколения в поколение в своих существенных чер-

тах до тех пор, пока этнос сохраняется как компактная общность [Селютина 2011, с. 14]. Известно, что освоение артикуляционно-акустической базы происходит у ребенка в возрасте от девяти месяцев до двух лет в процессе общения с матерью (другим воспитателем). Позднее же – от двух до пяти лет – присущий этносу динамический стереотип артикуляционно-акустических привычек закрепляется в сознании на всю жизнь. Многочисленные исследования артикуляторных баз этносов Сибири и сопредельных регионов, проводимые Лабораторией экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН, демонстрируют факт социальной природы артикуляционно-акустической базы этноса, нежели биологической. Данное обстоятельство говорит об определяющей в формировании артикуляционно-акустической базы роли окружающей ребёнка социальной среды, а не особенностей речевого аппарата представителей этноса [там же, с. 16].

В ходе изучения социолингвистической ситуации у селемджинских эвенков Амурской области были выявлены обстоятельства, определяющие усвоение эвенкийскими детьми черт артикуляционного уклада, свойственного русскоязычному населению. Так, в 70-е гг. прошлого столетия на территории с. Ивановского Селемджинского района Амурской области начинает работу детский комбинат для эвенкийских детей (аналог современного комбинированного детского сада-яслей), где малыши с двухмесячного возраста круглосуточно находятся в течение пяти дней в неделю. Только в выходные у родителей есть возможность провести время с ребёнком в кругу семьи. Персонал в Ивановском детском комбинате, а затем в средней общеобразовательной школе, состоял из смешанного русскоязычного и эвенкоязычного населения. Важно отметить, что общение воспитателей и учителей с детьми и обучение в школе осуществлялось на русском языке. Эвенкийский язык в школе преподавался только на начальном этапе – со второго по четвёртый класс. Согласно данным анкетирования, проведённого в июле 2011 г. 52–53-летние представители селемджинского говора эвенкийского языка ещё обладают связной речью на эвенкийском языке, 45-летние селемджинские эвенки, воспитывающиеся в детских комбинатах, уже не говорят на родном языке, хотя знают много отдельных эвенкийских слов, используемых в традиционной хозяйственной деятельности [Морозова, 2014, с. 212].

Кроме того, необходимо констатировать, что фонетическая сторона исконно эвенкийской лексики, характеризующей традиционный уклад жизни, в речи среднего и молодого поколений селемджинских эвенков претерпела значительные изменения. Это касается в первую очередь, артикуляционного уклада произносительных органов, который характеризуется своей дорсальной природой в отличие от свойственной эвенкийскому языку апикальной (кончик языка при производстве речи поднят к верхним альвеолам). По нашим данным, 8 человек старшего поколения из 330 жителей села (2% всего населения) сохраняет национальный апикальный уклад артикуляции. Произнесение дорсальных эвенкийских согласных вместо апикальных на слух малозаметно. Однако этот незаметный перенос в эвенкийскую речь типичных произносительных особенностей русского языка говорит о смене у современных эвенков языковых механизмов производства и восприятия родной речи.

Учитывая вышеизложенное, к носителям селемджинского говора эвенкийского языка, речь которых нами планировалось использовать с целью изучения вариативности эвенкийских гласных и согласных, предъявлялись определённые требования: 1) усвоение родного языка в кругу семьи с младенческого возраста; 2) непосещение детских комбинатов и иных дошкольных учреждений с русскоязычным персоналом; 3) коммуникация только на родном языке до поступления в школу; 4) постоянное (либо длительное) проживание в охотничьих угодьях, оленеводческих бригадах; 5) ограниченные контакты в течение жизни с русскоязычным населением; 6) возраст старше 60 лет; 7) отсутствие дефектов речи и слуха.

В основу предлагаемой статьи положены данные литературных источников о вариативности реализации эвенкийского переднеязычного смычного взрывного согласного /t/, а также результаты нашего исследования вышеназванного согласного в речи дикторов-носителей селемджинского говора эвенкийского языка.

2. Акустические характеристики аллофонов фонемы /t/

2.1. Материал и методика исследования

В соответствии с указанными выше требованиями по результатам предварительной беседы были выбраны четыре диктора (две женщины и два мужчины), которые являются представителями эвенкийских родов Кангагир, Бута и Эдян.

Аудиозаписи речи селемджинских эвенков были получены в период с 2011 по 2014 гг. в ходе экспедиций в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области [Морозова, 2014, с. 97], а также в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований при кафедре иностранных языков Амурского государственного университета [Морозова, 2014, с. 190].

Цель исследования вариативности фонемы /t/ в эвенкийском языке заключалась в выявлении набора аллофонов вышеупомянутого эвенкийского согласного и сравнение полученных результатов с имеющимися данными о варьировании /t/ в говорах эвенков России. Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач: 1) критический анализ имеющихся экспериментально-фонетических данных о реализации эвенкийского согласного /t/; 2) исследование акустических коррелятов фонем /t/ с помощью слухового и спектрального видов анализа; 3) соотнесение полученных результатов об аллофонном варьировании согласного /t/ с данными литературных источников для решения вопроса о динамике развития звуковой системы современного эвенкийского языка.

2.2. Конкурирование апикального и дорсального укладов

По своим фонетическим характеристикам эвенкийский /t/ – переднеязычный, смычный, глухой, апикального образования, то есть, он артикулируется слегка приподнятым кончиком языка. Согласно анализу палатаграмм, полученных в ходе экспериментов в конце 30 гг. XX столетия М. И. Матусевич, в ербогачёвском говоре эвенкийского языка природа артикулирования апикального /t/ состоит в соприкосновении кончика языка с нёбом на уровне середины первых коренных зубов, у некоторых испытуемых

уже на уровне клыков [Матусевич 1960, с. 138]. Тем не менее, 50 лет спустя после экспериментов в Лаборатории фонетики им. Л. В. Щербы Ленинградского государственного университета, в Лаборатории ЭФИ ИФЛ СО РАН в Новосибирске у эвенков, говорящих на томмотском говоре, регистрируются уже слабодорсальные и дорсальные оттенки переднеязычного /t/, только в редких случаях апикальные. На рентгенограммах и дентопалатограммах артикуляций фонемы /t/ Т. Е. Андреевой в работе 1988 года зафиксирована переднеязычная смычная дорсальная (курсив авт.) артикуляция – кончик языка и прилегающий к нему значительный участок передней части спинки языка соприкасаются с лингвальным склоном зубов и альвеолами, включая их передний и задний склоны [Андреева, 1988, с. 53]. Инициально-превокальные аллофоны /t/ при общей дорсальной настройке различаются по степени дорсальности – от слабодорсальных с контактами в зонах от лингвального склона зубов до гребня альвеол включительно [Андреева, 1988, с. 53].

Фонема /t/ встречается во всех позициях: тākан «колода», тимāнна «утром», силукта «кишка», эптэ «легкое», уткэ́н «длинный нож, пальма», атākī «паук», дэт «болото» [Константинова, 1964, с. 21, Morozova, 2013, с. 237].

2.3. Признак палатализации

Перед гласными переднего ряда фонема /t/ не подвергается палатализации: рисунки палатограмм, показывающие место артикуляции /t/ перед гласными заднего и переднего рядов, почти совпадают [Матусевич, 1960, с. 139]. Тем не менее, о палатализации /t/ на материале разных говоров много пишет Г. М. Василевич [Василевич, 1948]. Причины палатализации переднеязычного глухого смычного /t/, судя по примерам, приведённым автором, разные. Во-первых, смягчение /t/ происходит в результате интерференционного влияния русского языка. Так, «в токмийско-верхо-ленском диалекте палатализованное произношение /t/ характерно для отдельных эвенков и, по предположению Г. М. Василевич, является следствием общения с русскими, говорящими на Ленских говорах. лукт'ан (лит. луктан) «раздел», тат'им (лит. татим) «привык» [Василевич, 1948, с. 92]. Во-вторых, фонема /t/ подвергается палатализации в процессе коартикуляционных влияний: в отдельных верхо-ленских говорах сочетаниям гласных /a/, /i/ с согласным /t/ соответствуют сочетания данных гласных с [t], [t'], [tʃ], например, ауча ~ аута (лит. эвтэ) лёгкие (анатом.), дōлчātчан ~ дōлчātт'ан (лит. дōлчātтэн) «услышал», āннĳātчан ~ āннĳātт'ан (лит. āннĳātт'ан) «заночевал» [Василевич, 1948, с. 93]. В ербогочёнском диалекте переднеязычный /t/ смягчается перед среднеязычным /j/, например, [umukэмэт'jэ] «ни одного», это отмечается в произношении отдельных ербогочёнских эвенков [Василевич, 1948, с. 188]. В-третьих, в ряде диалектов (сымский, илимпийский) палатализованный согласный [t'], по мнению Г. М. Василевич, выделяется как особая фонема, как «диффузный или аффрикативный звук» [Василевич, 1948, с. 63]. При этом в составе консонантной системы таких диалектов имеется и аффриката /tʃ/. Судя по примерам исследователя, данные фонемы /t'/ и /tʃ/ находятся в отношениях свободного варьирования в речи отдельных представителей вышеназванных говоров. Так, в илимпийском диалекте литературному /tʃ/, а в некоторых словах начальному /s/ соответствует /t'/,

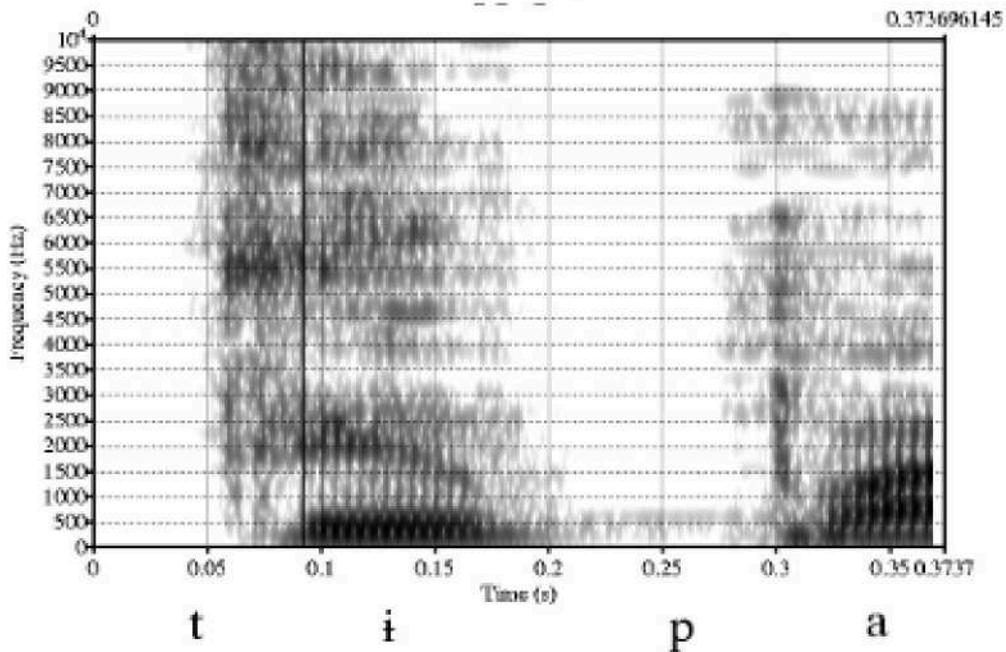
например, ит'эм (лит. ичэм) «увидел», т'иңаракэн (лит. сиңаракэн) «мышь», ит'эмук (лит. ичэмук) «зрачок». В преобладающем числе позиций вместо /tʃ/ реализуется /t'/ [Василевич, 1948, с. 164]. По мнению учёного, наличие звука /t'/ в некоторых эвенкийских диалектах интересно в историческом отношении. По отдельным диалектам и говорам можно наблюдать его распадение на /t/ и /t/, например, «посмотрел» ичэттэн (ербогочёнский, подкаменно-тунгусский) ← ичэтрэн (каларский) ← ичэтт'ән (сымский) → ичэтрэн (каларский) → ичэтсэн (непский) ~ ичэттэн (непский). В селемджинском говоре эвенкийского языка нами также зарегистрирован палатализованный [t'], однако не в позициях употребления непалатализованного /t/, а на месте аффрикаты /tʃ/, в словах типа [kat'ikān] «щенок», [oŋkut'ak] «ямка», [ulkīt'an] «бурундук», [t'ijərəkān] «мышь», [but'ugras] «рябчик» [Морозова, 2014, с. 92].

2.4. Варьирование /t/ по способу образования

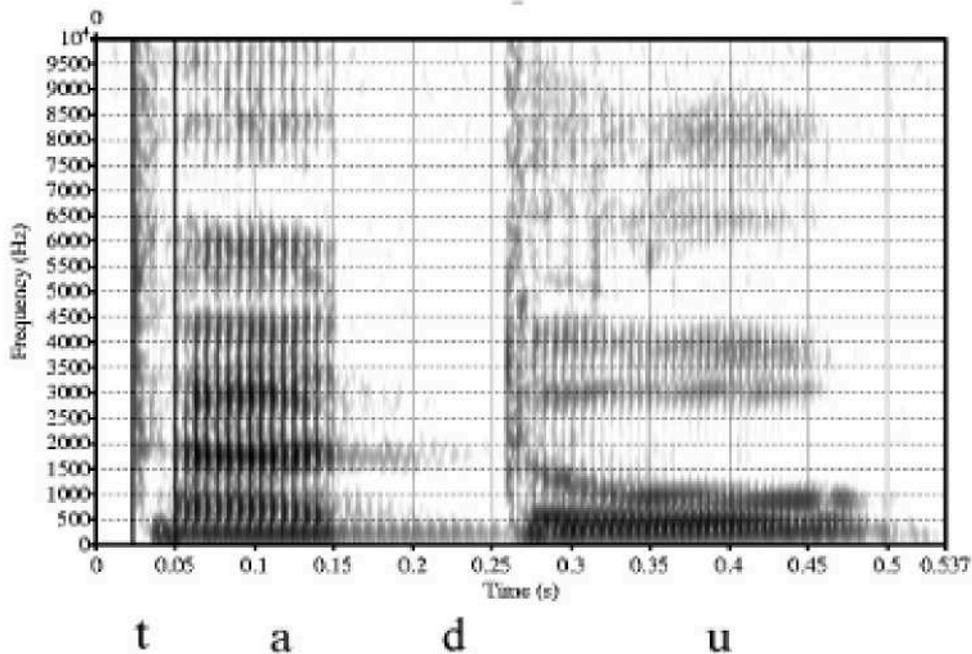
В отношении способа образования начальный /t/ имеет чёткий взрыв. М. И. Матусевич характеризует взрыв эвенкийского начального /t/ как весьма слабовоздушный, о чем есть свидетельства на кимограммах, говорящие о выходе слабой воздушной струи [Матусевич, 1960, с. 139]. В положении перед /i/ в некоторых случаях зафиксированы факты реализации аллофона /t/, приближающегося к аффрикату. Начальное /t/ имеет элемент придыхательности, иногда довольно значительный, иногда менее ярко выраженный. Т. Е. Андреевой при анализе пограмм инициальных оттенков /t/ на материале томмотского говора также констатируется двухкомпонентная смычно-щелевая артикуляция, состоящая из смычной инициали [t] и глухой щелевой финали [θ] [Андреева, 1988, с. 53].

На рисунке 1 приведён пример реализации /t/ в абсолютном начале слова (слово тыпа-мӣ «идти по снегу»). На спектрограмме вертикальной чертой условно отмечена граница между согласным /t/ и следующим за ним узким гласным переднего ряда /i/ (в оттенке [i]). В спектре указанного согласного помимо смычки, длительность которой неясна в силу позиции, выделяются импульсный шум и фаза турбулентного шума длительностью 50 мс, включающая аспирацию в области 1,5–4 кГц и фриктивный шум в средне-верхних частотах – выше 4 кГц. Высокочастотный шум указывает на аффрикатизацию, которой подвергается согласный /t/ в препозиции к гласному переднего ряда.

На рисунке 2 приведён пример реализации /t/ в абсолютном начале слова, но в позиции перед открытым гласным переднего ряда (слово таду «затем»). На спектрограмме метками отмечен участок реализации /t/ от начала импульсного шума до начала следующего гласного /a/. Отличие реализации /t/ на рисунке 1 от реализации /t/ на рисунке 2 состоит в практическом отсутствии турбулентных составляющих у последнего, что привело к сокращению его шумовых составляющих по длительности вдвое – 25 мс по сравнению с 50 мс для первой реализации).

Р и с у н о к 1. Спектрограмма слова тыша-мӣ «идти по снегу»

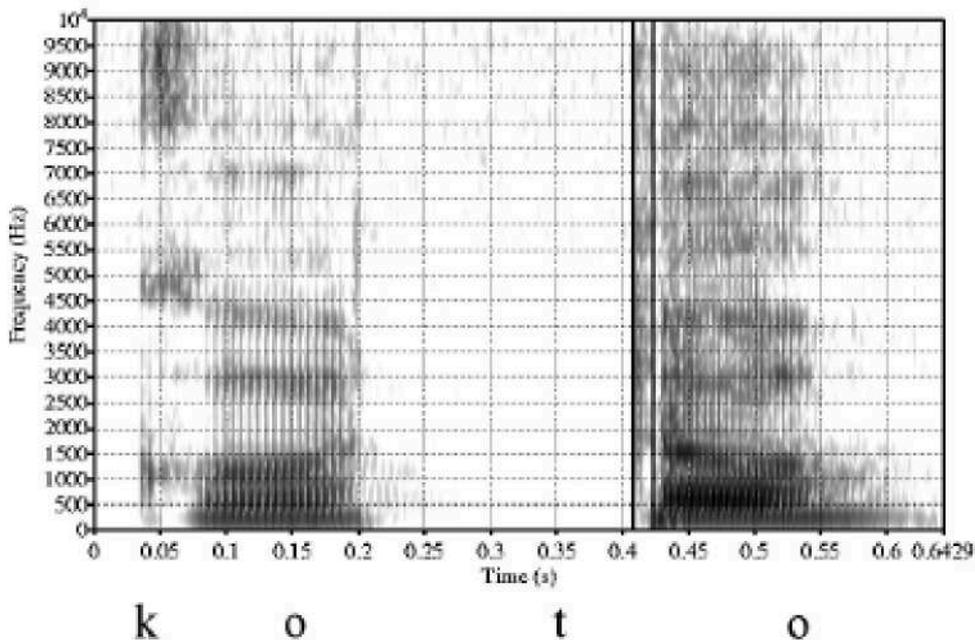

Р и с у н о к 2. Спектрограмма слова таду «затем»

По данным экспериментальных исследований прошлого века в интервокальном положении эвенкийский /t/ остается взрывным, но часто в той или иной мере аффрицируется. На кимограммах, полученных в Лаборатории им. Л. В. Щербы ЛГУ, зафиксированы данные, иллюстрирующие постепенный выход воздушной струи, что свидетельствует о переходе смычки в щель, иначе говоря, о наличии аффрикаты. Тем не менее, в интервокальной позиции /t/ всегда реализуется как смычный; щелевых аллофонов М. И. Матусевич не зарегистрировано [Матусевич, 1960, с. 139]. На материале

селемджинского говора эвенкийского языка реализации аффрицированных и щелевых аллофонов фонемы /t/ в интервокальной позиции в речи селемджинских эвенков не отмечено.

На рисунке 3 представлена реализация переднеязычного глухого смычного /t/ в интервокальной позиции в слове *кото* «нож». На спектре видна длительная смычка (200 мс). Раскрытие смычки сопровождается импульсными составляющими по всей частотной области спектра. Турбулентные составляющие практически отсутствуют.

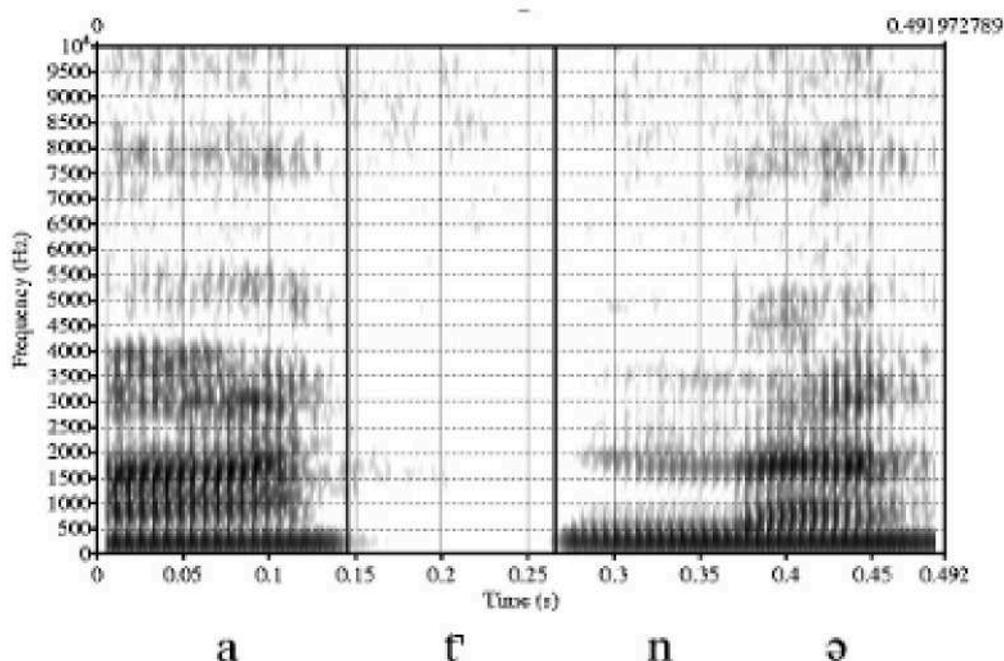

Р и с у н о к 3. Спектрограмма слова *кото* «нож»

В библиографических источниках в позиции перед сонорными согласными в словах типа итмар «затылочные завязки недоуздка оленя», маутламй «арканить», тыматна «завтра», отмечены только оттенки [δt^0] для фонемы /t/, т. е. имеющие в своём компонентном составе начальную звонкую щелевую фазу, серединную смычку и завершающую глухую щель. Кроме того, согласно исследованиям согласный /t/ в томмотском говоре эвенкийского языка реализуется в позиции перед сонорными также как и в интервокальной позиции [Андреева 1988, с. 55]. На нашем материале в позиции перед смычными сонорными /m, n/ согласный /t/ часто реализуется с фаукальным взрывом, перед латеральным /l/ – с боковым взрывом. Смычка у аллофонов /t/ в данной позиции часто реализуется озвончённой. Озвончённая фаза смычки на наш слух не воспринимается. Следует отметить, что в фонетических экспериментах, проведённых исследователями ранее, аллофонов переднеязычного /t/, подверженных озвончению, зафиксировано не было [Матусевич, 1960, с. 140]. Кроме того, на нашем материале в позиции перед сонорными регистрируются имплозивные аллофоны согласного /t/ (акустически – ноль звука). В качестве примера на спектрограмме звукового сег-

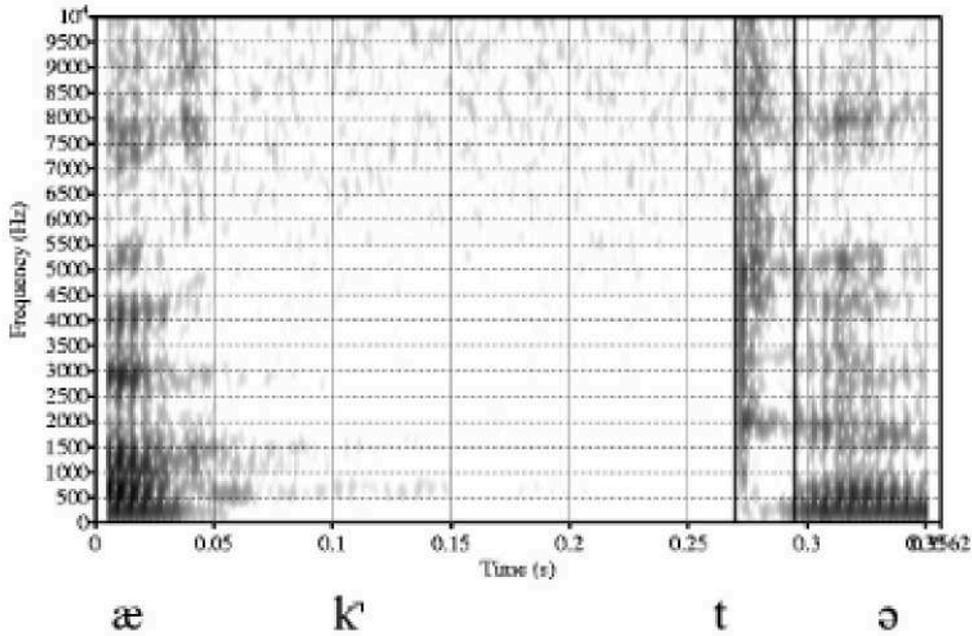
мента [aʔnə] из слова тыматна «завтра» (см. рис. 4) приведена реализация имплозивного /t/. Метками обозначены условные границы начала и конца реализации согласного.

В материалах Н. Н. Поппе по баргузинскому говору эвенкийского языка исследователями в позиции перед шумными согласными зарегистрирован аллофон фонемы /t/ с запятой нижним индексом – [t̪]. Таким дополнительным знаком, по мнению В. А. Горцевской, отмечалась в данном случае палатализация (смягчение) согласного. Примеры Н. Н. Поппе, где реализуется [t̪]: [uʔkun] «густой», [lamuʔk̪i] «к морю», [aʔk̪i] «свёкор», [kaʔʃik̪aʔtk̪ān] «щенок», [d̪oʔʃaʔkaʔ] «слушать», [iʔw̪oʔk̪əʔ] «расколоть», [aʔʃiʔka] «степной дух» [Горцевская, 1936, с. 26]. В данных примерах [t̪] выступает исключительно в положении перед /k/ как в основах, так и суффиксах. В. А. Горцевская предполагает, что переднеязычный /t/, находясь перед заднеязычным /k/, переходит в [t̪] в силу сближения артикуляции [Горцевская, 1936, с. 26]. Тем не менее, в селемджинском говоре эвенкийского языка в препозиции к заднеязычному смычному /k/ в словах типа эһйткэн «сейчас», уткэн «длинный нож, пальма» согласный /t/ реализуется не как палатализованный, а как имплозивный.

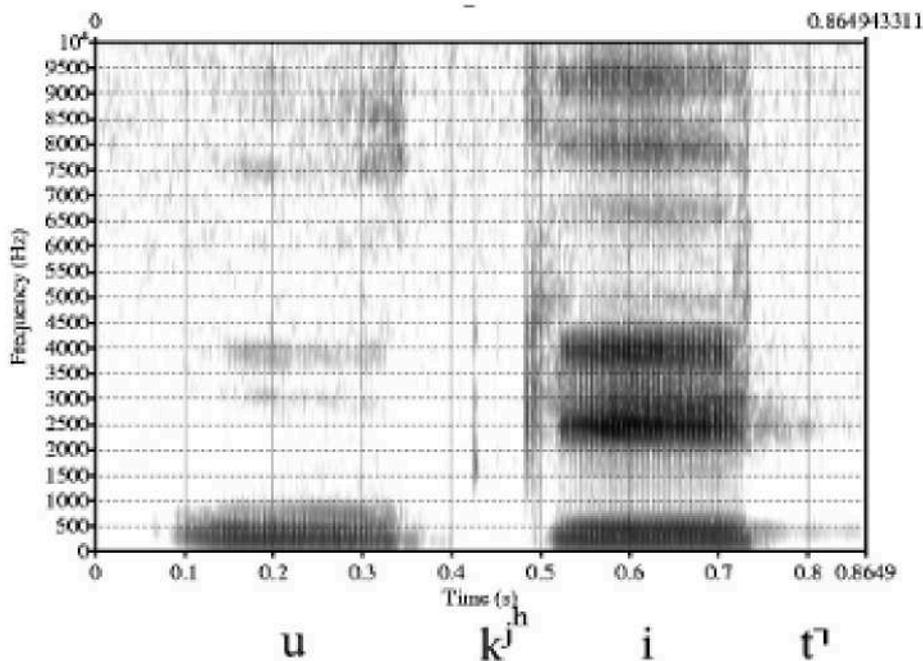
Р и с у н о к 4. Спектрограмма звукового сегмента [aʔnə] слова тыматна «завтра»

В позиции после согласных на материале томмотского говора эвенкийского языка в словах типа умукта «яйцо», йктэ «зуб», илтэ «петля для подвешивания на шею оленя плашки, чтобы он не убежал» оттенки /t/, по данным Т. Е. Андреевой, реализуются преимущественно глухие смычно-целевые типа [tʰ] [Андреева, 1988, с. 55]. На рисунке 5 представлена спектрограмма звукового комплекса [ækʰtə] слова ирэктэ «лиственница». Метками на рисунке показана фаза раскрытия смычки согласного /t/. Подобно другим реализациям, анализируемый аллофон /t/ имеет чёткий, но слабовоздушный взрыв.

Р и с у н о к 5. Спектрограмма звукового сегмента [æktə] слова ирэктэ «лиственница»

По данным М. И. Матусевич [Матусевич, 1960, с. 140], конечный /t/ всегда является смычным и чаще всего бывает имплозивным; на кимограммах исследователь отмечает отсутствие в конечных позициях реализации /t/ выхода воздушной струи. Значительно реже, но все же иногда, встречается и эксплозивный /t/ [Матусевич, 1960, с. 140]. На материале селемджинского говора эвенкийского языка нами зарегистрированы имплозивный и эксплозивный аллофоны фонемы /t/ в словах типа $\bar{u}kit$ [u:ki^{t̚}] «скрести», айткит [ai:ki:th] «больница» (см. рис. 6 и 7 соответственно).

Р и с у н о к 6. Спектрограмма слова $\bar{u}kit$ «скрести»

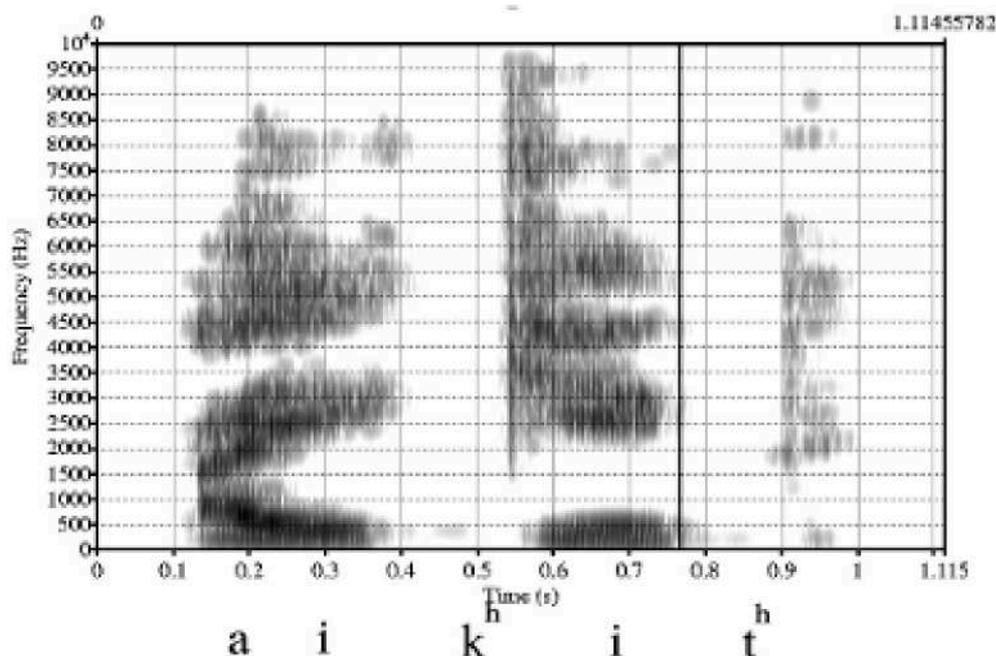

Рисунок 7. Спектрограмма слова айткйт «больница»

3. Выводы

Учитывая вышеизложенное, относительно реализации эвенкийского переднеязычного глухого смычного /t/ можно сделать следующие выводы: 1) полная спирантизация, палатализация и полное озвончение коррелятам согласного /t/ не свойственны; 2) в начальной позиции согласный перед гласными переднего ряда согласный /t/ подвергается аффрикатизации. В других позициях аффрикатизация согласного /t/ не отмечена; 3) в отношении способа образования согласный /t/ имеется чёткий, но слабовоздушный взрыв; 4) элемент придыхательности у согласного /t/ выражен крайне слабо; 5) имплозивные аллофоны согласного /t/ реализуются не только в позиции абсолютного конца слова, но и в препозиции к шумным и сонорным смычным согласным.

Исследование вариативности звукового уровня языка, находящегося под угрозой исчезновения, представляется важным и весьма перспективным. В период, когда носители языка малочисленного этноса начинают в качестве общения использовать язык многочисленных соседей, а свой родной язык использовать от случая к случаю, все элементы уровней исчезающего из общения языка подвергаются «проверке на прочность». В ходе дальнейшего исследования предстоит ответить на вопросы, какие признаки обеспечивают устойчивость языка в процессе его забывания, а какие элементы языковой системы будут «разрушаться» прежде всего.

Список литературы

1. Андреева, Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка [Текст] / Т. Е. Андреева. – Новосибирск : Наука, 1988. – 142 с.
2. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л. : Учпедгиз, Ленинград. отделен., 1948. – 334 с.

3. Горцевская, В. А. Характеристика говора баргузинских эвенков. По материалам Н. Н. Попе [Текст] / В. А. Горцевская. – М.-Л. : Учпедгиз, 1936. – 103 с.
4. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л. : Наука, 1964. – 272 с.
5. Матусевич, М. И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных [Текст] / М. И. Матусевич // Ученые записки ЛГУ № 237. Серия филол. наук. – Вып. 40. – 1960. – С. 132–169.
6. Морозова, О. Н. Концепция и структура звукового тематического словаря эвенкийского языка [Текст] / О. Н. Морозова, А. Лаврилье, В. С. Гибалин. // Вестник Амур. гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки» – 2014. – Вып. 64 – С. 189–196.
7. Морозова, О. Н. Уровень владения эвенкийским языком в Зейском, Селемджинском и Мазановском районах Амурской области [Текст] / О. Н. Морозова // Обучение иностранному языку студентов высших и средних общеобразовательных учреждений на современном этапе: Материалы Всероссийской научно-методической видеоконференции 17 января 2014 г. – Благовещенск : Издательство АмГУ, 2014 а. – С. 207–214.
8. Морозова, О. Н. Об одном экспедиционном исследовании селемджинского говора эвенкийского языка [Текст] / О. Н. Морозова // Актуальные проблемы фонетики и методики преподавания иностранных языков [отв. ред. С. И. Гусева]. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2014 б. – С. 97–105.
9. Морозова, О. Н. Некоторые особенности реализации гласных и согласных эвенкийского языка и обозначение на письме [Текст] / О. Н. Морозова, А. Лаврилье, А. Н. Болелая // Актуальные проблемы фонетики и методики преподавания иностранных языков. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2014 в. – С. 84–97.
10. Селютина, И. Я. Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии) [Текст] / И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, А. Ю. Летягин, А. И. Шевела, А. А. Добринина, Г. А. Эсенбаева. – Новосибирск : ООО «Твердый знак», 2011. – 352 с.
11. Morozova, O. N. Acoustic and perceptial features of Selemdzha Evenki consonants [Текст] / O. N. Morozova // Proc. of the 11th Seoul Inter. Altaistic Conference «Synchronic and diachronic studies on Altaic languages». The Altaic Society of Korea. Institute of Altaic Studies, SNU. – Korea, 2013. – P. 233–247.

References

1. Andreeva, T. E. Zvukovoj stroj tommotskogo govora jevenkijskogo jazyka [Tekst] / T. E. Andreeva. – Novosibirsk: Nauka, 1988. – 142 s.
2. Vasilevich, G. M. Oчерки dialektov jevenkijskogo (tungusskogo) jazyka [Tekst] / G. M. Vasilevich. L.: Uchpedgiz. Leningrad. otdelen., 1948. – 334 s.
3. Gorcevskaja, V. A. Harakteristika govora barguzinskih jevenkov. Po materialam N. N. Poppe [Tekst] / V. A. Gorcevskaja. – Uchpedgiz. M. – L.: 1936. – 103 s.
4. Konstantinova, O. A. Jevenkijskij jazyk. Fonetika. Morfologija. [Tekst] / O. A. Konstantinova. – M.-L., Nauka, 1964. – 272 s.
5. Matusевич, M. I. Oчерк sistemy fonem erbogochenskogo govora jevenkijskogo jazyka na osnove jeksperimental'nyh dannyh [Tekst] / M. I. Matusевич // Uchenye zapiski LGU № 237. Serija filol. nauk. Vyp. 40. 1960. S. 132–169.
6. Morozova, O. N. Konceptcija i struktura zvukovogo tematicheskogo slovarja jevenkijskogo jazyka [Tekst] / O. N. Morozova, A. Lavril'e, V. S. Gibalin. // Vestnik Amur. gos. un-ta. Serija «Gumanitarnye nauki» – 2014. – Vyp. 64 – S. 189–196.

7. Morozova, O. N. Uroven' vladenija jevenkijskim jazykom v Zejskom, Selemdzhinskom i Ma-zanovskom rajonah Amurskoj oblasti [Tekst] / O. N. Morozova // Obuchenie inostrannomu jazyku studentov vysshih i srednih obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij na sovremennom jetape: Materialy Vserossijskoj nauchno-metodicheskoi videokonferencii 17 janvarja 2014 goda – Blagoveschensk : Izdatel'stvo AmSU, 2014 a. – S. 207–214.

8. Morozova, O. N. Ob odnom jekspedicionnom issledovanii selemdzhinskogo govora jevenkijskogo jazyka [Tekst] / O. N. Morozova // Aktual'nye problemy fonetiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov [otv. red. S. I. Guseva]. – Blagoveshhensk : Amur. gos. Un-t, 2014 b. – S. 97–105.

9. Morozova, O. N. Nekotorye osobennosti realizacii glasnyh i soglasnyh jevenkijskogo jazyka i oboznachenie na pis'me [Tekst] / O. N. Morozova, A. Lavril'e, A. N. Bolelaja // Aktual'nye problemy fonetiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. – Blagoveshhensk. Amurskij gos. un-t, 2014 v. – S. 84–97.

10. Seljutina, I. Ya. Artikuljatornye bazy tjurkskih jetnosov Juzhnoj Sibiri (po dannym MRT i cifrovoj rentgenografii) [Tekst] / I. Ja. Seljutina, N. S. Urtegeshev, A. Ju. Letjagin, A. I. Shevela, A. A. Dobrinina, G. A. Jesenbaeva. – Novosibirsk: OOO «Tverdij znak», 2011. – 352 s.

11. Morozova, O. N. Acoustic and perceptial features of Selemdzha Evenki consonants [Текст] / O. N. Morozova // Proc.of the 11th Seoul Inter. Altaistic Conference «Synchronic and diachronic studies on Altaic languages». The Altaic Society of Korea. Institute of Altaic Studies, SNU. – Korea, 2013. – P. 233–247.

УДК 801:821.161
UDC 801:821.161

*Процукович Елена Александровна,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
аспирант кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет*

*Elena A. Protsukovich,
Senior teacher and a PhD student in Linguistics
Department of Foreign Languages
Amur State University*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АФФРИКАТ В РУССКОЙ РЕЧИ АМУРСКИХ ЭВЕНКОВ

PECULIARITIES OF REALIZATION OF AFFRICATES IN THE RUSSIAN SPEECH OF THE AMUR EVENKS

Аннотация

В статье представлены результаты исследования, направленного на описание и анализ проявлений фонетической интерференции при реализации русских аффрикат /ts/ и /tʃ/ в неродной речи амурских эвенков. Отклонения от нормативной реализации заключаются в заменах аффрикат /ts/ и /tʃ/ щелевыми согласными /s˘/ и /ʃ˘:/ соответственно, а также в реализации смычного апикального согласного /tʰ/ на месте аффрикаты /tʃ/.

Abstract

The article focuses on the results of the research of phonetic interference in the Russian speech of the Amur Evenks. According to the research, deviations from the Russian standard pronunciation in producing the affricates are the following: replacing of the affricates /ts/ and /tʃ/ with the fricative consonants /s˘/ and /ʃ˘:/ respectively, as well as pronouncing the occlusive consonant /tʰ/ instead of the affricate /tʃ/.

Ключевые слова: билингвизм, интерференция, фонологическая система, согласные фонемы, аффрикаты.

Keywords: bilingualism, interference, phonological system, consonants, affricates.

1. Введение

При контактировании языков, которому предшествует длительное сосуществование двух языков, возникает билингвизм, под которым понимают «практику попеременного пользования двумя языками» [Weinreich, 1953, р. 33]. Вся история эвенкийского этноса, проживающего в Амурской области, – это история более или менее тесного контакта с русскоязычным населением, следствием которого становится распространение среди амурских

эвенков двуязычия. Однако на современном этапе специфика ситуации билингвизма заключается в продолжающемся вытеснении эвенкийского языка русским языком из всех сфер общения, включая общение в семье.

С лингвистической точки зрения, по мнению У. Вайнрайха, проблема билингвизма заключается в необходимости описания «языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; выявить те различия между этими системами, которые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать таким образом наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием» [Вайнрайх, 1979, с. 26].

Интерференция, под которой, вслед за В. А. Виноградовым, мы понимаем «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия» [Виноградов, 1990, с. 197], возникает при любом языковом контакте, в ситуации искусственного и естественного билингвизма, и проявляется на всех уровнях в речевом поведении билингва. Однако иноязычный акцент, возникающий вследствие языкового контакта в звучащей речи билингва, наиболее заметен на фонетическом уровне.

Акцентная речь характеризуется не только искажением произносительной стороны речи. В ней, по мнению Г. М. Вишневской, отражено стремление билингва «к упрощению используемых ресурсов произносительной системы приобретённого языка вследствие недостаточно свободного владения им», что «приводит билингва к использованию ограниченного набора фонетических и других языковых средств в неродной речи и, вследствие этого, к усилению эффекта иноязычного акцента» [Вишневская, 2002, с. 29].

«Фонетический аспект общения на неродном языке подразумевает фонетическую реализацию в речи всех уровней фонологического компонента» [Любимова, 1988, с. 34], поэтому прогноз явлений интерференции можно делать при сопоставительном анализе звуковых систем контактирующих языков и исследовании реальной речи билингвов.

Основной целью настоящего исследования является описание и анализ проявлений фонетической интерференции при реализации русских аффрикат /tʃ/ и /ts/ в русской речи эвенков, для которых данный язык не является родным.

Как известно, аффриката – это сложный в отношении способа образования шума согласный [Зиндер, 2007, с. 164]. Являясь подвидом смычных согласных, в отношении первых двух фаз аффрикаты совпадают со взрывными; различие между ними обнаруживается в третьей фазе [Зиндер, 2007, с. 162]. При произнесении аффрикат третья фаза представляет собой не взрыв, а медленное раскрытие смычки, переходящей в щель [Бондарко, 1991, с. 48]. Поскольку аффриката – это «нерасчленимое единство», переход от смычки к щели «происходит совершенно незаметно, так что границу между ними уловить невозможно» [Матусевич, 1976, с. 125].

В системе согласных фонем русского языка выделяются две аффрикаты – /ts/ и /tʃ/. По наблюдениям Л. В. Бондарко, длительность смычки у аффрикат гораздо меньше, чем у взрывных согласных, а артикуляция смычки совпадает с артикуляцией взрывного твердого /t/ для /ts/ и с артикуляцией /tʃ/ для /tʃ/. Характер щелевого элемента при образовании аффрикаты /ts/ и

щелевого согласного /s/ совпадает, а при артикуляции /tʃʲ/ щелевая фаза такая же, как при артикуляции [ʃʲ:] [Бондарко, 1998, с. 62–63].

В фонологической системе русского языка согласный /ts/ является смычной переднеязычной шумной глухой круглощелевой однофокусной аффрикатой [Бондарко, 1991, с. 48]. В эвенкийском языке данный согласный заимствован из русского языка-источника [Цинциус, 1949, с. 36].

Русская аффриката /tʃʲ/ описывается как смычная переднеязычная шумная глухая двухфокусная [Зиндер, 2007, с. 174]. В отличие от русского согласного, статус эвенкийского /tʃʲ/ спорен. Так, Г. М. Василевич относит фонему /tʃʲ/ к разряду переднеязычных как аффрикату [Василевич, 1948, с. 21]. Аналогично Б. В. Болдырев характеризует артикуляцию согласного «наличием двух элементов – смычки и щели» [Болдырев, 2000, с. 428], то есть описывает аффрикату с её двухфазовой артикуляцией.

А. А. Горцевский, напротив, отмечает, что «аффрикативные фонемы не свойственны эвенкийскому языку» [Горцевский, 1939, с. 55]. О. А. Константинова, В. И. Цинциус описывают данную фонему как среднеязычную чистую смычную [Константинова, 1964, с. 22; Цинциус, 1949, с. 45]. По результатам экспериментально-фонетического исследования на материале ербогаченского говора эвенкийского языка М. И. Матусевич определяет данную фонему как переднеязычный смычный палатализованный согласный /tʃʲ/ [Матусевич, 1960, с. 145]. Е. Ф. Афанасьева также отмечает, что в некоторых говорах эвенкийского языка звук /tʃʲ/ произносится как [tʃʲ] [Афанасьева, 2010, с. 42]. Исследование О. Н. Морозовой, проведённое в лаборатории экспериментальной фонетики Амурского государственного университета на материале селемджинского говора эвенкийского языка, подтверждает, что на месте аффрикаты /tʃʲ/ реализуется переднеязычный глухой мягкий смычный /tʃʲ/ [Morozova, 2013, с. 243–244].

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что если переднеязычные аффрикаты действительно свойственны эвенкийскому языку, то в русской речи эвенков не должно отмечаться существенных отклонений при реализации соответствующих русских аффрикат. В противном случае русские аффрикаты будут заменяться другими шумными согласными, наиболее близкими к эвенкийским согласным по своим артикуляторно-акустическим параметрам.

2. Акустические характеристики интерферированных аффрикат

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для данного исследования послужили образцы русской спонтанной речи приамурских эвенков в произнесении четырёх дикторов – носителей селемджинского говора эвенкийского языка. Материал был записан во время экспедиции в село Ивановское Селемджинского района Амурской области в июле 2011 г. [Морозова, 2014]. Запись осуществлялась с помощью профессионального оборудования, используемого на телевидении для подготовки репортажей в полевых условиях. В состав оборудования входили кассетный магнитофон и микрофон. В процессе записи дикторы не выказывали боязни микрофона и вели себя естественно. Записи с кассет были оцифрованы в лаборатории экспериментальной фонетики при кафедре ино-

странных языков Амурского государственного университета с помощью программы свободного доступа Audacity (параметры оцифровки: частота дискретизации – 44 кГц, разрядность – 16 бит, моно). В этой же программе применялась функция удаления шумов.

Критериями для отбора дикторов являлись, во-первых, свободное владение эвенкийским языком, во-вторых, возраст дикторов. Все дикторы – представители среднего и старшего поколения – до поступления в школу не знали русского языка, то есть русский язык для дикторов не является родным, в отличие от эвенкийского языка, который информанты используют в повседневном общении. Все перечисленные характеристики дают нам основание рассматривать данных дикторов в качестве носителей эвенкийского языка [Морозова, Процукович, 2013, с. 137]. В ходе предварительной беседы дефектов речи у дикторов обнаружено не было; никто из них не сослался на нарушения слуха.

Экспериментальное исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, проводилось в несколько этапов. На первом этапе были получены записи интерферированной русской спонтанной речи в произнесении четырёх дикторов. Общая продолжительность звучания записанных реплик и кратких высказываний составила 94 минут 26 секунд.

На следующем этапе была произведена сегментация звукового лингвистического материала, которая осуществлялась по осциллограмме и динамической спектрограмме в программе обработки речевого сигнала PRAAT. В этой же программе выполнялся акустический анализ материала. Корпус исследования составили 107 реализаций аффрикат /ts/ и /tʃʲ/ (27 в речи D1, 18 в речи D2, 14 в речи D3, 48 в речи D4). Аффрикаты были представлены в следующих позициях: 1) позиция начала слова (чашка, червяк, черемуха, цель и др.), 2) позиция конца слова (дочь, врач, палец и др.), 3) интервокальная позиция (ученик, тысяча, печень, листовница и др.), 4) в суффиксах существительных –чк–, –чик (девочка, речка; мальчик, рябчик, кузнечик и др.).

2.2. Результаты исследования

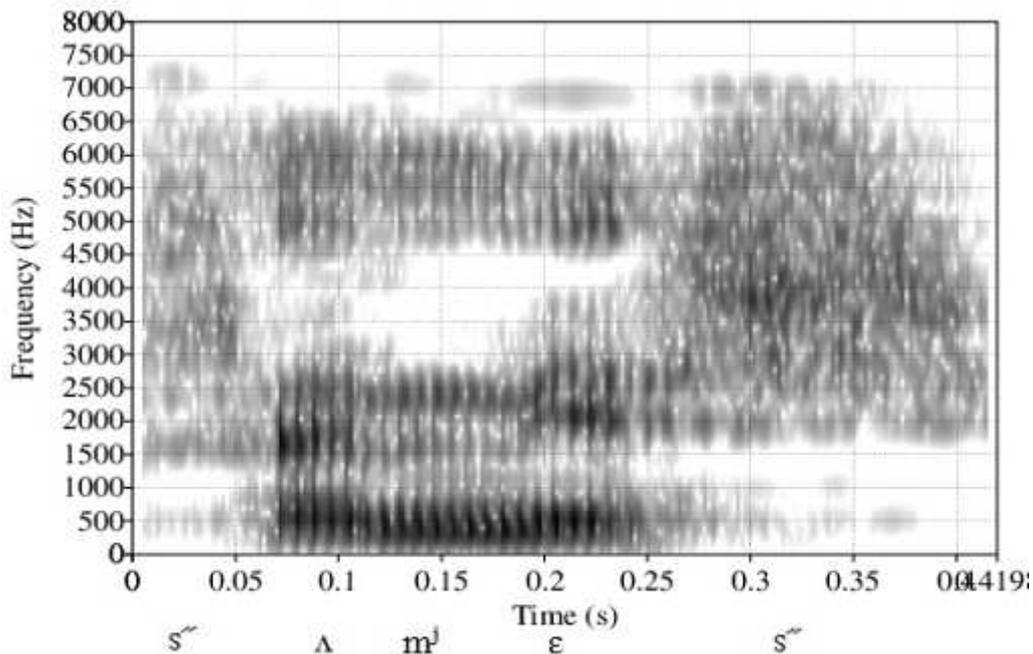
Акустический анализ шумовых характеристик реализаций аффрикат позволил выявить, что в 71% случаев от общего количества реализаций имели место следующие отклонения от произносительной нормы.

1. Замена аффрикаты /ts/ плоскощелевым апиальным согласным /sʰ/, о чем свидетельствует отсутствие акустических коррелятов смычной фазы и импульсного шума: пале[sʰ], гусени[sʰ]а и др.

2. Замена смычно-щелевой аффрикаты /tʃʲ/ щелевым согласным /ʃʲ:/. Единственным отличием данной замены от рассмотренной выше является более низкое положение шумовых характеристик по шкале частот: ба-бо[ʃʲ:]ка, тапо[ʃʲ:]ки, куса[ʃʲ:]ки, пти[ʃʲ:]ка, вра[ʃʲ:] и др.

3. Реализация чистого или аффрицированного смычного апиального согласного /tʃʲ/ на месте аффрикаты /tʃʲ/. В спектре согласного зафиксированы пики шумовых составляющих в высокочастотной области от 4500 Гц и выше. Имеются чётко выраженные смычка и импульсный шум: [tʃʲ]еремуха, ма[tʃʲ]еха, у[tʃʲ]итель, [tʃʲ]ай, ряб[tʃʲ]ик и др.

Рисунок 1 демонстрирует пример замены аффрикаты /ts/ плоскощелевым согласным [s̥] в слове *самец*. В спектре согласного отсутствует фаза смычки. Фрикативный шум занимает широкую спектральную область, заполняя весь временной интервал звучания. Шумовые составляющие согласного занимают широкую область частот, включая низкие частоты от 1850 Гц. Понижение верхней границы интенсивного шума до 7000 Гц свидетельствует о реализации плоскощелевого согласного [s̥].

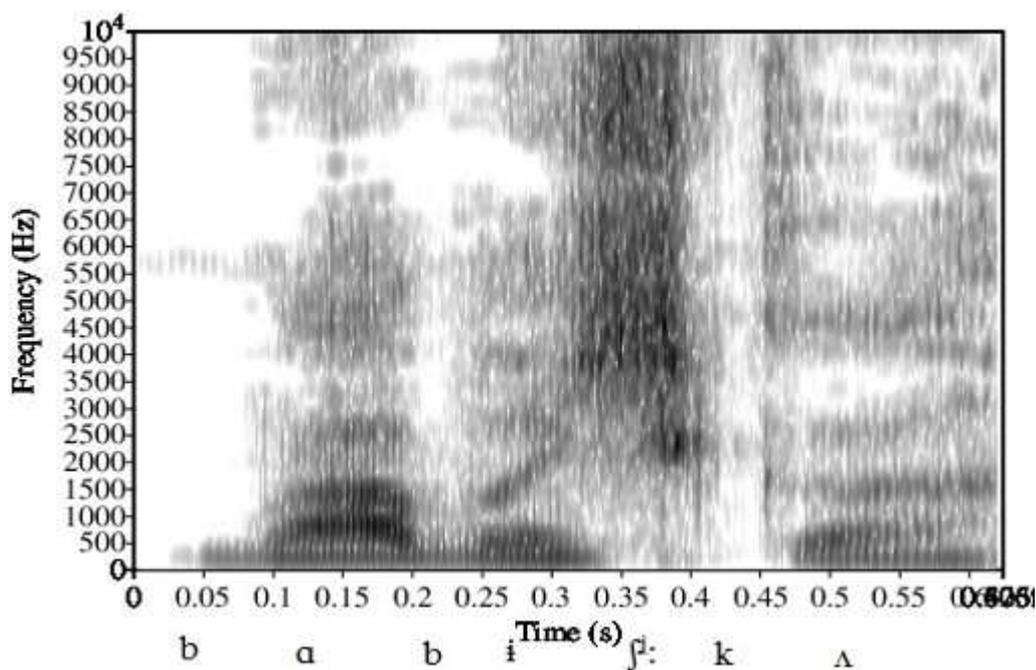
Р и с у н о к 1. Реализация слова *самец*

Пример реализации согласного /ʃʲ:/ на месте аффрикаты /tʃʲ/ в слове *бабочка* представлен на рисунке 2. Отсутствие глухой смычки аффрикаты наряду с чётко выраженным непрерывным широкополосным шумом свидетельствуют о реализации мягкого щелевого согласного /ʃʲ:/.

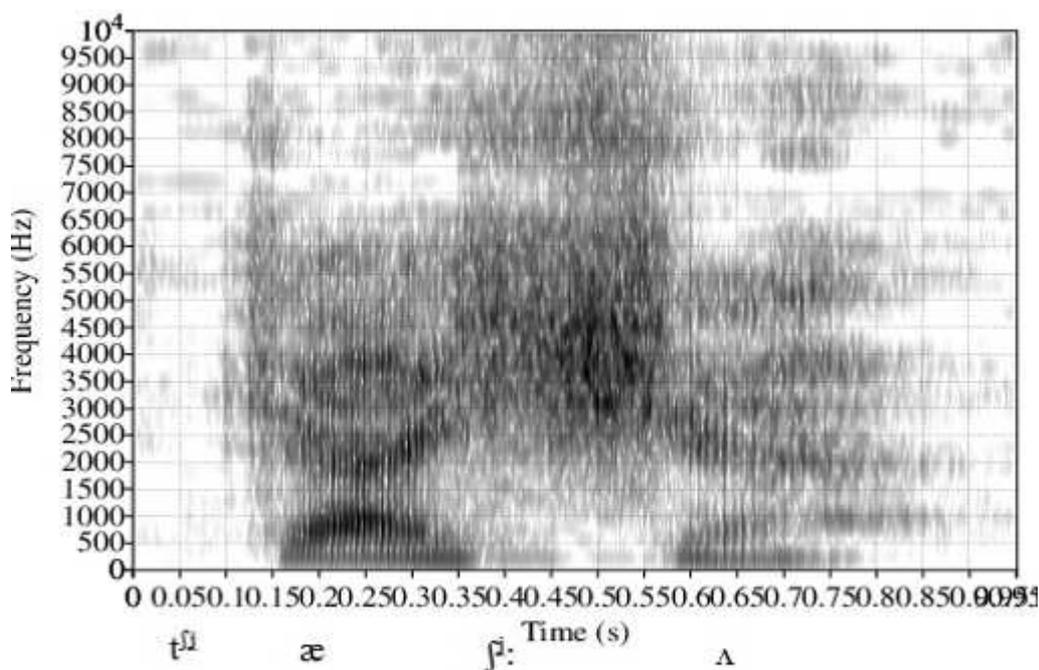
Спектрограмма смычного аффрицированного согласного /tʃʲ/, реализованного на месте аффрикаты /tʃʲ/, показана на рисунке 3. В спектре согласного в слове *чаща* четко выражены глухая смычка и полоса импульсного шума от взрыва. Отсутствие щелевой фазы после смычки свидетельствует о замене двухфокусной смычно-щелевой аффрикаты смычным переднеязычным согласным. Мягкость согласного выражена в наличии высокочастотного турбулентного шума в области от 2700 Гц до 6500 Гц. В спектре согласного отмечается характерное усиление в области F3–F4 следующего гласного, что также говорит о соседстве с палатализованным согласным.

На рисунке 4 представлен пример нормативной реализации двухфокусной аффрикаты /tʃʲ/ в русской речи носителя эвенкийского языка (напомним, что подобные реализации составили всего 29% от общего количества реализаций). По данным А. М. Кузнецовой [Кузнецова, 1977, с. 154], дли-

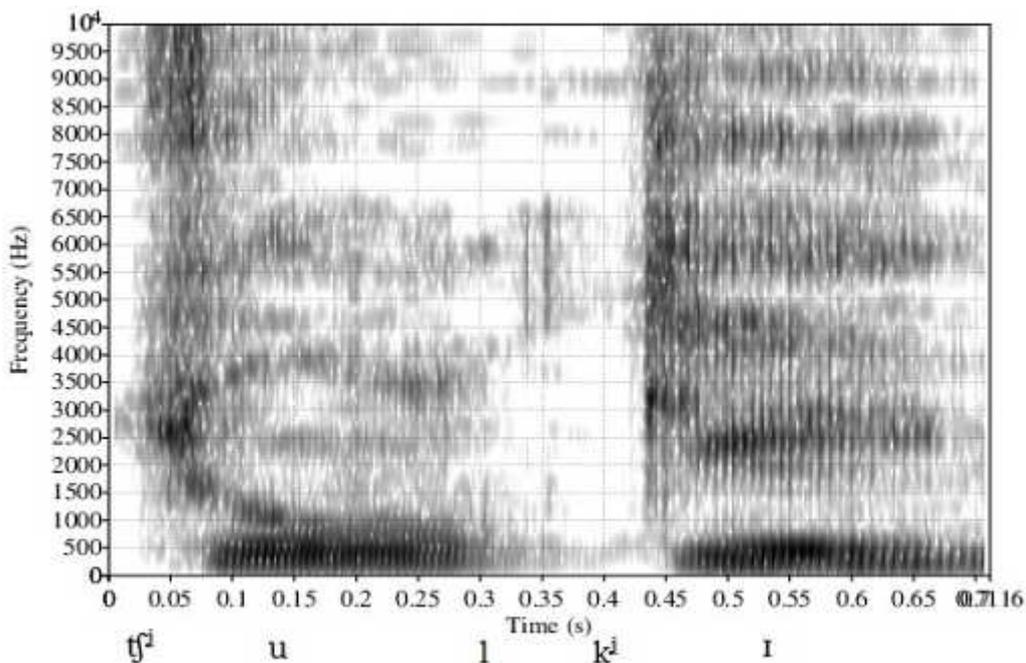
тельность смычки при нормативном произнесении русского согласного /tʃʲ/ составляет в разных позициях от 25 до 37% длительности всего согласного. На сонаграмме слова «чулки» у согласного отчётливо видна фаза смычки длительностью 27 мс и фаза шума длительностью 56 мс, то есть доля смычного элемента составляет 33% длительности всего согласного, что укладывается в указанные пределы и подтверждает реализацию двухфокусной аффрикаты /tʃʲ/.

Р и с у н о к 2. Реализация слова *бабочка*

Р и с у н о к 3. Реализация слова *чаща*

Р и с у н о к 4. Реализация слова *чулки*

3. Выводы

Таким образом, анализ экспериментального материала однозначно свидетельствует о заменах русских аффрикат /ts/ и /tʃʲ/ в акцентной речи эвенков. Зафиксированы замены трёх видов: 1) замена аффрикаты /ts/ на шумный плоскощелевой согласный /sʰ/; 2) замена аффрикаты /tʃʲ/ шумным щелевым мягким палатоальвеолярным согласным /ʃʲ:/ или 3) смычно-взрывным переднеязычным мягким /tʃʲ/ с ослабленными по сравнению с русским аналогом фрикативными составляющими в средне-верхних частотах. Указанные замены имели место в 71% случаев, тогда как нормативные реализации были зафиксированы в 29% случаев.

Полученные результаты указывают на возможность изначального отсутствия переднеязычных аффрикат в селемджинском говоре амурских эвенков. В то же время наличие реализаций аффрикат, соответствующих нормам русского языка, свидетельствует об увеличении давления фонологической системы русского языка на фонологическую систему эвенкийского языка в ситуации русско-эвенкийского билингвизма.

Список литературы

1. Афанасьева, Е. Ф. Фонология и фонетика эвенкийского языка [Текст]: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений специальности «Филология» / Е. Ф. Афанасьева; М-во образования и науки РФ, Бурят. гос. ун-т. – [2-е изд., доп. и перераб.]. // Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – 116 с.
2. Болдырев, Б. В. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Б. В. Болдырев – Новосибирск: изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 2. Р-Я. – 484 с.
3. Бондарко, Л. В. Основы общей фонетики [Текст]: учеб. пособие / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина; С.-Петерб. ун-т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1991. – 150 с.

4. Бондарко, Л. В. Фонетика современного русского языка [Текст] : учеб. пособие для вузов по направлению и спец. «Филология» / Л. В. Бондарко; С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1998. – 276 с.
5. Вайнрайх, У. Языковые контакты [Текст]: состояние и проблемы исследования: [монография] / У. Вайнрайх; пер. с англ. яз. и коммент. Ю. А. Жлуктенко; вступ. ст. В. Н. Ярцевой. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
6. Василевич, Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Василевич Г.М. – Л.: Учпедгиз, 1948. – 353с.
7. Виноградов, В. А. Интерференция [Текст] / Лингвистический энциклопедический словарь / Научн. ред. совет изд-ва: Сов. энциклопедия, Ин-т языкознания АН СССР; Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – 685 с.
8. Вишневская, Г. М. Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм [Текст] / Г. М. Вишневская // Педагогический вестник Ярославского государственного педагогического университета. – 2002. - № 1. – С. 29–35. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.yvspu.yar.ru/vestnik/number/13/> (дата обращения 24. 07. 2012).
9. Горцевский, А. А. Фонетические трудности при обучении эвенков (тунгусов) русскому языку [Текст] / А. А. Горцевский, – Л.: Учпедгиз, 1939. – 135 с.
10. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи: [учеб. пособие для студентов филол. фак. вузов] / Л. Р. Зиндер ; сост., вступ. ст. Л. В. Бондарко. 2е изд., испр. и доп. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Академия, 2007. – 574 с.
11. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова; Отв. ред. В. И. Цинциус; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.; Л.: Наука, 1964. – 272 с.
12. Кузнецова, А. М. Разновидности способа образования согласных в русских говорах [Текст] / Экспериментально-фонетическое исследование в области русской диалектологии. / А. М. Кузнецова: отв. ред. С. С. Высокский. – М., 1977. – С. 60–184.
13. Любимова, Н. А. Фонетический аспект общения на неродном языке [Текст]: (в условиях фин.- рус. двуязычия) / Н. А. Любимова; науч. ред. М. В. Гордина; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1988. – 196 с.
14. Матусевич, М. И. Очерк системы фонем ербогочёнского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных [Текст] / М. И. Матусевич // Ученые записки ЛГУ № 237. Серия филологических наук. Вып. 40, 1960. – С. 132–169.
15. Матусевич, М. И. Современный русский язык [Текст] : фонетика: Учеб. пособие для пед. ин-тов / М. И. Матусевич. – Москва: Просвещение, 1976. – 588 с.
16. Морозова, О. Н. Об одном экспедиционном исследовании селемджинского говора эвенкийского языка [Текст] / О. Н. Морозова // Актуальные проблемы фонетики и методики преподавания иностранных языков: материалы XI регион. научно-исследоват. семинара, посвящ. пам. проф. Л. В. Бондарко. – Благовещенск: Амур. гос. у-т, 2014. – С. 97–105.
17. Морозова, О. Н., Процукович Е. А. Аллофонное варьирование заднерядных огубленных гласных (на материале русской речи селемджинских эвенков) [Текст] / О. Н. Морозова, Е. А. Процукович // Вестник Амурского государственного университета. – 2013. – Вып. 60: Сер. Гуманитар. науки. – С. 136–141.
18. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Ленинград : Учпедгиз, 1949. – 342 с.
19. Weinreich, U. Languages in contact. Findings and problems [Text] / U. Weinreich; with a pref. Andre Martinet. – N.-Y., 1953. – 148 p.

20. Morozova, O. N. Acoustic and perceptual features of Selemdzha Evenki consonants [Text] / O. N. Morozova // Synchronic and diachronic studies on Altaic languages : proceedings of the 11th Seoul International Altaistic Conference (5–7 December 2013). – 2013. – P. 233–246.

References

1. Afanas'eva, E. F. Fonologija i fonetika jevenkijskogo jazyka [Tekst]: ucheb. posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij special'nosti «Filologija» / E. F. Afanas'eva; M-vo obrazovanja i nauki RF, Burjat. gos. un-t. – [2-e izd., dop. i pererab]. // Ulan-Udje: Izd-vo BGU, 2010. – 116 s.

2. Boldyrev, B. V. Jevenkijsko-russkij slovar' [Tekst] / B. V. Boldyrev – Novosibirsk: izd-vo SO RAN, filial «Geo», 2000. Ch. 2. R-Ja. – 484 s.

3. Bondarko, L. V. Osnovy obshhej fonetiki [Tekst] : ucheb. posobie / L. V. Bondarko, L. A. Verbickaja, M. V. Gordina; S.-Peterb. un-t. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1991. – 150 s.

4. Bondarko, L. V. Fonetika sovremennogo russkogo jazyka [Tekst] : ucheb. posobie dlja vuzov po napravleniju i spec. «Filologija» / L. V. Bondarko; S.-Peterb. gos. un-t. – Sankt-Peterburg: SPbGU, 1998. – 276 s.

5. Vajnrajh, U. Jazykovye kontakty [Tekst]: sostojanie i problemy issledovanija: [monografija] / U. Vajnrajh; per. s angl. jaz. i komment. Ju. A. Zhluktenko; vstup. st. V. N. Jarcevoj. – Kiev: Vishha shkola, 1979. – 263 s.

6. Vasilevich, G. M. Ocherk grammatiki jevenkijskogo (tungusskogo) jazyka [Tekst] / Vasilevich G.M. – L.: Uchpedgiz, 1948. – 353s.

7. Vinogradov, V. A. Interferencija [Tekst] / Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / Nauchn. red. sovet izd-va: Sov. jenciklopedija, In-t jazykoznanija AN SSSR; Gl. red. V. N. Jarceva. – M., 1990. – 685 s.

8. Vishnevskaja, G. M. Mez kul'turnaja komunikacija, jazykovaja variativnost' i sovremennyj bilingvizm [Tekst] / G. M. Vishnevskaja // Pedagogicheskij vestnik Jaroslavskego gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. – 2002. - № 1. – S. 29–35. – [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.yspu.yar.ru/vestnik/number/13/> (data obrashhenija 24. 07. 2012).

9. Gorcevskij, A. A. Foneticheskie trudnosti pri obuchenii jevenkov (tungusov) russkomu jazyku [Tekst] / A. A. Gorcevskij, – L.: Uchpedgiz, 1939. – 135 s.

10. Zinder, L. R. Obshhaja fonetika i izbrannye stat'i: [ucheb. posobie dlja studentov filol. fak. vuzov] / L. R. Zinder ; sost., vstup. st. L. V. Bondarko. 2e izd., ispr. i dop. – SPb.: Filol. fak. SPbGU; M.: Akademija, 2007. – 574 s.

11. Konstantinova, O. A. Jevenkijskij jazyk. Fonetika. Morfologija [Tekst] / O. A. Konstantinova; Otv. red. V. I. Cincius; AN SSSR. In-t jazykoznanija. – M.; L.: Nauka, 1964. – 272 s.

12. Kuznecova, A. M. Raznovidnosti sposoba obrazovanja soglasnyh v russkih govorah [Tekst] / Jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie v oblasti russkoj dialektologii. / A. M. Kuznecova: otv. red. S. S. Vysotskij. – M., 1977. – S. 60–184.

13. Ljubimova, N. A. Foneticheskij aspekt obshhenija na nerodnom jazyke [Tekst]: (v uslovijah fin.- rus. dvujazychija) / N. A. Ljubimova; nauch. red. M. V. Gordina; LGU im. A. A. Zhdanova. – Leningrad: Izd-vo LGU, 1988. – 196 s.

14. Matusevich, M. I. Ocherk sistemy fonem erbogochjonskogo govora jevenkijskogo jazyka na osnove jeksperimental'nyh dannyh [Tekst] / M. I. Matusevich // Uchenye zapiski LGU № 237. Serija filologičeskikh nauk. Vyp. 40, 1960. – S. 132–169.

15. Matusevich, M. I. Sovremennyj russkij jazyk [Tekst] : fonetika: Ucheb. posobie dlja ped. in-tov / M. I. Matusevich. – Moskva: Prosveshhenie, 1976. – 588 s.

16. Morozova, O. N. Ob odnom jekspedicionnom issledovanii selemdzhinskogo govora jevenkijskogo jazyka [Tekst] / O. N. Morozova // Aktual'nye problemy fonetiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov: materialy XI region. nauchno-issledovat. seminara, posvjashh. pam. prof. L. V. Bondarko. – Blagoveshhensk: Amur. gos. u-t, 2014. – S. 97–105.

17. Morozova, O. N., Procukovich E. A. Allofonnoe var'irovanie zadnerjadnyh ogublennyh glasnyh (na materiale russkoj rechi selemdzhinskih jevenkov) [Tekst] / O. N. Morozova, E. A. Procukovich // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – Vyp. 60: Ser. Gumanitar. nauki. – S. 136–141.

18. Cincius, V. I. Sravnitel'naja fonetika tunguso-man'chzhurskih jazykov [Tekst] / V. I. Cincius. – Leningrad : Uchpedgiz, 1949. – 342 s.

19. Weinreich, U. Languages in contact. Findings and problems [Text] / U. Weinreich; with a pref. Andre Martinet. – N.-Y., 1953. – 148 p.

20. Morozova, O. N. Acoustic and perceptual features of Selemdzha Evenki consonants [Text] / O. N. Morozova // Synchronic and diachronic studies on Altaic languages : proceedings of the 11th Seoul International Altaistic Conference (5–7 December 2013). – 2013. – P. 233–246.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРОВЫХ МЕТОДОВ В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ****USING PLAY METHODS IN TEACHING
FOREIGN LANGUAGE IN HIGH SCHOOL****Аннотация**

В данной статье рассматривается вопрос о применении игровых методов в обучении иностранным языкам в ВУЗе. Устанавливаются различия между «ролевой игрой» и «деловой игрой», рассматриваются этапы проведения игр, уточняется эффективность применения данных методов в подготовке к иноязычной коммуникации в процессе обучения иностранным языкам в ВУЗе. В результате анализа научной литературы было установлено, что ролевая игра направлена на подготовку студентов к решению коммуникативных задач в реальных повседневных жизненных ситуациях и может применяться на любом этапе обучения иностранному языку, тогда как деловая игра направлена на проектирование иноязычной деловой коммуникации и применяется, как правило, в процессе обучения профессионально-ориентированному иноязычному общению.

Abstract

In this paper we discuss the use of play methods in teaching foreign languages in high school. Besides we distinguish "role-playing game" and "business game", discuss the stages of the game, clarify the effectiveness of these methods in preparation for foreign language communication in the process of learning a foreign language in high school. The analysis of scientific literature helps determine that the role-playing game is aimed at preparing students to solve communication problems in everyday real life situations and can be used at any stage of learning a foreign language, while the business game is aimed at designing a foreign language for business communication and is used, as a rule, in the learning process-oriented professional foreign language communication.

Ключевые слова: игровые методы обучения, ролевая игра, деловая игра, обучение иностранным языкам.

Keywords: play methods in teaching foreign languages, role-playing game, business game, foreign language learning.

Когда Россия официально присоединилась к формированию единого европейского пространства высшего образования и подтвердила своё намерение следовать основным принципам Болонской Декларации, роль иностранного языка в профессиональной подготовке изменилась. Сегодня наша задача, при обучении иностранным языкам, подготовить обучающихся к иноязычной коммуникации, как в повседневных, так и в профессионально-ориентированных ситуациях, следовательно «общение является и целью и средством обучения» иностранному языку [Полесюк, 2012, с. 275]. Именно поэтому преподавателю необходимо создать условия, которые смогут обеспечить постоянное общение в процессе изучения иностранного языка.

Как правило, для создания подобных условий, преподавателю необходимо разрешить некоторые сложности, в том числе:

- преодолеть стеснения студентов говорить на иностранном языке, что вызвано не уверенностью в своих знаниях иностранного языка;
- вывести студентов на один уровень владения языком, что обусловлено разной языковой подготовкой в школах;
- вызвать интерес студентов к иностранному языку и поддерживать его в процессе обучения.

Разрешению данных сложностей, на наш взгляд, способствует применение игровых методов обучения в процессе изучения иностранного языка.

Игровые методы обучения направлены на «осознание мотивов своего учения, своего поведения в игре и в жизни, т.е. формировать цели и программы собственной самостоятельной деятельности и предвидеть её ближайшие результаты» [Ковалева, 2014, с. 56].

Применение игровых методов позволяет искусственно воссоздать ситуации общения, погрузить обучающегося в условия межкультурной коммуникации, создать условия необходимости коммуникации на иностранном языке, сделать процесс обучения более привлекательным и интересным.

Учебная игра, применяемая в процессе изучения иностранного языка, может быть разграничена на ролевую и деловую игру.

Ролевая игра представляет собой различные виды ролевой деятельности: чтение по ролям, инсценировки и сама ролевая игра [Языковой и коммуникативный аспекты... , 1997, с. 9].

Н. В. Жук под ролевой игрой понимает методический приём, который заключается в условном воспроизведении участниками реальной ситуации жизнедеятельности, что создаёт условия для реального общения. Эффективность применения ролевой игры на занятиях по иностранным языкам объясняется, увеличением интереса и мотивации студентов к предмету [Ролевая игра..., 2013, с. 188].

Ролевая игра активизирует речевую деятельность участников, так как «погружает» в ситуации, где необходимость что-то сказать, спросить, доказать, обсудить - просто неизбежна. В процессе ролевой игры внимание постоянно сфокусировано на развитие речевых знаний, умений и навыков, причем это касается не только говорящего, но и слушающего, так как ему необходимо реагировать на реплики собеседника.

Ролевые игры, применяемые в процессе обучения, должны соответствовать возрасту и способностям студентов, отличаться от обычных занятий по данному предмету, быть интересными и увлекательными. Очень важно,

чтобы в процессе игры происходило обогащение словарного запаса, автоматизация применения разговорных клише, развивались коммуникативные навыки, тренировалась память, воспитывалось уважение к культуре изучаемого языка [Белкина, 2013, с. 36].

Проведение ролевой игры предполагает наличия трёх этапов:

1) *подготовительного* – предварительная работа преподавателя (определение цели, выбор темы, отбор языкового материала, уточнение ситуации, составление плана ролевой игры, подготовка раздаточного и наглядного материала), ввод студентов в игру (объяснение цели игры, установок, постановка проблемы, ответы на вопросы);

2) *проведение самой игры* – студенты разыгрывают предложенную преподавателем ситуацию, каждый выполняет свои роли;

3) *контроль* – анализ и обсуждение проведённой игры, обмен мнениями, преподаватель комментирует и при необходимости даёт рекомендации направленные на улучшение иноязычного речи.

Г. С. Демидова [Демидова, 2012] систематизировала ролевые игры в соответствии с видами и разделила на пять групп (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. **Виды и свойства ролевых игр по Г. С. Демидовой**

Вид ролевой игры	Описание
Контролируемая ролевая игра	основывается на прочитанном диалоге, участникам раздаются необходимые реплики
Умеренно контролируемая ролевая игра	учащимся предлагается общее описание ситуации и описание своих ролей, особенности речевого поведения известны только самому участнику, остальные должны самостоятельно догадаться
Свободная ролевая игра	учащимся объясняют обстоятельства общения, они самостоятельно определяет какую лексику использовать, какую выбрать модель речевого поведения
Эпизодическая ролевая игра	учащиеся разыгрывают отдельный эпизод
Длительная ролевая игра	учащиеся разыгрывают отдельный эпизод в течение длительного периода

Ролевая игра в обучении иностранному языку выполняет определенные функции:

- *мотивационно-побудительную функцию*: побуждает участников игры к осуществлению коммуникации на иностранном языке;

- *обучающую функцию*: способствует развитию языковой (использование определённых лексических единиц, грамматически верно строить высказывания), речевой (формирование навыков общения), прагматической (развитие навыков выбора стратегии коммуникации в соответствии с установленной ситуацией) компетенций;

- *воспитательную функцию*: готовность к включению к разным видам деятельности, формирование активности, взаимопомощи, самостоятельности, умению отстаивать свою точку зрения [Демидова, 2012].

Применение ролевых игр на занятиях по иностранному языку позволяет формировать у студентов следующие коммуникативные и интеллектуальные умения:

- умение гибко подстраиваться в различные социальные и межличностные ситуации;

- умение эффективного взаимодействия в команде при принятии решения;

- умение прислушиваться к чужой точке зрения и аргументировано отстаивать свою позицию;

- умение анализировать полученную информацию, отбирать необходимые факты, сопоставлять, анализировать, принимать решение;

- умение выстраивать логику доказательной базы принятого решения;

- умение предвидеть возможные последствия - следствия принятых решений [Веревкина-Рахальская, 2007, с. 84].

Л. С. Выготский доказал наличие двусторонней связи между игрой и речью. Речь развивается и активизируется в игре, с одной стороны, с другой стороны, игра сама развивается под действием развития речи [Выготский, 1966, с. 69]. Аналогичная связь присутствует и в ролевой игре: на занятиях по иностранному языку, играя в ролевые игры, студенты отрабатывают навыки коммуникации в воображаемых ситуациях, что подготавливает студентов к общению в реальных, действительных ситуациях, встречающихся в повседневной жизни.

Так, например, в процессе изучения английского языка, бакалаврам по направлению туризм на начальном этапе обучения предлагаются следующие ролевые игры «Hello, how are you?», « I Haven't seen you in ages!..», «At the party», «What kind of person are you?», «Hobbies and pastimes» и т.д. Использование ролевых игр помогает бакалаврам уменьшить языковой барьер, автоматизировать навыки применения разговорных клише, обогатить словарный запас, учиться реагировать на реплики собеседника, формировать навыки спонтанной речи.

Использование ролевых игр при обучении иностранному языку способствует психологической готовности студентов к иноязычной коммуникации, обеспечивает естественную необходимость в многократном воспроизведении языкового материала, формированию прагматической компетенции, формированию коммуникативной компетентности и коммуникативной мотивации, способствует снятию усталости и напряжения [Ковалева, 2014, с. 56].

Применение ролевых игр может осуществляться на любом этапе обучения иностранному языку, главное чтобы цели и содержание игры соответствовали уровню языковой подготовки учащихся.

Деловая игра направлена на подготовку к профессионально-ориентированному иноязычному общению.

Деловая игра является эффективным приёмом обучения иностранному языку, целью которого является формирование комплекса знаний и умений выработки стратегии и тактики профессионального общения [Полесюк, 2012, с. 277].

Данный вид игры позволяет в учебных целях имитировать реально существующие процессы, явления, события характерные для профессиональной деятельности, что очень важно особенно при обучении иностранному языку для специальных целей. Соответственно, в процессе деловой игры студенты могут проявить себя компетентными специалистами, принимать адекватное решение в сложившейся игровой ситуации. Деловые игры направлены на развитие профессиональных компетентностей, умений принимать правильные решения в сложных ситуациях [Палаева, 2005, с. 95] В этом, и заключается принципиальное различие между ролевой и деловой игрой.

Методика организации деловой игры, так же включает в себя три этапа: подготовительный, проведение самой игры и контроль/анализ результатов игры.

Использование деловой игры при обучении иноязычному общению осуществляется, как правило, на завершающем этапе обучения иностранному языку, когда обучение носит профессионально-ориентированный характер. Данный метод позволяет нам проектировать обучение деловому иноязычному общению в качестве набора учебных игр разного уровня сложности, которые направлены на подготовку компетентного специалиста, способного, осуществлять профессиональные задачи в условиях межкультурной ситуации. Например, при обучении английскому языку бакалавров туризма мы подготавливаем бакалавров к продаже туристического продукта клиенту; встрече туристов в гостинице, в аэропорту и на таможне; к проведению деловых переговоров с партнёрами; организации и проведению экскурсий по достопримечательностям и т.д. Подобные деловые игры способствуют формированию коммуникативной компетентности, помогают установлению контактов между участниками, помогают научиться работать в команде, прислушиваться к другому мнению [Зимняя, 2005, с. 312].

Применение технических средств обучения (музыка, видео файлы, презентации, раздаточный материал) в процессе учебной игры усиливает эффект от данного вида работы: позволяет более естественно имитировать профессиональную среду. Так, например, бакалавры туризма в деловой игре при продаже туристического продукта используют презентации, буклеты, которые наглядно демонстрируют преимущество продукта.

Однако, следует отметить, что обучение иностранному языку не может строиться только на игровом методе. Применение данной формы обучения зависит от ряда факторов, в том числе от уровня подготовки учащихся, сложности изучаемого материала, от целей занятия и т.д.

Таким образом, использование ролевых и деловых игр в обучении иностранным языкам способствует формированию навыков общения, обогащению словарного запаса, развитию памяти, мышления, способствует установлению межличностного контакта участников процесса обучения и конечно позволяет пробудить и поддерживать интерес у студентов к иностранному языку. Эффективность и результативность данных методов обучения детерминируется системностью их применения и целенаправленностью данных методов с основными упражнениями и методами, применяемыми в обучении иностранному языку.

Список литературы

1. Алпатова, Р. С. Языковой и коммуникативный аспекты овладения английским языком в обобщающем курсе [Текст] / Р. С. Алпатова, О. М. Корчажкина // Иностраный язык в школе. – 1997. – № 2. – С. 7–14.
2. Белкина, Е. П. Использование ролевых игр при обучении иностранному языку студентов неязыковых направлений подготовки [Текст] / Е. П. Белкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6–1 (24). – С. 36–39.
3. Веревкина-Рахальская, Ю. Н. Методика использования Интернет ресурсов в формировании коммуникативной компетенции студентов специализированных ВУЗов на материале общественно-политической тематики: 2-ой курс, английский язык : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 [Текст] / Веревкина-Рахальская Юлия Николаевна. – М., 2007. – 291 с.
4. Выготский, Л. С. Игра и её роль в психическом развитии ребенка [Текст] / Л. С. Выготский // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. С. 62–76.
5. Демидова, Г. С. Ролевая игра на уроках иностранного языка [Электронный ресурс] / Г. С. Демидова // Социальная сеть работников образования. – Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/2012/02/12/rolevaya-igra-na-urokakh-inostrannogo-yazyka>
6. Жук, Н. В. Ролевая игра как метод обучения иностранному языку в высшей школе / Н. В. Жук, М. К. Тузова, Л. В. Ермакова [Текст] // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 187–91.
7. Зимняя, И. А. Педагогическая психология. Учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. и перераб. [Текст] / И. А. Зимняя. – М.: Логос, 2005. – 384 с.
8. Ковалева, М. И. Ролевые игры как средство развития межкультурной коммуникации при обучении иностранному языку в неязыковом ВУЗе [Текст] / М. И. Ковалева // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. – 2014. – Т. 6. – № 2. – С. 54–58.
9. Палаева, Л. И. Метод проектов в обучении английскому языку учащихся среднего этапа обучения общеобразовательной школы (на материале английского языка): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 [Текст] / Палаева Лира Ильфатовна. – М., 2005. – 239 с.
10. Полесюк, Р. С. Об эффективности использования игры при обучении иностранному языку [Текст] / Р. С. Полесюк // Вестник кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 275–278.

References

1. Alpatova, R. S. Jazykovej i kommunikativnyj aspekty ovladenija anglijskim jazykom v obobshhajushhem kurse [Tekst] / R. S. Alpatova, O. M. Korchazhkina // Inostrannyj jazyk v shkole. – 1997. – № 2. – S. 7–14.
2. Belkina, E. P. Ispol'zovanie rolevykh igr pri obuchenii inostrannomu jazyku studentov neязыkovykh napravlenij podgotovki [Tekst] / E. P. Belkina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 6–1 (24). – S. 36–39.
3. Verevkina-Rahal'skaja, Ju. N. Metodika ispol'zovanija Internet resursov v formirovanii kommunikativnoj kompetencii studentov specializirovannykh VUZov na materiale obshhestvenno-politicheskoi tematiki: 2-oj kurs, anglijskij jazyk : dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02 [Tekst] / Verevkina-Rahal'skaja Julija Nikolaevna. – M., 2007. – 291 s.
4. Vygotskij, L. S. Igra i ejo rol' v psihicheskom razvitii rebenka [Tekst] / L. S. Vygotskij // Voprosy psihologii. – 1966. – № 6. S. 62–76.
5. Demidova, G. S. Rolevaja igra na urokah inostrannogo jazyka [Jelektronnyj resurs] / G. S. Demidova // Social'naja set' rabotnikov obrazovanija. – Rezhim dostupa:

<http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/2012/02/12/rolevaya-igra-na-urokakh-inostrannogo-yazyka>

6. Zhuk, N. V. Rolevaja igra kak metod obuchenija inostrannomu jazyku v vysšej shkole / N. V. Zhuk, M. K. Tuzova, L. V. Ermakova [Tekst] // Aktual'nye voprosy sovremennoj pedagogiki: materialy IV mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, nojabr' 2013 g.). – Ufa: Leto, 2013. – S. 187–91.

7. Zimnjaja, I. A. Pedagogičeskaja psihologija. Učebnik dlja vuzov. Izd. vtoroe, dop., ispr. i pererab. [Tekst] / I. A. Zimnjaja. – M.: Logos, 2005. – 384 s.

8. Kovaleva, M. I. Rolevye igry kak sredstvo razvitija mezhkul'turnoj kommunikacii pri obuchenii inostrannomu jazyku v nejazykovom VUZe [Tekst] / M. I. Kovaleva // INTERJeKSPO GEO-SIBIR". – 2014. – T. 6. – № 2. – S. 54–58.

9. Palaeva, L. I. Metod proektov v obuchenii anglijskomu jazyku učashhihsja srednego jetapa obuchenija obshheobrazovatel'noj shkoly (na materiale anglijskogo jazyka): dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02 [Tekst] / Palaeva Lira Il'fatovna. – M., 2005. – 239 s.

10. Polesjuk, R. S. Ob jeffektivnosti ispol'zovanija igry pri obuchenii inostrannomu jazyku [Tekst] / R. S. Polesjuk // Vestnik kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 4. – S. 275–278.

УДК 811.111
UDC 811.111

*Якубова Наталья Михайловна,
ассистент кафедры иностранных языков
Амурский государственный университет*

*Natalia M. Yakubova,
Teaching assistant
Department of Foreign Languages
Amur State University*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОМНЕНИЯ

METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION OF DOUBT

Аннотация

Актуальность предпринятого исследования обусловлена интересом современной лингвистики к внутреннему миру человека и вниманием исследователей к соотношению языковых форм со структурами знания. Данные факторы определяют значимость изучения состояния сомнения в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. В данной статье выявляются когнитивные метафорические модели и анализируются когнитивные метафоры сомнения, которые позволяют изучить особенности категоризации человеком своего внутреннего мира.

Abstract

The urgency of undertaken research is caused by the interest of contemporary linguistics in human's inner world and by researchers' attention to correlation of language forms with structures of knowledge. These factors define the significance of doubt studying within cognitive-discursive paradigm. In this paper cognitive metaphorical models are revealed and cognitive metaphors are analyzed. Cognitive metaphors help study categorization of man's inner world.

Ключевые слова: сомнение, концептуализация, когнитивная метафорическая модель, когнитивная метафора

Keywords: doubt, conceptualization, cognitive metaphorical model, cognitive metaphor

Состояние сомнения не раз привлекало внимание исследователей. Оно становилось объектом изучения в философии, психологии и лингвистике. На сегодняшний день в философии сомнение понимается как ситуация «мыслительного процесса выбора того или иного суждения для принятия его в качестве собственного мнения или состояние, когда человек не может сделать выбор между двумя противоречивыми мнениями» [Мальцева, 1998, с. 15]. В психологии сомнение рассматривается как психическое состояние, то есть как «субъективное отношение к отражаемому явлению, и как механизм оценки отражаемой действительности» [Куликов, 2000, с. 9]. Психическому состоянию сомнения характерна эмоциональная составляющая, заключающаяся в

том, что сомнение часто сопровождается беспокойством и неудовлетворенностью. Обобщив результаты, достигнутые в философии и психологии, лингвисты исследовали сомнение через призму языка. Сомнение изучалось как категория эпистемической модальности [Беляева, 1985; Арутюнова, 1999], модусная категория [Шмелева, 1990; Арутюнова, 1999; Кобрин, 2006], лингвокультурный концепт [Юровицкая, 2005], макрополе категории некатегоричности [Топка, 2000], также внимание уделялось семантическому [Никольская, 2011] и прагмасемантическому [Емельянова, 2010] аспектам сомнения. Несмотря на то, что в многочисленных научных исследованиях затрагиваются вопросы теории и семиотики эмоций и внутренних состояний, их концептуализации и вербализации [Арутюнова, 1976; Красавский, 2001; Дорофеева, 2002; Воркачев, 2004], остаётся неясным, как человек понимает и осмысляет сомнение. В данной работе мы постараемся раскрыть специфику метафорической концептуализации сомнения. Научная новизна предпринятого исследования заключается в том, что впервые устанавливаются когнитивные метафорические модели внутреннего состояния сомнения.

Любой художественный текст способен воспроизводить психо-эмоциональную жизнь людей. В произведении внутренние состояния выявляются через специфические языковые знаки, которые материальны, наблюдаемы и служат для манифестации внутренней сферы человека [Шаховский, 2008, с. 15]. К таким «материальным языковым знакам», манифестирующим состояние сомнения в художественном тексте, относится концептуальная метафора. Под концептуальными метафорами понимают наиболее значимые в мыслительной и речевой деятельности метафоры, особая роль которых связана с тем, что они способны структурировать мировосприятие людей и в определенной мере детерминировать интерпретацию ими действительности [Грицанов, 2001]. В когнитивной лингвистике метафора определяется как ментальная операция, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [Будаев, 2007]. Когнитивная метафора играет важную роль в исследовании сложного процесса мышления человека.

Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знания двух концептуальных доменов – сферы-источника (*source domain*) и сферы-мишени (*target domain*). В результате однонаправленной метафорической проекции хорошо известные человеку элементы сферы-источника структурируют менее понятную для него концептуальную сферу-мишень, что и составляет суть когнитивного потенциала метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят пример концептуальной метафоры *LOVE IS WAR*, которая не столько является средством описания чувства любви в понятиях войны, сколько устойчивым способом осмысления данного чувства. При помощи исследуемой концептуальной метафоры любовь осмысляется следующим образом: за неё можно бороться и завоевывать, объект любви осаждают или преследуют, а от преследователя, в свою очередь, бегут или противостоят ему, в борьбе за любовь ищут союзников.

Зарубежные исследователи подразделяют когнитивные метафоры на три типа: структурные, ориентационные (пространственные) и онтологические [Lakoff, 1980]. Российские исследователи выделяют антропоморфную, натурморфную, зооморфную, фитоморфную и предметную (артефактную)

метафорические модели [Пименова, 1999; Красавский, 2001]. Названные типы метафор и метафорических моделей задают аналогии и порождают частные метафоры. Проанализировав типы когнитивных метафор в отечественной и зарубежной лингвистике, мы пришли к выводу, что не существует единой её типологии. В нашем исследовании, опираясь на уже известные классификации метафор, мы попытались выделить определенные типы метафорических моделей, которые, в свою очередь, актуализируются в частных когнитивных метафорах. Так, состояние сомнения концептуализируется человеком при помощи таких метафорических моделей, как:

1) антропоморфная метафорическая модель

Человек постигает и осваивает внутренний мир наравне с постижением и освоением мира внешнего. Ассоциативные связи человеческого опыта предопределили соизмеримость «внешнего» человека и человека «внутреннего», следовательно, и антропоморфные признаки последнего [Пименова, 1999, с. 52]. По мнению Н. Д. Арутюновой, персонификация и олицетворение являются основой антропоморфной метафорической модели [Арутюнова, 1976, с. 95]. Антропоморфная метафорическая модель актуализируется в метафорах СОМНЕНИЕ – ЧЕЛОВЕК и СОМНЕНИЕ – ВРАГ.

В метафоре СОМНЕНИЕ – ЧЕЛОВЕК мы наблюдаем приём персонификации. Сомнение, будучи неодушевленным объектом, уподобляется человеку. В следующих примерах сомнению присущи двигательные функции, которыми наделены люди. Лексемы, номинирующие сомнение, выступают в роли субъекта действия. На языковом уровне это лексикализуется глаголом движения *elude* и глаголом говорения *mutter*, ср.: *This doubt and hesitation, this inability to decode the truth, eluded him like a Taliban sniper in the Hindu Kush Mountains* [Palmer, p. 43]; *She straightened her shoulders and tried to ignore all the whispers of doubt muttering inside her head* [Robberts, p. 162].

Антропоморфная когнитивная метафора СОМНЕНИЕ – ВРАГ позволяет осмыслить состояние сомнения как врага. Враг всегда ассоциируется с войной, которая несёт разрушения. То же самое можно сказать и о состоянии сомнения, ср.: *Rainey circled there in the ruinous doubt and longing* [Turrow, p. 271]. Сильное сомнение нарушает эмоциональное равновесие человека и влечет за собой страх и пессимистичный взгляд на будущее, ср.: *The uncertainty of life without her mother was frightening to her* [Palmer, p. 75]; *two-week-old doubts changed me a lot: I couldn't concentrate, work, eat, watch TV, play with my kids... But the worst thing was I didn't see my future!* [Robberts, p. 112]. На войне враги разоряют города и поселения, так и сомнение способно опустошить человека, ср.: *He watched in the dark, gnawing doubt left him empty* [Michael, p. 90].

2) зооморфная метафорическая модель

В сознании человека его внутренние состояния могут представлять в виде животного. Н. Д. Арутюнова указывает, что отрицательные состояния «грызут, терзают, гложут, сосут, кусают, жалят, колют, ранят, точат, пронзают сердце, режут по сердцу, жгут» [Арутюнова, 1999, с. 395].

Образ животного является источником зооморфной метафорической модели, которая актуализируется в когнитивной метафоре СОМНЕНИЕ – ЖИВОТНОЕ. В следующем примере можно увидеть, что сомнение причиняет такую же боль, как укус животного, ср.: *But afterward a doubt bit her heart*

[Smith, p. 89]. Подобно змее, сомнение вкрадывается в голос, ср.: «*Hmm*», *Ike said, doubt creeping into her voice* [Turrow, p. 310]. Из примеров явствует, что в сознании человека сомнение предстает как враждебный зверь.

3) фитоморфная метафорическая модель

Человек соизмеряет себя с объектами окружающего мира, в том числе и с растениями. В основе фитоморфной метафорической модели лежит образ растения. Фитоморфная метафора достаточно широко представлена в художественном дискурсе. Так, анализ примеров показал, что сомнение, подобно растению, может расти, зреть, процветать, увядать. В связи с этим, мы выделяет фитоморфную метафору СОМНЕНИЕ – РАСТЕНИЕ. В представленном примере сомнение проходит стадию увядания, которая характерна жизненному циклу растений, ср.: *After his words, especially after his glance, my doubts faded away* [Michael, p. 203]. Из следующего примера явствует, что сомнение героини в смерти любимого человека было развеяно полицейским. Сомнение исчезает также стремительно и резко, как растение лишается жизни, когда его вырывают из земли. Лишившись сомнения, героиня потеряла надежду увидеть мужа живым, ср.: *The policeman said it was a crash... I hoped that Mike would come but... Sergeant Ryan pulled hope and doubts out of my mind* [Robberts, p. 56].

4) натурморфная метафорическая модель

Реально существующие явления живой природы являются когнитивным источником натурморфной метафорической модели. В ходе исследования мы установили, что натурморфная метафорическая модель состояния сомнения актуализируется посредством когнитивных метафор СОМНЕНИЕ – ЖИДКОСТЬ и СОМНЕНИЕ – ТУМАН.

В концептуальной метафоре СОМНЕНИЕ – ЖИДКОСТЬ отражено представление о сомнении как о жидкости. Понять природу внутреннего состояния можно через представление о «жидком теле, наполняющем человека, его душу, сердце, принимающих форму сосуда» [Арутюнова, 1999, с. 389]. Пребывание в состоянии сомнения осмысливается как колебание жидкости внутри сосуда, что на языковом уровне выражается при помощи лексических единиц *bubble up*, ср.: *Then doubt bubbled up inside her* [Palmer, p. 170]. Сильное сомнение сравнивается с огромной волной, которая накрывает человека, ср.: *Ghosts of summers past faded as the fragrant scent of roses washed over me, and with it another wave of doubt so tall and wide, I felt as though I might drown in it* [Turrow, p. 50].

Когнитивная метафора СОМНЕНИЕ – ТУМАН также актуализирует натурморфную метафорическую модель. Лексическое сочетание *vague doubts* уподобляет состояние сомнения туману и актуализирует идею неясности, ср.: *Vague doubts and fears, and a sudden antipathy to remaining any longer near the summer-house, overcame her* [Michael, p. 238]. Герой испытывает смутные сомнения и не отдаёт себе отчёт, в чём именно он не уверен. В примере ниже сомнение уподобляется дымке, что характеризует его как слабое по силе состояние, ср.: *A haze of doubt and uncertainty hangs in Scotland over the most important contract of civilized life* [Smith, p. 152]. Далее, очень сильное сомнение номинируется лексическим сочетанием *thick mists of the dim doubts* и лексемой *fog*, ср.: *And so, through all the thick mists of the dim doubts in my mind,*

divine intuitions now and then shoot, enkindling my fog with a heavenly ray [Robberts, p. 327].

5) пространственная метафорическая модель

В основе пространственной метафорической модели заложена идея о пространственной ориентации, о противопоставлении типа «верх-низ», «внутри-снаружи», «впереди-сзади», «глубокий-мелкий», «центральный-периферийный» и т. п. Анализ фактического материала показал, что пространственная метафорическая модель актуализирует состояние сомнения при помощи когнитивных метафор: СОМНЕНИЕ – НИЗ, СОМНЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ, СОМНЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ и СОМНЕНИЕ – ВМЕСТИЛИЩЕ.

Пространственная метафора базируется на сравнении явления, события, состояния с какой-либо частью пространства. Простые пространственные понятия первичны для человеческого сознания и непосредственно связаны с опытом ориентации. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают на пространственную ориентацию когнитивных метафор: GOOD IS UP, BAD IS DOWN. Осознание того, что ХОРОШЕЕ ориентировано ВВЕРХ, а плохое – ВНИЗ демонстрируется следующим выражением, ср.: *We hit a peak last year, but it's been down hill ever since*. 'Мы достигли высшей точки в прошлом году, но с тех пор дела ухудшились (букв.: пошли вниз)' [Lakoff, 1980]. В силу того, что часто сомнение сопровождается отрицательными эмоциями, мы полагаем, что оно концептуализируется при помощи пространственной метафоры СОМНЕНИЕ – НИЗ.

В когнитивной метафоре СОМНЕНИЕ – НИЗ актуализируется значение сильного сомнения, ср.: *His doubt seemed bottomless and perhaps even sincere* [Michael, p. 289]. В рамках когнитивной метафоры СОМНЕНИЕ – НИЗ можно выделить метафору СОМНЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ. Из примера явствует, что героиня поникла от сильного сомнения, ср.: *If Manny knocked on the bathroom door and suggested that perhaps she should hurry up, Jennifer seemed to wilt into deeper uncertainty* [Palmer, p. 269].

Возникновение или усиление сомнения уподобляется движению вверх и актуализируется в когнитивной метафоре СОМНЕНИЕ – ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ. Возрастающее сомнение предстаёт в образе утренней зари, которая набирает силу света, ср.: *Grofe didn't look at me immediately. The young man did, with dawning uncertainty* [Smith, p. 219].

Пространственная когнитивная метафора СОМНЕНИЕ – ВМЕСТИЛИЩЕ позволяет концептуализировать данное состояние как нахождение в замкнутом пространстве [Lakoff, 1990, p. 397]. Это связано с тем, что человек переносит идею контура, границы на свое внутреннее состояние [Падучева, 2004, с. 174]. Так, сомнение предстаёт как вместилище, имеющее границы, за которые человек не в состоянии выйти, ср.: *I did not protest; I was in doubt about the safety of natural food here. It could be spoiled or poisonous, despite seeming all right* [Murley, p. 136].

б) сенсорная метафорическая модель

Внутренние состояния человека часто не наблюдаемы, не осязаемы и не воспринимаются на слух. Они выводятся на языковой уровень при помощи каналов восприятия (зрения, слуха, осязания). Анализ эмпирического ма-

териала языковой концептуализации сомнения позволил выделить сенсорную метафорическую модель, в рамках которой выделяется:

- температурная метафора

Температура окружающей среды и предметов влияет на комфортное существование человека. По мнению Е. В. Рахилиной, антропоцентризм человеческого сознания лежит в основе наименования температурных признаков – человек является мерой, с которой он сопоставляет воспринимаемые им признаки [Рахилина, 2000].

Наличие глаголов *sear*, *scorch* позволило нам отнести температурную метафору СОМНЕНИЕ – ЖАР к сенсорной метафорической модели. Компонентами метафорического переноса являются семы воздействия, деструкции и интенсивности. Из следующего примера ясно, что сомнение сравнивается с жаром, который терзает и мучает человека, ср.: *Sudden uncertainty seared my soul* [Murley, p. 39]. Далее в примере глагол *scorch* актуализирует представление о физической боли, которая возникает при соприкосновении человека с огнем или с чем-то очень горячим, ср.: *Uncertainty whether he was Mike's father scorched his mind* [Murley, p. 211].

Температурная метафора СОМНЕНИЕ – ХОЛОД также относится к сенсорной метафорической модели. В примере ниже лексическое сочетание *a cold chill of uncertainty* объективирует сомнение как озноб, ср.: *She felt a cold chill of uncertainty* [Palmer, p. 145]. Сомнение уподобляется холодному ветру, который вызывает у героини дрожь, ср.: *Now, finally, doubt whispered its chill in the wind, and she began shivering and couldn't stop* [Smith, p. 271].

- кинетическая метафора

Мы выделили кинетическую метафору СОМНЕНИЕ – ТЯЖЕСТЬ, актуализирующую сенсорную метафорическую модель. Существование данного вида метафоры обусловлено тем, что состояние сомнения часто сопровождается ощущением тяжести.

По мнению М. В. Пименовой, переживания человека могут быть переданы схемой «тяжесть – отрицательные эмоциональные состояния, легкость – положительные эмоциональные состояния» [Пименова. 2001, с. 258]. Г. Е. Кустова указывает на то, что идея тяжести распространяется на неприятные, мучительные состояния и физиологические процессы. Отрицательные внутренние состояния аналогичны действию тяжести, поскольку они связаны с подавленностью, замедленностью и угнетенностью жизненных функций [Кустова, 2004, с. 301–302]. В качестве тяжести выступают груз, ноша, которые «лежат сверху» на человеке, тяготят и мешают. Так, в примере ниже сомнение, подобно прессу, давит на героя, что отражается на лице или в голосе, ср.: *Brian sees his face squash up with doubt, and feels sorry for him* [Robberts, p. 127]; «*They say mad men have a super human power when the mania is on them*». – «*Maybe*», Pitt said, *heavy with doubt* [Smith, p. 89]. Сомнение может давить на ум, сознание, что связано с тягостными переживаниями, беспокоящими человека, ср.: *Grave doubts weigh heavily on the minds of my family* [Michael, p. 59]. Из приведенных примеров следует, что порой сомнение осмысливается как негативное эмоциональное состояние, которое возникает по причине давления на человека чего-то неприятного.

Когнитивная кинетическая метафора СОМНЕНИЕ – БОЛЬ также актуализирует сенсорную метафорическую модель. Лексическое сочетание *doubt*

twisting his gut вербализует чувство дискомфорта, которое близко ощущению боли, ср.: «*I knew you'd be a powerful Dreamer the first hour of your life*». *He shook his head, doubt twisting his gut* [Murley, p. 98].

Так же как и интенсивность состояния сомнения, интенсивность боли бывает различной. Употребление лексических единиц *horrible pang, prickles, constant prickling* является следствием того, что человек концептуализирует сомнение как слабую или сильную, непродолжительную или постоянную боль, ср.: *He shivered and blinked at her, feeling the horrible pang of doubt knotting in his chest* [Robberts, p. 208]; *Prickles of uncertainty clustered at her temples* [Smith, p. 161]; *Yet she couldn't stop wondering if she had made the right choice leaving Jacob. Her doubt was like the constant prickling of bristles* [Turrow, p. 353].

- визуальная метафора

В концептуальной метафоре СОМНЕНИЕ – ТЬМА отражено представление о сомнении как о темноте. В темноте человек часто испытывает страх, так как не видит ничего вокруг. Часто человек чувствует то же самое, пребывая в сомнении. В следующих примерах героини испытывают сильные сомнения, которые, в свою очередь, провоцируют страх, ср.: *When possibilities were larger than reason, when potential was grander than circumstance, when the long, dark days of doubt were suddenly cast off and laid to rest* [Michael, p. 249]. Когнитивная метафора позволяет судить об интенсивности сомнения. Так, в отличие от лексической единицы *dark days of doubt* лексическое сочетание *a shadow of uncertainty* номинирует слабое сомнение, ср.: *For the first time a shadow of uncertainty seemed to cross her face. But then the shadow passed, and she smiled* [Murley, p. 274].

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу, что в большинстве случаев сомнение осмысливается как нечто враждебное, давящее, представляющее угрозу и провоцирующее страх. На когнитивном уровне состояние сомнения репрезентировано антропоморфной, зооморфной, фитоморфной, натурморфной, пространственной и сенсорной метафорическими моделями. Метафорически сомнение концептуализируется как живое существо, враг, растение, жидкость, воздух, туман, низ, движение вниз/вверх, вместилище, жар, холод, тяжесть, боль и тьма.

Работа вносит вклад в дальнейшую разработку теории оценки внутренних состояний с когнитивно-дискурсивных позиций, что позволяет изучить особенности категоризации человеком своего внутреннего мира.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
3. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры [Текст] / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – С. 16–32.
4. Грицанов, А. А. Постмодернизм [Текст] / А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрес-сервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
5. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 498 с.

6. Куликов, Л. В. Проблема описания психических состояний [Текст] / Л. В. Куликов // Психические состояния: хрестоматия. – СПб. : Питер, 2000. – 11-42 с.
7. Кустова, Г. И. Типы производственных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
8. Мальцева, А. П. Сомнение как философско-методологическая проблема : автореф. дис. ... канд. филос. наук [Текст] / А. П. Мальцева. – Ульяновск, 1998. – 20 с.
9. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
10. Пименова, М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека [Текст] / М. В. Пименова. – Кемерово : Кузбассвузиздат; Laundau : Verlag Empirische Paedagogik, 1999. – 262 с.
11. Пименова, М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия) : дис. ... д-ра. филол. наук [Текст] / М. В. Пименова. – СПб., 2001. – 497 с.
12. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.
13. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография [Текст] / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
14. Lakoff, G. Metaphors We Live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London : The University of Chicago Press, 1980. – 276 p.
15. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things [Text] / G. Lakoff. – Chicago; London : The University of Chicago Press, 1990. – 614 p.
16. Michael, M. People of the Wolf [Text] / M. Michael, K. Gear. – New York : Tor Books, 1990. – 448 p.
17. Murley, N. Don't Do Away [Text] / N. Murley. – San Francisco, 1985. – 240 p.
18. Palmer, C. Stranger in the Night [Text] / C. Palmer. – New York : Steeple Hill Books, 2009. – 286 p.
19. Roberts, N. Blue Dahlia [Text] / N. Roberts. – Waterville, ME : Thorndike Press, 2005. – 370 p.
20. Smith, B. Relentless [Text] / B. Smith. – New York : Leisure, 2010. – 340 p.
21. Turow, S. Personal Injuries [Text] / S. Turow. – Farrar, Straus, Giroux, New York, 1999. – 390 p.

References

1. Arutjunova, N. D. Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy [Tekst] / N. D. Arutjunova. – М. : Nauka, 1976. – 383 s.
2. Arutjunova, N. D. Jazyk i mir cheloveka [Tekst] / N. D. Arutjunova. – М. : Shk. «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. – 896 s.
3. Budaev, Je. V. Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory [Tekst] / Je. V. Budaev // Lingvokul'turologija. – Ekaterinburg, 2007. – S. 16–32.
4. Gricanov, A. A. Postmodernizm [Tekst] / A. A. Gricanov, M. A. Mozhejko. – Minsk : Interpres-servis; Knizhnyj Dom, 2001. – 1040 s.
5. Krasavskij, N. A. Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turach [Tekst] / N. A. Krasavskij. – Volgograd : Peremena, 2001. – 498 s.
6. Kulikov, L. V. Problema opisanija psihicheskix sostojanij [Tekst] / L. V. Kulikov // Psihicheskie sostojanija: hrestomatija. – SPb. : Piter, 2000. – 11-42 s.
7. Kustova, G. I. Tipy proizvodstvennyh znachenij i mehanizmy jazykovogo rasshirenija [Tekst] / G. I. Kustova. – М. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 472 s.

8. Mal'ceva, A. P. Somnenie kak filozofsko-metodologičeskaja problema : avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk [Tekst] / A. P. Mal'ceva. – Ul'janovsk, 1998. – 20 s.
9. Paduceva, E. V. Dinamičeskie modeli v semantike leksiki [Tekst] / E. V. Paduceva. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 608 s.
10. Pimenova, M. V. Jetnogermenevtika jazykovoju naivnoju kartiny vnutrennego mira čeloveka [Tekst] / M. V. Pimenova. – Kemerovo : Kuzbassvuzizdat; Laundau : Verlag Empirische Paedagogik, 1999. – 262 s.
11. Pimenova, M. V. Koncepty vnutrennego mira (russko-anglijskie sootvetstvija) : dis. ... d-ra. filol. nauk [Tekst] / M. V. Pimenova. – SPb., 2001. – 497 s.
12. Rahilina, E. V. Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sočetaemost' [Tekst] / E. V. Rahilina. – M. : Russkie slovari, 2000. – 416 s.
13. Šahovskij, V. I. Lingvističeskaja teorija jemocij : monografija [Tekst] / V. I. Šahovskij. – M. : Gnozis, 2008. – 416 s.
14. Lakoff, G. Metaphors We Live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London : The University of Chicago Press, 1980. – 276 p.
15. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things [Text] / G. Lakoff. – Chicago; London : The University of Chicago Press, 1990. – 614 p.
16. Michael, M. People of the Wolf [Text] / M. Michael, K. Gear. – New York : Tor Books, 1990. – 448 p.
17. Murley, N. Don't Do Away [Text] / N. Murley. – San Francisco, 1985. – 240 p.
18. Palmer, C. Stranger in the Night [Text] / C. Palmer. – New York : Steeple Hill Books, 2009. – 286 p.
19. Roberts, N. Blue Dahlia [Text] / N. Roberts. – Waterville, ME : Thorndike Press, 2005. – 370 p.
20. Smith, B. Relentless [Text] / B. Smith. – New York : Leisure, 2010. – 340 p.
21. Turow, S. Personal Injuries [Text] / S. Turow. – Farrar, Straus, Giroux, New York, 1999. – 390 p.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андросова С. В.</i>	Неканонические фонологические модели морфем и слов в русском и английском языках	5
<i>Гусева С. И.</i>	Реализация немецкого вокализма: семантикоцентрический подход	16
<i>Деркач С. В., Шуйская Т. В.</i>	Фонематический статус долготы гласных английского языка	35
<i>Карачева О. Б.</i>	Мифологизация политического дискурса	46
<i>Кравец Т. В.</i>	Типология речевых актов в коммуникативно-прагматической ситуации немецкого прощания (Abschied)	54
<i>Луганцева Ю. С.</i>	Фонетический сингармонизм в американской спонтанной речи	64
<i>Морозова О. Н.</i>	Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийском языке	74
<i>Процукович Е. А.</i>	Особенности реализации аффрикат в русской речи амурских эвенков	86
<i>Сивухин А. А.</i>	Использование игровых методов в обучении иностранным языкам в вузе	96
<i>Якубова Н. М.</i>	Метафорическая концептуализация сомнения	103

CONTENTS

<i>Androsova, S. V.</i>	Non-canonical models of morphemes and words in Russian and English	5
<i>Guseva, S. I.</i>	Realization of the German vowel system: Semantic-centric approach	16
<i>Derkach, S. V., Shuiskaya, T. V.</i>	Phonemic status of vowel length in English	35
<i>Karacheva, O. B.</i>	Mythologization of the political discourse	46
<i>Kravets, N. V.</i>	Typology of speech acts in the communicative pragmatic situation of German parting pattern(Abschied)	54
<i>Lugantseva, Y. S.</i>	Phonetic vowel harmony in American spontaneous speech	64
<i>Morozova, O. N.</i>	Articulatory and acoustic features of the fore-lingual voiceless plosive consonant /t/ in the Evenki language	74
<i>Protsukovich, E. A.</i>	Peculiarities of realization of affricates in the Russian speech of the Amur Evenks	86
<i>Sivukhin, A. A.</i>	Using play methods in teaching foreign language in high school	96
<i>Yakubova, N. M.</i>	Metaphorical conceptualization of doubt	103

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 1, № 1, 2015.
Издательство АмГУ.

Подписано к печати 25.03.15. Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,81. Тираж 500. Заказ 584.
Отпечатано в типографии АмГУ.